

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

# ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

## ПАССАЖИР

ГРАНЖЕ ДЕРЖИТ ЧИТАТЕЛЕЙ В НАПРЯЖЕНИИ НА ВСЕМ ПРОТЯЖЕНИИ ДИСТАНЦИИ, КОТОРУЮ ЕГО НЕВЕРОЯТНО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ГЕРОИ ПРЕОДОЛЕВАЮТ НАПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ.

**L'Express**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

**Жан-Кристоф Гранже**  
**Пассажир**

Jean-Christophe Grangé  
Le passager  
© Éditions Albin Michel – Paris 2011

Перевод с французского Елены Головиной (ч. I–III), Александры Ратай (ч. IV–V)

© Е. Головина (ч. I–III), перевод, 2012  
© А. Ратай (ч. IV–V), перевод, 2012  
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2012  
® Издательство АЗБУКА

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

*Мишель Рока-Фелиппо посвящается*

# I. Матиас Фрер

Звонок проник в сознание раскаленной иглой.

Ему снилась залитая солнцем стена. Он шел вдоль белой загородки, следуя за своей тенью. У стены не было ни начала, ни конца. Стена была целой вселенной. Гладкой, слепяще-яркой, равнодушной...

Снова звонок.

Он открыл глаза. Взглянул на светящиеся цифры стоящего рядом электронного будильника. 4.02. На ощупь поискал телефон. Рука шарилась в пустоте. Тут он вспомнил, что заснул в комнате отдыха. Мобильник нашелся в кармане халата. Он посмотрел на экран. Номер незнакомый. Молча нажал нужную кнопку.

Темноту прорезал голос:

– Доктор Фрер?

Он не ответил.

– Вы доктор Матиас Фрер, дежурный психиатр?

Голос доносился откуда-то издалека. Как будто из того же сна. Стена, ослепительный свет, тень...

– Да, я слушаю, – отозвался он наконец.

– Говорит доктор Филон. Я дежурю в квартале Сен-Жан-Бельсье.

– Почему вы звоните мне на этот номер?

– Мне его дали. Я вас от чего-то оторвал?

Глаза понемногу привыкали к темноте. Негатоскоп. Металлический стол. Шкаф с лекарствами, запертый на два замка. Комната отдыха располагалась в обычном смотровом кабинете, и он сам выключил в нем свет. И спал на кушетке для пациентов.

– Что случилось? – проворчал он, поднимаясь на ноги.

– На вокзале Сен-Жан произошло что-то странное. Около полуночи дежурная охрана задержала мужчину. Бродяга. Прятался в смазочной, возле железнодорожных путей.

Врач явно нервничал. Фрер еще раз посмотрел на будильник: 4.05.

– Бродягу отвели в медпункт и оттуда позвонили в комиссариат на бульваре Капуцинов. За ним приехали из полиции. Они-то меня и вызвали. Я осмотрел его прямо там.

– Он что, ранен?

– Нет. Но он совершенно ничего не помнит. Вот это-то и странно.

– А он не притворяется? – сдержав зевок, спросил Фрер.

– Это уж вам судить, вы же специалист. Но лично мне кажется, что нет. У него такой вид... Отсутствующий. Как будто он не здесь, а где-то еще. Вернее сказать, нигде.

– Мне будут звонить из полиции?

– Нет. Патрульные с улицы Бак уже везут его к вам.

– Спасибо, – иронически поблагодарил он.

– Кроме шуток. Вы сможете ему помочь. Я в этом уверен.

– Вы написали медицинское заключение?

– Они взяли его с собой. Удачи вам.

И он повесил трубку, торопясь покончить с этим делом. Матиас Фрер стоял не двигаясь и не зажигая света. В ушах настойчиво пикал сигнал отбоя. Да уж, ночь выдалась еще та. Развлечения начались в девять вечера. В корпусе стационара новенький сделал кучу прямо в палате, после чего наелся собственного дерьма и сломал запястье медбрата. Ровно через полчаса в западном корпусе пациентка с шизофренией выломала из пола кусок линолеума и попыталась вскрыть себе вены. Фрер оказал ей первую помощь и перевел в Пелегрэн.

В полночь он прилег вздремнуть. Но не проспал и часа, потому что еще один пациент вырвался на улицу в чем мать родила и принялся носиться по территории, оглашая окрестности оглушительными звуками пластмассовой дудки. Пришлось всадить ему тройную дозу седативного, а потом успокаивать тех, кого он перебудил своим сольным концертом. В это же время у парнишки из токсикологического отделения случился приступ эпилепсии. Пока

Фрер до него добирался, бедолага успел прокусить себе язык. Из рта у него хлестала кровь. Он так бился, что они держали его вчетвером. Но все-таки ухитрился стянуть у Фрера из кармана мобильник. Психиатр дождался, пока стихнут судороги, и лишь после этого разжал пальцы эпилептика и забрал у него аппарат, весь заляпанный кровью.

В половине четвертого он опять прилег. Передышка длилась ровно полчаса, и прервал ее этот дурацкий звонок. *Дерьмо.*

Он по-прежнему сидел в темноте не двигаясь. В телефоне все так же пикали гудки отбоя, буравя бесформенный мрак комнаты призрачными звуками.

Он сунул мобильник в карман и встал. Перед глазами возникла белая стена из его сна. Женский голос прошептал: «Feliz...» По-испански «Фелис» означает «счастливый». Но при чем тут испанский? И откуда взялась эта женщина? В глубине левого глаза вспыхнула привычная колющая боль, неизбежно встречавшая его при пробуждении. Он потер пальцами веки и напился воды из-под крана.

На ощупь добрался до двери и открыл ее мастер-ключом.

Ложась спать, он заперся в комнате – здесь находился шкаф с лекарствами, святой Грааль всего отделения.

Через пять минут он уже шагал по скользкой дороге, соединявшей корпуса больницы. С вечера на Бордо лег туман – густой, белесый, невероятно плотный. Фрер поднял воротник плаща, который накинул поверх халата. К запаху сырости примешивались морские испарения, и он непроизвольно сморщил нос.

Он шел по центральной аллее. Уже в трех метрах впереди не было видно ничего, но он успел выучить окрестный пейзаж наизусть. Низкие корпуса в серой штукатурке, горбатые крыши, квадратные лужайки... Конечно, он мог отправить за новеньким медбрата, но он предпочитал лично встречать каждого из своих «клиентов».

Он пересек внутренний дворик, по сторонам которого росло несколько пальм. Обычно один вид этих деревьев, завезенных с

Антильских островов, внушал ему толику оптимизма. Но только не нынче ночью. Холод и сырость оказались сильнее. Он дошел до ворот, помахал рукой охраннику и ступил за ограду. А вот и полиция. Фонарь на крыше автомобиля вращался медленно и беззвучно, словно маяк на краю вселенной.

Фрер прикрыл глаза. Боль под веком не утихала. Он не обращал на нее внимания, убежденный в ее психосоматическом характере. Дни напролет он занимался тем, что лечил душевные расстройства, и хорошо знал, что они всегда проявляются в телесных недомоганиях. Почему же его собственный организм должен вести себя иначе?

Он открыл глаза. Из машины выбирались полицейский и еще один мужчина в штатском. Фрер понял, почему у звонившего ему врача был такой испуганный голос. Потерявший память человек оказался настоящим великаном. Рост наверняка около двух метров, вес – килограммов сто тридцать. На нем была шляпа – настоящий техасский стетсон, на ногах – узконосые кожаные сапоги со скошенным каблуком. Темно-серый плащ был ему явно мал. В руках он держал пластиковый пакет с логотипом «G20» и крафтовый конверт, судя по всему набитый документами.

Полицейский сделал было шаг навстречу Фреру, но тот знаком велел ему оставаться на месте, а сам приблизился к ковбою. С каждым шагом боль делалась все острее и нестерпимее. В уголке глаза задергалась мелкая мышца.

– Добрый вечер, – обратился он к мужчине, замерев в нескольких метрах от него.

Тот не ответил на приветствие. Он вообще не пошевелился. Его силуэт, освещаемый фонарем, едва выступал из мутной мороси. Фрер повернулся к полицейскому, который держался в отдалении, положив руку на бедро, готовый вмешаться в любую минуту.

– Спасибо. Вы можете ехать.

– А разве вам не нужен рапорт?

– Пришлете утром протокол.



Полицейский поклонился, отошел и нырнул в машину, которая через секунду бесследно растаяла в тумане.

Двое мужчин остались стоять лицом друг к другу, разделенные лишь полосой белесого пара.

– Я доктор Матиас Фрер, – наконец произнес психиатр. – Возглавляю в этой больнице отделение скорой помощи.

– Вы будете меня лечить?

Низкий голос звучал приглушенно. Фрер не мог разглядеть черты лица мужчины, скрадываемые тенью от стетсоновской шляпы. Но он точно напоминал мультяшного великана. Нос картошкой, людоедская пасть, тяжелый подбородок.

– Как вы себя чувствуете?

– Надо, чтобы меня вылечили.

– Пойдемте со мной?

Он не пошевелился.

– Пойдемте же, – Фрер протянул ему руку. – Мы вам поможем.

Чисто рефлекторно мужчина отступил на шаг и попал под луч фонаря. Фрер увидел, что его предположения подтвердились. Лицо немного детское и какое-то непропорциональное. На вид лет пятьдесят. Из-под шляпы выглядывают пряди начавших сесть волос.

– Пойдемте, пойдемте. Все будет хорошо.

Фрер говорил самым убедительным тоном, на какой был способен. У душевнобольных обостренная восприимчивость. Они сразу чувствуют, если их хотят обмануть. С ними нельзя крутить. *Карты на стол* – вот главный принцип работы психиатра.

Потерявший память мужчина решился сделать первый шаг. Фрер развернулся – руки в карманах плаща – и непринужденной походкой двинулся в сторону больницы. Он старался не оглядываться – давал больному понять, что доверяет ему.

Они дошли до подъезда. Матиас дышал через рот, глотая холодный, напитанный влагой воздух, словно сосал ледышки. Как же он устал. Недосып, туман, но главное – это вечное чувство

беспомощности перед безумием, ежедневно множившим свои лица...

Что припас для него этот новый пациент? Сумеет ли он сделать для него хоть что-нибудь? Фрер понимал, что шансов узнать о прошлом этого человека очень мало. А шансов исцелить его – и того меньше.

Это и есть психиатрия.

Попытка вычерпать воду из тонущей лодки с помощью наперстка.

\* \* \*

Было 9 часов утра, когда он сел в свою машину – подержанную «вольво»-универсал, купленную им по приезду в Бордо полтора месяца тому назад. Он мог бы дойти до дома пешком – он жил меньше чем в километре от больницы, – но взял за правило хоть немного посидеть за рулем, пусть и старой колымаги.

Специализированный медицинский центр имени Пьера Жане располагался в юго-западной части города, неподалеку от клиники имени Пелегрена. Фрер жил в квартале Флеминг, между Пелегреном и университетским городком, точно на границе Бордо, Пессака и Таланса. Район, в котором он обитал, представлял собой безликое скопление розовых домов под черепичными крышами, неотличимых один от другого, с подстриженными живыми изгородями и крошечными палисадниками – символом «частной собственности». Счастье по мерке маленького человека, повторяющиеся улицы за улицей, словно вышедшие из моды игрушки на ленте фабричного конвейера.

Фрер ехал с черепашьей скоростью, пробираясь сквозь туман, никак не желавший подниматься. Видимость была почти нулевая, но он не расстраивался – этот город его нисколько не интересовал. Ему говорили: «Вот увидите, это маленький Париж». Или: «Жить в этом городе очень престижно». Или: «Это Олимп виноделия». Ему много

чего наговорили. Но он так ничего и не увидел. Он смутно ощущал, что Бордо – город буржуазный, высокомерный и... смертоносный. Холодный и плоский. Город, на каждом углу которого веяло удушливой атмосферой провинциального особняка.

Ему так и не довелось столкнуться с иным ликом Бордо, воплощением которого служила его знаменитая буржуазия. Его коллеги-психиатры по большей части были убежденные леваки и сокрушители традиций. Горластые скандалисты, они сами не понимали, что являются неотъемлемой частью того класса, который нещадно критикуют. Он ограничил общение с ними болтовней за обедом. Темы разговоров не менялись – забавные истории про психов, глотающих вилки, гневные тирады против французской системы психиатрической помощи, планы на отпуск и пенсионные отчисления.

Но даже захоти он проникнуть в бордоское общество, это ему не удалось бы. Он страдал непростительным недостатком – не пил вина. В Аквитании это равнозначно тому, как если бы он был слепым, глухим или паралитиком. Никто ни в чем его не упрекал, но всеобщее молчание было красноречивее любых слов. Нет вина – нет друзей. В Бордо это закон. Вот так просто. Ему никто не звонил, не присылал эсэмэсок и писем по электронной почте. Разве что строго по делу, на внутреннем больничном сервере.

Он доехал до своего квартала.

Каждый дом здесь носил имя какого-нибудь драгоценного камня. Топаз. Бриллиант. Бирюза... Надо же было хоть как-то отличать дома один от другого. Фрер жил в «Опале». Первое время ему казалось, что он выбрал эту развалюху, потому что она располагалась близко к больнице. Но он заблуждался. Он поселился в этом квартале потому, что он был никаким. Не имел своего лица. Как хамелеон. А ему было необходимо раствориться в пейзаже. Он приехал сюда не просто так. Он хотел перечеркнуть жирной чертой свое парижское прошлое. Вместе с человеком, которым он когда-то был: известным врачом, пользовавшимся в среде коллег уважением и даже почтением.

Он припарковал машину в нескольких метрах от дома. Из-за тумана муниципальные власти оставили гореть фонари, хотя наступало утро.

Гаражом он никогда не пользовался. Едва выбравшись из машины, испытал неприятное ощущение, словно нырнул в бассейн с молочно-мутной водой. В воздухе висели миллиарды крошечных капель, как на полотне пуантилиста.

Он ускорил шаг, на ходу роясь в карманах плаща. Еще раз поднял повыше воротник – шею покалывало ледяное прикосновение тумана. Ни дать ни взять – частный детектив из старого голливудского фильма, подумал он о себе, – одинокий герой в поисках света.

Толкнув садовую калитку, он пересек протянувшуюся на несколько метров, блестящую влагой лужайку и повернул в замочной скважине ключ.

Внутри дома обстановка также не отличалась оригинальностью. Расположение комнат такое же, как в десятке, если не в сотне похожих домов: прихожая, гостиная, кухня, спальни. Даже материалы одни и те же. Рассохшийся паркет. Оштукатуренные белые стены. Фанерованные двери. Жители района выражали свою индивидуальность с помощью мебели.

Он скинул плащ и, не зажигая света, прошел на кухню. Оригинальность Фрера заключалась в том, что у него вообще не было – ну, почти не было – мебели. Коробки с его пожитками стояли, так и не распакованные, вдоль стен, служа помещению своего рода декором. Он жил в типовой эталонной квартире, которую показывают будущим владельцам. Вот только сам эталон оставлял желать много лучшего...

Он заварил чай при свете уличного фонаря. Взвесил свои шансы уснуть хотя бы на пару часов. Пришел к выводу, что они стремятся к нулю. В час дня ему снова заступать на дежурство. Пожалуй, лучше посвятить оставшееся время работе над историями болезни. Следующая рабочая смена закончится в десять вечера. Вот тогда он

и рухнет спать, даже ужинать не станет, включит по телевизору какую-нибудь музыкальную ерунду и заснет. На следующий день – это будет воскресенье – он в точности повторит ту же программу, вздремнет днем и как следует выспится ночью. Тогда к понедельнику он будет готов включиться в работу в более или менее нормальном состоянии.

Наблюдая за листочками чая, разбухавшими в кипятке, он внушал себе, что должен переходить к активным действиям. Отказаться от внеплановых дежурств. Заставить себя вести более здоровый образ жизни. Заняться спортом. Питаться по часам... Впрочем, он знал, что подобные размышления уже успели войти неотъемлемой составной частью в его бестолковое, однообразное, бесцельное существование.

Как был, стоя, он вынул из чайника ситечко и некоторое время созерцал темно-коричневую жидкость – точное отражение его мозга, погрязшего в черных мыслях. Да, сказал он себе, снова погружая ситечко с листьями в чай, он приехал сюда в надежде спрятаться в чужом безумии. Чтобы быстрее забыть о *своем собственном*.

Двумя годами раньше сорокатрехлетний Матиас Фрер, работавший в специализированном медицинском центре в Вильжюифе, допустил нарушение врачебной этики – самое страшное из всех возможных. Он спал с пациенткой. Анна Мария Штрауб. Диагноз: шизофрения и маниакально-депрессивный психоз. Хроническая форма. Что означало: она осуждена провести всю жизнь в психиатрической больнице и здесь же умереть. Вспоминая о своем проступке, Фрер сам с трудом в него верил. Он переступил через главное табу медика.

В то же время в этой истории не было ничего болезненно-извращенного. Если бы он познакомился с Анной Марией за стенами больницы, то мгновенно влюбился бы в нее. Он испытал бы к ней абсолютно то же самое непреодолимое и безрассудное влечение, какое почувствовал, в первый раз увидев ее у себя в кабинете. Ни

смирительные рубашки, ни лекарства, ни крики других больных не смогли остановить вспыхнувшую в нем страсть. Это была любовь с первого взгляда, вот и все.

В Вильжюифе Фрер жил на территории больницы, в здании, расположенном на ее окраине. Каждую ночь он шел в корпус, где находилась Анна Мария. Коридор с полами, покрытыми линолеумом. Двери с окошками. У него были ключи, открывавшие доступ во все помещения больницы. Он крался тенью собственной тени, движимый – вернее, слепо толкаемый вперед – желанием. Каждую ночь он пробирался через зал для занятий художественным творчеством и опускал глаза, чтобы не смотреть на висевшие на стенах картины Анны Марии. Она писала раны и язвы – черные, заскорузлые, отталкивающие – на красном фоне. Иногда она, по примеру Лючио Фонтаны, резала свои полотна шпателем. Разглядывая эти работы при свете дня, Матиас твердил себе, что Анна Мария – одна из самых опасных пациенток больницы. А по ночам бежал, отворачивая взгляд от ее картин, к ней в палату.

Эти ночи выжгли его дотла. Страстные объятия в запертой на ключ комнате. Таинственные, вдохновенные, колдовские ласки. Бредовые речи, жарким шепотом произносимые на ухо. «Не смотри на них, дорогой. Они совсем не злые». Она имела в виду духов, которые, по ее мнению, окружали их в темноте. Матиас ничего не отвечал, но и глаз от тьмы не прятал. «В пропасть, – повторял он про себя. – Я качусь прямо в пропасть».

Утомленный любовью, он заснул. На какой-нибудь час, может, даже меньше. Но когда он проснулся – часов около трех ночи, – тело Анны Марии висело над кроватью. Она повесилась. На его ремне.

На долю секунды он замер, не понимая, что произошло. Ему чудилось, что он еще спит. Он даже восхитился красотой ее силуэта с тяжелыми грудями и вновь почувствовал возбуждение. Затем в кровь ударила паника. Он вдруг понял, что все кончено. Для нее. Для него. Он оделся, оставив тело висеть на ремне, закрепленном за

оконный шпингалет. Бегом промчался по коридорам, не встретив ни одного санитаря, и вернулся к себе, как преступник, торопящийся забиться в нору.

Задыхаясь от бега, путаясь мыслями, он всадил себе в сгиб локтя дозу седативного препарата и рухнул в постель, натянув на голову одеяло.

Когда спустя двенадцать часов он проснулся, новость успела облететь всю больницу. Никто не удивился – Анна Мария уже не раз пыталась свести счеты с жизнью. Было начато расследование – с целью установить, кому принадлежит ремень. Но его происхождение так и осталось для всех загадкой. Матиаса Фрера никто не заподозрил. Его даже не допрашивали. Анна Мария Штрауб уже больше года не была его пациенткой. Близких родственников у самоубийцы не нашлось. Никто не обращался в полицию. И дело было закрыто.

С того дня Фрер продолжал выполнять свою работу словно на автопилоте, чередуя антидепрессанты и транквилизаторы. В кои-то веки сапожник оказался в сапогах. Он почти ничего не помнил об этом периоде своей жизни. Принимал больных – как в тумане. Ставил диагнозы – приблизительные. Ночами ворочался без сна. И вот наконец представилась возможность перебраться в Бордо. Он ухватился за нее обеими руками. Вырвал себя из привычной обстановки. Покидал в чемоданы одежду и прыгнул в скоростной поезд. Даже не обернувшись на прощание.

Устроившись на новом месте, он избрал совершенно иной профессиональный подход к пациентам. Не позволял работе увлечь себя. Больные перестали быть для него людьми и превратились в истории болезни, которые он аккуратно, графа за графой, заполнял. Шизофрения, депрессия, истерия, токсикомания, паранойя, аутизм... Он ставил галочки в нужных клеточках, назначал соответствующее лечение и держал дистанцию. Про него говорили, что он холодный, бездушный тип, не человек, а робот. Ну и пусть. Он дал себе слово,

что больше не сблизится ни с одним пациентом. Что больше никогда не уйдет в работу с головой.

Доктор Фрер медленно возвращался к действительности. Он по-прежнему стоял у кухонного окна, глядя на пустынную, утопавшую в тумане улицу. Чай получился черным, по цвету больше похожим на кофе. Светало. За теми же изгородями стояли все те же дома. За их окнами протекала все та же жизнь, еще не вполне пробудившаяся. Субботнее утро для того и существует, чтобы отоспаться.

Только одна деталь не вписывалась в привычную картину.

Возле тротуара, метрах в пятидесяти от его дома, стоял черный внедорожник с зажженными фарами.

Фрер протер запотевшее стекло. В этот самый миг из машины вышли двое мужчин в черных пальто. Фрер прищурился. Видно было плохо, но фигуры мужчин напомнили ему киношных фэбээровцев. Или карикатурную парочку из «Людей в черном». Что им тут надо?

Может, это парни из частной охранной фирмы, нанятые жителями квартала? Но нет, вряд ли. Слишком шикарная машина. Слишком дорогие пальто. Теперь они стояли, опершись о капот внедорожника, равнодушные к морозящему дождю. И смотрели в одном направлении. У Матиаса в глубине глаза снова вспыхнула боль.

Он понял, куда смотрят промокшие мужчины из машины. Они смотрели на его дом. Точнее сказать, на него самого, застывшего в проеме кухонного окна.

\* \* \*

Фрер вернулся в больницу к часу дня, успев перед этим прикорнуть на диване. Одеялом ему послужили папки с историями болезни. В от делении скорой помощи не было ни души. Ни измученных депрессией больных, ни мертвецки пьяных нищих, ни слетевших с катушек психопатов, схваченных во время приступа буйного помешательства прямо на улице. Вот уж повезло так



повезло. Он поздоровался с медсестрами, забрал у них свою почту и отпечатанные накануне истории и пошел к себе в кабинет, служивший ему одновременно и смотровой, и комнатой отдыха.

Первым делом он вскрыл конверт с протоколом задержания в районе вокзала Сен-Жан мужчины с амнезией. Подписал документ некий Николя Пелас – капитан полицейского участка на площади Капуцинов. Вчера ночью Фрер не стал расспрашивать ковбоя и даже не пытался выяснить, что с тем произошло. Он просто осмотрел его, назначил обезболивающий укол и отправил в постель. Завтра видно будет.

Первые же строки протокола заставили Фрера забыть обо всем остальном.

Незнакомца нашли железнодорожные рабочие. Около полуночи они обнаружили, что на дверях смазочной возле первого пути сбит замок. В хибарке прятался мужчина. Когда его спросили, зачем он сюда забрался, он не смог ответить ничего вразумительного, даже имени своего не назвал. Помимо стетсоновской шляпы и узконосых техасских сапог, на нем было серое шерстяное пальто, потрепанный вельветовый пиджак, хлопчатобумажный свитер с надписью «Чемпион» и дырявые джинсы. Документов, позволяющих установить его личность, при нем не оказалось. Мужчина явно пребывал в шоковом состоянии, говорил с трудом и, судя по всему, не всегда понимал, о чем его спрашивают.

Хуже того, в руках он держал два предмета, с которыми категорически не желал расставаться. Огромный разводной ключ длиной 450 миллиметров и телефонный справочник Аквитании за 1996 год – один из тех «кирпичей», что насчитывают тысячи страниц и печатаются на папиросной бумаге. На ключе и на справочнике были следы крови. Объяснить, откуда у него эти предметы, техасец не смог, как не смог сказать ничего определенного и про кровь на них.

Сотрудники железнодорожной охраны привели его в вокзальный медпункт, полагая, что он ранен. Однако осмотр показал, что на нем

нет ни царапины. Следовательно, кровь на ключе и на справочнике принадлежала *кому-то другому*. Старший охранник позвонил в полицию. Через четверть часа подъехал Пелас со своими подручными. Они забрали незнакомца и вызвали районного дежурного врача, который, в свою очередь, связался с Фрером.

Допрос в полицейском участке ничего не дал. Мужчину сфотографировали и сняли у него отпечатки пальцев. Криминалисты взяли образцы слюны и волос, чтобы проверить его ДНК по базе данных Автоматизированной национальной системы генетической информации. Кроме того, на ладонях и под ногтями у незнакомца обнаружались частицы пыли, немедленно отправленные на анализ, результатов которого еще ждали. Само собой разумеется, полиция изъяла разводной ключ и телефонный справочник как *вещественные доказательства*. Вот только доказательства чего?

Звякнул сигнал вызова. Фрер бросил взгляд на часы – 15.00. Ну вот, начинается. С больными, доставленными по «скорой», и пациентами стационара безделье ему не грозило. Он быстро просмотрел сообщение на экранчике ручного монитора: проблема в одиночной палате для буйных в западном корпусе. Подхватив докторский чемоданчик, он быстрым шагом направился к выходу, а по центральной аллее, по-прежнему утопавшей в тумане, уже почти бежал. Больница насчитывала дюжину корпусов. В части из них содержались больные из разных областей Аквитании, другие специализировались на определенных заболеваниях – токсикомания, сексуальные отклонения, аутизм и так далее.

Западный корпус был третьим с левой стороны. Фрер бросился вперед по центральному коридору. Белые стены, линолеум цвета беж, выведенные наружу трубы отопления – каждое здание изнутри выглядело одинаково. Ничего удивительного, что пациенты, возвращаясь сюда на повторное лечение, подолгу плутали, разыскивая свою палату.

– Что тут у вас?

Интерна его вопрос разозлил.

– А вы чего, блин, сами не видите, что тут у нас?

Фрер не обратил на грубость молодчика никакого внимания. Приблизился к смотровому окошку и пригляделся. В углу палаты, сжавшись в комок, сидела обнаженная женщина с очень белой кожей, перепачканная калом и мочой. Окровавленными пальцами она сдирала со стены побелку, совала в рот и энергично жевала.

– Сделайте ей инъекцию, – бесстрастным голосом произнес он. – Три единицы локсапака.

Он узнал ее, хотя имени не помнил. Она у них уже лежала. Должно быть, ее привезли утром. Кожа у нее была белая, как таблетка аспирина. Лицо искажено страхом. Тощая, ходячий скелет – кости так и выпирают. Она все сдирала со стены чешуйки побелки и горстями, как кукурузные хлопья, запихивала в рот. В крови у нее были не только пальцы, но и рот. И стена уже была в крови.

Фрер давным-давно отказался размышлять о бессилии психиатров. С хрониками выход был один: оглоушить лошадиной дозой успокоительного и ждать, когда буря утихнет. Не бог весть что, но лучше, чем ничего.

На обратном пути он сделал крюк и заглянул в свое отделение имени Анри Эя. Здесь содержалось двадцать восемь пациентов, все – с востока области. Шизофрения. Депрессии. Паранойя. И несколько менее ясных случаев.

В приемном покое ему выдали утренний отчет. Истерический припадок. Кухонная свара. Наркоман, неизвестно где раздобывший веревку и сам себе перетянувший член. Рутинка.

Фрер прошел через столовую, в которой стояла застарелая табачная вонь – психам пока еще позволялось курить. Открыл новую дверь. В нос шибануло спиртовым запахом – процедурный кабинет. Поздоровался с несколькими старыми пациентами. Толстяк в белом костюме, убежденный, что он директор института. Африканец, внимательно изучающий пол в коридоре, по которому отмахал уже много километров. Еще один мужчина с глубоко

посаженными глазами – этот раскачивался на носках, словно собирался сделать цирковой кульбит.

В ординаторской он поинтересовался, как дела у новенького с амнезией. Интерн пролистал журнал. Ночь прошла спокойно. Утро тоже нормально. В 10 утра ковбоя забрали в Пелегрэн на нейробиологическое обследование, где он категорически отказался от рентгена и любых других просвечиваний. Врачи, проводившие осмотр, не обнаружили у него никаких физических повреждений. Они склонялись к мнению, что здесь случай диссоциативной амнезии, вызванной травмой эмоционального характера. Это означало, что техасец либо сам пережил, либо стал свидетелем чего-то такого, отчего у него напрочь отшибло память. Интересно, *что именно он видел?*

– Где он сейчас? В палате?

– Нет. В зале Камиллы Клодель <sup>[1]</sup>.

Один из бзиков современной психиатрии – называть больничные корпуса, аллеи, отделения именами знаменитых душевнобольных. Даже в безумии есть свои кумиры. В зале Камиллы Клодель проводились лечебные занятия художественным творчеством. Фрер свернул в коридор, отпер одну из дверей по правой стороне и очутился в комнате, где пациенты рисовали, лепили, плели изделия из ивовых прутьев или складывали фигурки из бумаги.

Он миновал столы «скульпторов» и «художников» и подошел к тому, за которым сидели «корзинщики», с сосредоточенным видом мастерившие не только корзинки, но и кольца для салфеток, и подставки под горячие блюда. Гибкие прутья колыхались у них в руках, но лица оставались неподвижными, словно закаменевшими. Полное впечатление, что живыми здесь были не люди, а материал, с которым они работали.

Ковбой устроился с самого края стола. Даже сидящий, он на добрых двадцать сантиметров возвышался над остальными. Изрезанное морщинами лицо с резкими чертами, на котором

светились большие голубые глаза, выглядывало из-под нелепой шляпы – и здесь он так и не пожелал с ней расстаться.

Фрер подошел поближе. Великан трудился над корзинкой в форме ладьи. У него были мозолистые руки. *Рабочий или крестьянин*, предположил психиатр.

– Добрый день.

Мужчина поднял глаза и уставился на Фрера, медленно моргая. Светлая радужка вокруг его зрачков напоминала жидкий перламутр.

– Привет, – ответил он на приветствие и указательным пальцем, как истинный герой родео, чуть приподнял шляпу.

– Что это вы делаете? Корабль? Или перчатку для пелоты?<sup>[2]</sup>

– Пока сам не знаю.

– Вы бывали в Стране Басков?

– Не знаю.

Фрер ухватил стул и сел в три четверти оборота.

Сейчас же светлые глаза снова впились в него.

– Ты спихиатр?

Он отметил перестановку букв. *Дислексик?* Не прошло мимо его внимания и обращение на «ты». Но это скорее хороший знак. Матиас решил, что тоже будет тыкать пациенту.

– Меня зовут Матиас Фрер. Я заведующий этим отделением. Это я вчера вечером подписал постановление о твоей госпитализации. Ты хорошо спал?

– Мне все время снится один и тот же сон.

Незнакомец плел косичку из ивовых прутьев. В комнате витали запахи болота и влажного тростника. Кроме впечатляющей шляпы, на великане были майка и хлопчатобумажные брюки, выданные больницей. Огромные мускулистые руки покрыты седовато-рыжими волосками.

– И что за сон?

– Сначала жара. Потом все белое...

– Что – белое?

– Солнце... Знаешь, солнце, оно может быть злым. Сжигает все вокруг.

– А где все это происходит? Ну, в твоём сне?

Ковбой пожал плечами, не выпуская из рук работы. Со стороны могло показаться, что он занят вязанием. Выглядело это довольно комично.

– Ну, я как бы иду по деревне. Стены все белые. Это испанская деревня. Или, может, греческая? Не знаю. И вдруг вижу свою тень. Она тоже идет, но впереди меня. По стене идет. И по земле тоже. Очень прямая тень, такая, понимаешь, вертикальная. Как в полдень.

Фрер почувствовал дурноту. Ему снился точно такой же сон непосредственно перед встречей с этим человеком. Что это, предвестник болезни? Нет, в это он не верил. Зато ему нравилась теория Карла Юнга о синхронности. Знаменитый пример: пациентка рассказывала ему о золотом скарабее, а в это время в окно кабинета ударился жук-бронзовка. Золотистого цвета.

– А дальше? – продолжал допытываться он. – Что было дальше?

– Какая-то вспышка, белая-белая. Вроде взрыва, только бесшумного. А потом я больше ничего не видел. Как будто ослеп.

Справа послышался смешок. Фрер вздрогнул. За ними внимательно наблюдал очень маленький человечек, почти карлик, с уродливой головой горгульи, примостившийся возле ножек стола. *Антуан* по прозвищу *Тото*. Безобидное существо.

– Постарайся вспомнить.

– Я побежал. По белым улицам.

– И все?

– Ага. Не. Когда я убежал, тень осталась. Там, на стене. Как в Хиросиме.

– В Хиросиме?

– Когда на них сбросили бомбу, на камне остались тени погибших людей. Ты что, про это не знал?

– Ах да, – кивнул Фрер, смутно помнивший, что подобный феномен действительно наблюдался.

Они помолчали. Мужчина сплел вместе несколько ивовых прутьев. Вдруг он поднял голову. В тени, отбрасываемой на лицо стетсоновской шляпой, его глаза вспыхивали, словно две искорки.

– Что скажешь, док? Что все это значит?

– Очевидно, это символическая версия случившегося с тобой происшествия, – наобум предположил Фрер. – Белая вспышка может означать потерю памяти. Ты пережил какое-то потрясение, и оно как бы накрыло все твои воспоминания белым листом бумаги.

Это, конечно, была полная хрень, псевдопсихиатрический бред, но звучало вполне убедительно. Хотя он точно знал, что затронутому повреждениями мозга плевать с высокой колокольни на красивые фразы и логические построения.

– Да, но тут нестыковочка, – тихо пробормотал больной. – Этот сон... Он ведь мне уже давно снится.

– Тебе просто так кажется, – сказал Фрер. – Было бы странно, если бы ты помнил, что тебе снилось до того, как ты потерял память. Эти воспоминания принадлежат твоей внутренней памяти. Твоей личной памяти. Той самой, которую ты потерял. Понимаешь?

– У нас что, несколько памятей?

– Ну, скажем так. У нас есть культурная память, общая память – с ней, например, связаны твои познания о Хиросиме. Но есть и автобиографическая память – она касается только твоих личных переживаний. Как тебя зовут. Какая у тебя семья. Кем ты работаешь. Что тебе снится.

Великан медленно покачал головой:

– Не представляю, что со мной станет. У меня в башке пустота.

– Не волнуйся. Все твои воспоминания при тебе. Чаще всего они довольно быстро возвращаются. И у нас есть способы стимулировать твою память. Разные тесты и упражнения. Мы разбудим твой мозг.

Незнакомец обратил на него взгляд своих зеленоватых глаз.

– Почему сегодня утром ты отказался от рентгена?

– Не нравится мне это дело.

– Тебе уже делали рентген?

Ответа Фрер не дождался, но решил не настаивать.

– А насчет прошлой ночи, – снова заговорил он, – ничего не удалось вспомнить?

– Ты имеешь в виду, почему я оказался в той хибаре?

– Ну например.

– Не-а.

– А про разводной ключ? И про телефонный справочник?

Мужчина нахмурил брови:

– На них вроде кровь была, да?

– Да, на них была кровь. Откуда она взялась?

Фрер говорил уверенным и властным голосом. Лицо великана напряглось, затем на нем проступила досада.

– Не помню. Ни шиша не помню.

– А как тебя зовут? Как твоя фамилия? Откуда ты родом?

Фрер пожалел, что не сдержался. Зря он обрушил на беднягу такое множество вопросов – словно из пулемета стрелял. Испуг мужчины на глазах перерастал в панику. У него даже губы задрожали.

– Ты согласишься пройти сеанс гипноза? – намного мягче спросил он.

– Что, прямо сейчас?

– Лучше завтра. Когда ты немного отдохнешь.

– А это поможет?

– Трудно сказать заранее. Но внушение позволит нам...

У него на поясе зазвенел сигнал вызова. Бросив взгляд на экранчик, он быстро поднялся:

– Мне пора. Срочный вызов. А ты пока подумай над моим предложением.

Ковбой медленно встал из-за стола – точно, росту в нем было не меньше метра девяноста, – и протянул врачу раскрытую ладонь. Это был вполне дружеский жест, но сквозняк, который он поднял, перемещаясь, не мог не подействовать на Фрера устрашающе.

– А чего там думать-то? Согласен я. Я тебе верю, док. До завтра.



\* \* \*

Мужчина заперся в туалете, примыкающем к холлу отделения скорой помощи. Он сидел там уже полчаса и наотрез отказывался выходить. Фрер стоял перед кабинкой. Рядом топтался слесарь с чемоданчиком инструментов в руках. После нескольких оставшихся без ответа призывов и предупреждений Фрер велел слесарю ломать дверь. Мужчина сидел на полу возле унитаза, подобрал колени и обхватив руками голову. Свет в кабинке не горел. В тесном пространстве стояла удушающая вонь.

– Я психиатр, – сказал Фрер, плечом закрывая за собой дверь. – Вам нужна помощь?

– Отвали.

Фрер опустился на одно колено, стараясь не вляпаться в лужу мочи.

– Как вас зовут?

Молчание. Мужчина все так же сжимал руками голову.

– Пойдемте ко мне в кабинет, – предложил Фрер и положил руку мужчине на плечо.

– Сказал же, отвали.

У мужчины явно были проблемы с дикцией. Он сильно шепелявил, словно обильно смачивал каждый произносимый слог слюной. Вздвогнув от прикосновения, он поднял вверх голову. Даже в темноте Фрер рассмотрел, до чего тот уродлив: его лицо, одновременно изможденное и одутловатое, было перекошенным, словно состоящим из отдельных, плохо связанных между собой кусков.

– Вставайте, – приказал он.

Мужчина вытянул вперед шею, и картина прояснилась. На ней буквально не было живого места – сплошные кровоподтеки, бугры и глубокие ссадины. Ужас в чистом виде.

– Доверьтесь мне, – проговорил Фрер, с трудом сдерживая отвращение.

Нет, это не ожоги, думал он. Больше похоже на проказу. Страшная болезнь, постепенно пожирающая человека и превращающая его в монстра. Однако, прищурившись, он понял, что ошибся: шрамы и язвы имели рукотворное происхождение. Судя по всему, мужчина сам собрал кожу на шее в складки, а затем склеил их синтетическим клеем. После чего явился в больницу в надежде на госпитализацию. Синдром Мюнхгаузена, поставил диагноз психиатр и повторил:

– Идемте.

Мужчина наконец-то поднялся. Фрер открыл дверь, с облегчением возвращаясь к свету и относительно чистому воздуху. Они вместе дошли до выхода из туалета. Клоака осталась позади, но кошмар никуда не исчез. Целый час он беседовал со склеенным мужчиной и убедился в правильности первоначального диагноза. Тот был готов на все, лишь бы его положили в больницу и окружили заботой. Пока что Фрер направил его в Пелегрэн, чтобы там занялись его лицом и шеей – клей уже начал разрушать ткани.

Половина шестого.

Фрер сдал дежурство в скорой помощи и вернулся к себе в отделение. Он устроился в своем консультационном пункте, где располагались его кабинет и секретариат. Народу не было. Он проглотил сэндвич, медленно приходя в себя после пережитого кошмара. В университете его уверяли: «Ко всему привыкнешь». Но в его случае общее правило не сработало. Он так и не привык. Мало того, чем дальше, тем все обстояло хуже. Его восприимчивость к безумию превратилась в тонкую сверхчувствительную мембрану, постоянно подвергающуюся раздражению, а может, даже инфицированию...

Шесть часов.

Он опять пошел в отделение скорой.

Здесь все было более или менее спокойно. Всего несколько пациентов – все кандидаты на добровольную госпитализацию. Он

их уже знал. За полтора месяца работы успел познакомиться с этой категорией больных. В больнице они обычно приходят в себя, после чего выписываются, но дома прекращают прием нейролептиков и снова слетают с катушек. Результат – здравствуйте, доктор.

Семь часов.

Еще немножко, и все. От усталости у него уже слипались глаза. Он вспомнил ковбоя с амнезией. Впрочем, он не переставал думать о нем весь день. Этот случай его заинтересовал. Запершись у себя в кабинете, он нашел номер полицейского участка на площади Капуцинов и попросил к телефону Николая Пеласа – того самого капитана, который составил протокол задержания неизвестного мужчины. Ему сказали, что в эту субботу тот не работает. Фрер немножко надавил, и ему продиктовали номер мобильного.

Пелас ответил после второго гудка. Матиас представился.

– Так чего вам надо? – недовольно спросил тот.

Очевидно, не любил, когда его беспокоили в выходной.

– Мне хотелось бы знать, насколько вы продвинулись в расследовании.

– Я сейчас дома. С детьми сижу.

– Но вы же начали разрабатывать какие-то версии. И уже наверняка получили некоторые результаты.

– А вас-то это с какого боку касается?

Фрер усилием воли заставил себя говорить спокойно:

– Я отвечаю за этого пациента. Моя работа – вылечить его. Что, в числе прочего, означает необходимость установить его личность и помочь ему вернуть память. Мы с вами в этом деле партнеры, неужели не понятно?

– Нет, не понятно.

Фрер решил сменить тактику:

– В области зарегистрированы случаи исчезновения людей?

– Нет.

– Вы связывались с ассоциациями, которые занимаются бомжами?

– В процессе.

– А вокзалы близ Бордо вы проверили? Может, среди пассажиров поездов есть свидетели происшествия?

– Мы послали запрос.

– А объявление дали? В Интернете? С вашим номером телефона? А обратились...

– Когда у нас иссякнут собственные идеи, мы вам позвоним.

Фрер сделал вид, что не заметил сарказма, и атаковал собеседника с другого фланга:

– Вы получили результаты анализа крови на ключе и телефонном справочнике?

– Кровь первой группы. Резус положительный. Такая кровь может принадлежать половине французского населения.

– Какие-нибудь преступления этой ночью совершались?

– Нет.

– А справочник? Вы не заметили, может, в нем есть пометки? Какая-нибудь отдельная страница? Чье-то имя?

– У меня такое впечатление, что вам не удастся поиграть в детектива.

Матиас сжал зубы.

– Я всего-навсего пытаюсь установить личность этого человека. Еще раз повторяю: мы с вами преследуем одну и ту же цель. Завтра я собираюсь провести с ним сеанс гипноза. Если у вас есть хоть какие-то зацепки, хоть какая-то информация, которая поможет мне правильно подобрать вопросы, сейчас самое время поделиться ею со мной.

– Ничего у меня нет, – проворчал полицейский. – Сколько раз вам это повторять?

– Я звонил в комиссариат. Мне показалось, что сегодня этим делом вообще никто не занимается.

– Я выхожу на работу завтра, – с явным неудовольствием процедил Пелас. – И я веду это дело.

– А что вы сделали с ключом и справочником?

– Ускорили юридическую процедуру и оформили постановление о конфискации.

– А если в переводе на человеческий язык?

Полицейский хмыкнул. Последний вопрос его явно развеселил, заставив забыть о своем раздражении.

– Сейчас все в руках криминалистов. Результаты будут в понедельник. Устраивает вас это?

– Могу я рассчитывать, что, как только появится новая информация, вы поставите меня в известность?

– Ладно, – уже примирительно сказал Пелас. – Но это будет двусторонняя договоренность. Если вам удастся что-нибудь вытянуть из него с этим вашим гипнозом, вы обязуетесь связаться со мной. – И, чуть подумав, добавил: – Это в ваших же интересах.

Матиас улыбнулся. Рефлекс полицейского – не могут без угроз. Надо бы каждого легавого подвергнуть психоанализу, чтобы выяснить, какие такие причины подвигли его выбрать подобную профессию. Фрер дал обещание позвонить, если что-нибудь узнает, и продиктовал свои координаты. Ни тот ни другой не верили, что сотрудничество состоится. Каждый за себя, и пусть победит сильнейший.

Фрер вернулся в отделение скорой. Осталось продержаться два часа. Хорошая новость заключалась в том, что его дежурство закончится до начала великого хаоса. Это ведь вечер субботы. Он осмотрел нескольких больных, сделал назначения – кому антидепрессанты, кому транквилизаторы – и отправил их назад, по палатам.

Десять часов.

Матиас поздоровался с врачом, явившимся ему на смену, и вернулся к себе в кабинет. Туман держался по-прежнему, не уступая ни пяди завоеванного пространства. Кажется, к вечеру он даже сгустился. У Фрера мелькнула мысль, что из-за этой мутной мороси у него весь день шел наперекосяк. Как будто сама реальность расплывалась, теряя привычные очертания.

Он снял халат. Собрал свои вещи. Натянул плащ. Перед уходом решил в последний раз навестить мужчину в стетсоновской шляпе. Пошел в свое отделение и поднялся на второй этаж. В коридоре еще витали запахи столовой, смешиваясь с привычной вонью мочи, эфира и лекарств. То тут, то там слышалось мягкое фетровое шуршание тапочек по линолеуму, раздавалось бурчание телевизионных голосов, характерное звяканье металлических плевательниц, в которых шуровал очередной собиратель окурков.

Вдруг на Фрера налетела какая-то женщина. От неожиданности он отпрянул в сторону, но тут же узнал ее. Мистенге. Все здесь звали ее так. Как ее настоящее имя, он сейчас не помнил. Шестьдесят лет. Из них сорок она провела на западе страны. Незлобивая, хотя ее внешность могла напугать кого угодно. Растрепанные седые космы. Обрюзгшее лицо землистого цвета. Глаза, подернутые мутной пленкой и горящие лихорадочным блеском. Жестокие глаза. Женщина вцепилась в рукав его плаща.

– Спокойно, Мистенге, спокойно, – проговорил он, высвобождая ткань плаща из ее цепких пальцев. – Вам пора ложиться спать.

Изо рта у нее вырвался смех, словно кровь хлынула из открытой раны. Но смех тут же перешел в негодующее шипение, в свою очередь сменившееся тоскливым вздохом.

Фрер крепко держал ее за руку – от нее пахло мазью и застарелой мочой.

– Вы не забыли принять таблетки?

Сколько раз за день он повторял эти слова? Это был уже не вопрос – просьба, мольба, заклинание. Он довел Мистенге до ее палаты и, не дожидаясь, пока она что-нибудь скажет, закрыл дверь.

И обнаружил, что автоматически прихватил с собой магнитную карточку для вызова срочной помощи. Достаточно коснуться краем карты металлической поверхности батареи или водопроводной трубы, и на сигнал сбежится толпа санитаров. Он передернул плечами и сунул карту в карман. Спрашивается, какая разница между его профессией и работой тюремного надзирателя?

Он добрался до палаты ковбоя. Тихонько постучал в дверь. Никакого ответа. Повернув ручку, он вошел в неосвещенную комнату. Великан вытянулся на койке – огромный и неподвижный. Рядом на полу стояли ковбойские сапоги и лежала стетсоновская шляпа. Как пара домашних животных.

Фрер тихо, чтобы не напугать пациента, приблизился к койке.

– Меня зовут Мишель, – прошептал великан.

От неожиданности Фрер отскочил назад.

– Меня зовут Мишель, – повторил больной. – Я поспал час или два, и вот результат. – Он повернул голову к психиатру: – Неплохо, а?

Матиас открыл портфель, достал блокнот и ручку. Его глаза понемногу привыкали к темноте.

– Мишель – это твое имя?

– Нет. Фамилия. Пишется с двумя «л». Мишель.

Фрер записал, хотя и без особого убеждения. Воспоминание пришло слишком быстро. Скорее всего, это какой-то искаженный фрагмент памяти. А может, и вовсе чистой воды выдумка.

– Что-нибудь еще тебе во сне вспомнилось?

– Нет, больше ничего.

– Тебе что-нибудь снилось?

– По-моему, да.

– Что именно?

– Да все то же, док. Белая деревня. Взрыв. И моя тень остается на стене...

Он говорил медленным, тягучим, каким-то полусонным голосом. Матиас продолжал черкать в блокноте. *Полистать литературу по сновидениям. Поискать материалы о легендах, связанных с тенями.* Он уже знал, чем займет сегодняшний вечер. Подняв голову от своих записей, он прислушался: великан дышал глубоко и ровно. Заснул. Фрер отступил на шаг. Хороший признак. Возможно, завтрашний сеанс гипноза принесет результат.

Он вышел в коридор и двинулся к выходу. Лампы уже погасили. Отбой.

На улице окутанные густым туманом пальмы и фонари казались парусами огромного корабля-призрака. Фрер вспомнил про художника Кристо, писавшего мост Пон-Нёф и рейхстаг в дымке. Вдруг его посетила странная мысль. А может, больницу да и весь город заволокло не просто туманом, а маревом беспамятства, как и потерявший ориентиры мозг его пациента? И Бордо теперь так и будет плавать в этой вязкой мгле, уподобившись человеку, которого он про себя уже называл пассажиром тумана...

Направляясь к парковке, Фрер неожиданно остановился.

Есть ему не хотелось, возвращаться домой – тем более.

Может, стоит сразу проверить первые крохи полученной информации?

\* \* \*

Он вернулся в больничный корпус, заперся у себя в кабинете, сел, бросив плащ на спинку стула, перед компьютером и подключился к медицинской справочно-информационной системе, в которой хранились сведения о каждом пациенте, госпитализированном на территории Франции, а также о предписанном ему лечении.

Никакого Мишелля он здесь не обнаружил.

Фрер раньше никогда не пользовался этой программой. Не исключено, что доступ к некоторым данным закрыт согласно требованиям конфиденциальности. В конце концов, неприкосновенность частной жизни еще никто во Франции не отменял.

Неудача не только не обескуражила его, но, напротив, вызвала желание копнуть глубже. При задержании у мужчины с разводным ключом не оказалось никаких документов. Сильно поношенная одежда, выдубленное солнцем и ветром лицо, загрубелые руки –



все говорило о том, что он много времени проводит на открытом воздухе. Бомж?

Матиас снял трубку и позвонил в коммунальный совет социальной помощи населению, работавший круглосуточно. В числе лиц без определенного местожительства, зарегистрированных на территории Аквитании, никакой Мишель не значился. Он поочередно связался с отделом социальной реабилитации и специализированным отделением «неотложки». Все эти службы работали в круглосуточном режиме, сотрудники каждой по его просьбе проверили свои архивы: ни следа Мишелля.

Фрер снова включил компьютер и подключился к Интернету. Среди абонентов телефонной сети регионов Аквитания и Юг-Пиренеи человека с такой фамилией тоже не оказалось. Матиаса это не удивило. Подтверждалась его догадка о том, что незнакомец бессознательно искажил свою фамилию. На данном этапе краткие просветления в его памяти могли носить только фрагментарный характер.

У Матиаса родилась еще одна идея. Если верить полицейскому протоколу, когда мужчину задержали, он держал в руках телефонный справочник за 1996 год.

Прыгая с сайта на сайт, Фрер в конце концов вышел на ресурс, позволяющий открыть старые телефонные справочники. Он выбрал 1996 год и ввел в поиск имя Мишель. С нулевым результатом. Ни в одном из пяти департаментов административного региона Аквитания абонента с такой фамилией не значилось. Может, он все-таки не местный?

Фрер вернулся в Гугл и просто вбил в поисковик слово МИШЕЛЛЬ. Здесь кое-какие результаты нашлись, но, к сожалению, совсем не те, что были ему нужны. Некий пользователь под ником «Мишель» выложил на сайте My Space.com видеомонтаж из кадров сериала «Секретные материалы» с Малдером и Скалли. Ему также предлагали прослушать песни в исполнении некоей Томми Мишелл. Ясновидящая по имени Патришия Мишелл из американского штата

Миссури зазывала его на свой сайт. Кроме того, Гугл настоятельно рекомендовал ему возобновить поиск, исправив орфографию на «правильную» – Митчелл.

Стрелки часов подползли к полуночи. Пожалуй, пора домой. Матиас выключил компьютер и оделся. Уже подходя к воротам больницы, он решил, что надо будет показать фотографию ковбоя во всех приютах для бездомных, как в самом Бордо, так и в его окрестностях. Если это не сработает, можно еще обратиться в центры медико-психологической помощи и медпункты по оказанию первой помощи пострадавшим. Он знал их все наперечет. И почти не сомневался, что его безымянный пациент в прошлом уже страдал от тех или иных психических расстройств.

Ехать из-за тумана пришлось на черепашьей скорости. Путь до дома занял у него добрых четверть часа. Тротуары возле садовых изгородей были плотно забиты автомобилями – вечер субботы, все принимают гостей. Не найдя, где припарковаться, он оставил машину метрах в ста от дома и шагнул в молочную муть. Улица утратила четкость очертаний. Фонари левитирующими призраками парили над землей. Все вокруг казалось бесплотным, нематериальным. Отдавшись этому ощущению, он не сразу сообразил, что заблудился. Он продвигался вперед наугад, минуя влажно блестящие заборы и обходя машины, и возле каждого дома приподнимался на цыпочки, чтобы разглядеть табличку с названием.

Наконец мелькнули знакомые буквы: «ОПАЛ».

Он на ощупь открыл калитку. Шесть шагов. Поворот ключа в замке. Закрыв за собой дверь, он почему-то почувствовал облегчение. Оставив в коридоре сумку и бросив плащ на одну из громоздившихся здесь картонных коробок, он, не зажигая света, прошел на кухню. Типовое жилье. Типичное поведение одинокого человека.

Через несколько минут он уже стоял перед окном, ожидая, пока заварится чай. В тишине дома ему все еще чудились бормочущие голоса его пациентов. Каждому психиатру знакомо подобное

ощущение. Для него даже придумано особое название – «музыка сумасшедших». Их невнятная речь. Их шаркающая походка. Их бред. Голова у него слегка гудела от этих звуков – так в выброшенной на берег раковине слышен неясный гул моря. Психи никогда не покидали его насовсем. Вернее сказать, это он никогда не расставался насовсем с отделением Анри Эя.

Но тут у него из головы вылетели все мысли.

Из тумана только что выплыл вчерашний внедорожник.

Машина медленно, очень медленно катилась по улице, пока не затормозила возле его дома. Фрер почувствовал, как заколотилось сердце. Из автомобиля синхронно вышли двое мужчин в черном. Вышли и встали у него под окнами.

Фрер попытался сглотнуть ком в горле. Ком застрял плотно. Даже не подумав спрятаться, Фрер разглядывал мужчин. Ростом не меньше метра восьмидесяти каждый. Под распахнутыми пальто – темные, застегнутые на все пуговицы костюмы, чуть переливающиеся в свете фонаря. Белые рубашки, черные галстуки. В обоих было что-то от надменной строгости чиновников высокого ранга, но одновременно – и что-то от безжалостной решимости преступников.

Матиас замер, словно закаменев. Он ждал, что мужчины толкнут калитку и позвонят ему в дверь. Но нет. Они не шевелились. Просто стояли под фонарем, даже не стараясь укрыться. Их лица вполне гармонировали с общим обликом. Первый, с высоким лбом и зачесанной назад шевелюрой, в которой проскакивала седина, носил очки в металлической оправе. Второй выглядел более грозно. Длинные, но редкие русые волосы. Кустистые брови. Угрюмое лицо.

Две ничем не запоминающиеся рожи.

Пара самоуверенных сорокалетних плейбоев в итальянских костюмах.

Кто они такие? Чего им от него надо?

Снова вспыхнула острая боль в глубине левого глаза. Он прикрыл глаза и помассировал веки. Когда он открыл их, оба призрака

исчезли.

\* \* \*

Анаис Шатле боялась поверить своему счастью.

Вот уж действительно, повезло так повезло!

Она только что заступила на вечернее субботнее дежурство, и нате вам – труп. Да не просто труп, а убийство! Настоящее, совершенное по всем правилам, с соблюдением зловещего ритуала и нанесением жертве увечий. Как только ей позвонили, она прыгнула в свою личную машину и помчалась на вокзал Сен-Жан, где обнаружили тело. По дороге она без конца повторяла про себя полученную информацию. Молодой мужчина. Найден обнаженным со следами многочисленных ранений. Сцена преступления обставлена необычно. Вроде ничего особенного, но явный душок безумия. Жестокого, черного безумия. Не просто ссора с поножовщиной или банальное убийство с целью ограбления. Нет, это дело *серьезное*.

Едва завидев возле здания вокзала фургоны с вращающимися фонарями на крыше, чьи лучи с трудом пробивались сквозь густой туман, и полицейских во влажно блестящих дождевиках, призраками снующих вокруг, она поняла, что все так и есть. Ее первое убийство в чине капитана. Она подберет себе группу. Воспользуется правом на проведение внеочередных следственных мероприятий. И раскроет преступление. Найдет убийцу и попадет на первые полосы всех газет. В двадцать девять лет!

Она вышла из машины и вдохнула сырой воздух. На протяжении последних полутора суток Бордо прямо-таки утопал в белесом мареве. Как будто город погрузился в болото, напитался его испарениями, его гнилостными запахами и лягушачьей осклизлостью. Очень хорошо. Тем колоритнее будет выглядеть дело

– убийство в тумане! Ее охватила дрожь возбуждения. Тут к ней подошел полицейский из участка с площади Капуцинов.

На тело наткнулся машинист, перегонявший составы между механическими мастерскими и непосредственно вокзалом. Он заступил на дежурство в 23.00. Подъехал на своей машине и припарковался на стоянке для сотрудников железнодорожного ведомства, расположенной южнее пакгауза. Пошел по проходу вдоль путей и здесь, в заброшенной ремонтной яме, между платформой номер один и старыми ремонтными мастерскими, заметил труп. Позвонил дежурному начальнику, который незамедлительно связался с железнодорожной полицией и частным охранным агентством, следившим за безопасностью на вокзале Сен-Жан. Они, в свою очередь, вызвали полицию – ближайший комиссариат находился на площади Капуцинов.

Дальнейшее Анаис было и так известно. В час ночи разбудили прокурора республики. Он обратился в Главное полицейское управление Бордо, на улице Франсуа-де-Сурди, и велел вызвать дежурного офицера. То есть ее. Больше никого на месте не оказалось. Остальные разбежались по вызовам, которых из-за тумана было больше обычного. Так, ерунда, всякая мелочовка – дорожные аварии, грабежи, пропавшие люди... А в результате именно ей, Анаис Шатле, свежее испеченному капитану, проработавшей в Бордо два года, и досталось лучшее за все дежурство дело. И можете скрежетать зубами от зависти!

Они двинулись через здание вокзала. Сотрудник железнодорожной полиции выдал им оранжевые флуоресцентные жилеты. Застегивая на груди «липучку», Анаис на секунду остановилась бросить восхищенный взгляд на тридцатиметровые стальные конструкции, теряющиеся в тумане. Они миновали платформу и выбрались на пути. Парень из железнодорожной полиции болтал не закрывая рта. У них такого отродясь не бывало. По приказу прокурора движение поездов перекрыли на целых два часа. Мертвяк в яме – это ужас какой-то. Они все прям обалдели.

Анаис его не слушала. Липкая сырость садилась на кожу, пробирая холодом до костей. Сквозь дымку светили красные огни вокзала, складываясь в беспорядочные кровавые созвездия. Поблескивали мокрые кабели. Запотевшие от конденсата рельсы терялись вдали в непроглядной вязкой мгле.

Перешагивая через шпалы, Анаис подвернула лодыжку.

– А нельзя на землю посветить?

Железнодорожник опустил лампу пониже и снова пустился в объяснения. Анаис выловила из его рассказа несколько деталей технического характера. По путям под четными номерами шли поезда до Парижа, под нечетными – на юг. Электрические кабели, протянутые над путями, называются «сцепкой», а металлические штуки, торчащие на крыше локомотивов, – токоприемниками. Пока вся эта информация была ей ни к чему, но хотя бы создавала впечатление ознакомления с местом преступления.

– Пришли.

Прожектора, установленные экспертами-криминалистами, буравили ночную тьму, словно вокруг зажглось сразу несколько мелких холодных лун. От включенных фонарей белесыми полосами расходились пучки света. Чуть дальше находился Центр технического обслуживания, где виднелись скоростные поезда и региональные экспрессы, дрезины и моторные вагоны, подернутые серебристым налетом патины. Здесь же стояли товарные вагоны и тягачи – аналог портовых буксиров, с помощью которых составы выводят к вокзалу. Все эти могучие черные машины напоминали молчаливых титанов.

Они пролезли под лентой ограждения, на которой значилось: «Полиция. Вход воспрещен». Это и было место преступления. Ремонтная яма. Хромированные стойки прожекторов. Эксперты в белых комбинезонах с синей полосой. Анаис удивилась тому, как быстро они прибыли: ближайшая криминалистическая лаборатория находилась в Тулузе.

– Хотите посмотреть на тело?

Перед ней стоял офицер антикриминальной бригады, поверх дождевика накинувший флуоресцирующий жилет. Придав лицу приличествующее случаю выражение, она кивнула. Ей приходилось сдерживать собственное нетерпеливое возбуждение. А тут еще этот туман! Помнится, как-то раз, когда она еще была студенткой, профессор права шепнул ей в коридоре: «Вы – настоящая Алиса в Стране чудес. Главное для вас – найти мир себе по мерке!» С тех пор прошло восемь лет. И вот она лезет через шпалы, чтобы посмотреть на труп. *Найти мир себе по мерке...*

На дне ямы длиной пять и шириной два метра творилась обычная для места преступления суета, разве что усугубленная теснотой. Криминалисты толкались локтями, наступали друг другу на ноги, делали снимки, с помощью особых монохромных ламп, работающих в диапазоне от инфракрасного до ультрафиолетового света, изучали каждый миллиметр почвы и брали образцы, упаковывая каждый в отдельный пакет.

Анаис пришлось приглядеться, чтобы в этой сутолоке различить труп. Молодой парень лет двадцати. Голый. Истощенный. Тело в татуировках. Кости выпирают сквозь кожу, бледную до почти фосфорной белизны. Рельсы, проложенные поверху ямы, казались рамой для представшей взору Анаис картины. Ей вспомнились полотна мастеров Возрождения. Мученики с бескровными телами, застывшие в неестественной позе в глубине церкви...

Но главный ужас ждал ее впереди.

Мертвое тело венчала не человеческая, а бычья голова.

Огромная черная башка, отрубленная по шею и весившая, должно быть, не меньше полусотни килограммов.

До Анаис наконец-то дошел смысл происходящего. Все это было *реально*. У нее подогнулись колени. Преодолев накатившую слабость, она наклонилась вперед и заставила себя собраться с мыслями. Вариантов было всего два. Либо убийца отрубил жертве голову и приставил к ее плечам бычью голову, либо насадил свой страшный трофей прямо на череп убитого. Символика в любом

случае была ясна: он убил Минотавра. Минотавра современности, затерянного в хитросплетении железнодорожных путей. То есть в *лабиринте*.

– Спуститься можно?

Ей передали бахилы и бумажную шляпу в форме чепца. По железной лесенке, приставленной к краю ямы, она начала спуск. Криминалисты посторонились, давая ей дорогу. Она присела на корточки, осмотрела интересовавшее ее место и убедилась, что чудовищная голова домашнего животного была насажена на человеческую.

Значит, правильным оказалось второе предположение. Убийца надел бычью голову на голову жертвы, очевидно приложив немалое усилие. Вряд ли от черепа убитого осталось что-либо, поддающееся идентификации.

– Наверное, он выдолбил бычью шею изнутри...

Анаис повернулась на голос. Это был судмедэксперт Мишель Лонго. Из-за накидки с капюшоном, делавшей их всех похожими на призраки, она его не сразу узнала.

– Когда наступила смерть? – спросила она, поднимаясь на ноги.

– Пока точно не знаю. Но меньше суток назад. Холод и туман сильно осложняют мне работу.

– Его убили здесь?

Врач развел руками в перчатках. Из-под складок капюшона поблескивали его солнцезащитные очки фирмы «Persol».

– Не исключено, что убийца перетащил сюда тело сегодня вечером. Поди догадайся...

Анаис помнила, что со вчерашнего дня весь город буквально утопал в тумане. Да уж, в этом гороховом супе убийца мог передвигаться совершенно спокойно, не боясь, что его заметят.

– Привет!

Она подняла глаза, приложив ко лбу сложенную козырьком ладонь. В белом свете прожекторов на краю ямы нарисовался четкий женский силуэт. Лица она не видела, но по фигуре сразу



узнала заместителя прокурора Веронику Руа. Своего почти двойника. Тридцатилетняя Вероника, происходившая из богатой бордоской семьи, двигалась по жизни схожим с Анаис путем. Они обе учились в самых престижных частных школах, обе поступили в Университет имени Монтескье. Частенько сталкивались в туалете самых модных ночных клубов города. Подругами они не стали, но и особенной вражды между ними не возникло. Теперь их пути регулярно пересекались на профессиональном поприще. Повесившийся мужчина. Труп женщины с изуродованным лицом, разбитым запущенной мужем микроволновкой. Старшеклассница с перерезанным горлом. Не самые лучшие поводы для дружеской болтовни.

– Привет, – буркнула Анаис.

Заместитель прокурора нависала над ней, так и стоящей на дне ямы. Она была в фирменной кожаной куртке от «Zadig & Voltaire» – Анаис давно положила на нее глаз, заметив в витрине бутика на бульваре Жоржа Клемансо.

– Охренеть можно, – пробормотала Вероника. Она увидела тело.

Анаис была ей благодарна за эту кретинскую фразу, как нельзя лучше выразившую жуть ситуации. Значит, Вероника испытывает те же чувства, что и она. Ужас и возбуждение одновременно. Случилось то, о чем обе так мечтали, – мечтали, преодолевая страх. Громкое дело об убийстве. Преступник-маньяк. Все их ровесницы и коллеги по профессии выросли на «Молчании ягнят» и жаждали выступить в роли Кларисы Старлинг.

– Что-нибудь можешь сказать о причине смерти? – спросила Анаис судмедэксперта.

Лонго неопределенно развел руками:

– Видимых травм на теле нет. Может, он задохнулся, когда на него напялили бычью голову. Может, его зарезали. Или отравили. Надо ждать результатов вскрытия и токсикологического анализа. Я и передоз не исключаю.

– Почему?

Он наклонился и приподнял левую руку жертвы. Задубевшие вены на локтевом сгибе были испещрены шрамами, припухлостями, синяками.

– Нарик до мозга костей. Доходяга. При жизни, я имею в виду. Истощение. Общая антисанитария. Обилие старых незалеченных ран. Так, навскидку, я бы сказал, что это наркоман двадцати лет. Бомж. Или обитатель пригородной трущобы. В общем, что-то в этом роде.

Анаис посмотрела на офицера из антикриминальной бригады, который стоял рядом с заместительницей прокурора:

– Его одежду нашли?

– Ни одежды, ни документов.

Итак, парня убили где-то еще и притащили сюда. Зачем? Чтобы спрятать тело? Или наоборот – чтобы выставить напоказ? Анаис не сомневалась, что верно второе. Эта яма явно играла важную роль в ритуале убийства.

Она в последний раз оглядела труп и полезла по лестенке вверх. Мертвое тело успело заиндеветь и походило на стальную скульптуру. Яма, пропахшая машинным маслом и металлом, служила ему идеальной могилой.

Выбравшись на поверхность, она скинула бахилы и колпак. Вероника Руа заговорила было, следуя раз навсегда заведенной процедуре:

– Официально поручаю тебе принять к производству...

– Пришлешь бумаги мне на работу.

Заместитель прокурора обиделась. И начала выпрашивать, по каким направлениям Анаис намерена вести расследование. Та отвечала ей машинально, перечисляя рутинные мероприятия, а про себя продолжая размышлять о профиле убийцы. Он хорошо знает эту местность. Наверняка ему знаком график маневрирования поездов. Может, железнодорожник? Как бы там ни было, к преступлению он готовился заранее, и готовился тщательно.

Внезапно у нее перед глазами сама собой нарисовалась картина. Вот убийца тащит на спине коричневый пластиковый мешок с телом. Пробирается сквозь туман, сгибаясь под тяжестью ноши. Она прикинула: тело плюс бычья голова вместе должны весить больше ста килограммов. Значит, убийца должен быть физически очень сильным человеком. Или он принес голову заранее? Но тогда ему пришлось проделать путь от машины до ремонтной ямы дважды. Где он припарковался? На стоянке?

– Что-что?

– Я спрашиваю, набрала ли ты уже следственную группу, – повторила Вероника Руа.

– Вот она, моя группа.

К ним неуклюжей походкой, спотыкаясь на насыпи, приближался Ле-Коз, послушно нацепивший поверх одежды обязательный флуоресцирующий жилет. Зампрокурора обратила на нее удивленный взгляд своих светлых глаз под изогнутыми дугой бровями. Вообще-то она довольно смазливая, вынуждена была признать Анаис.

– Извини, сорвалось, – улыбнулась она. – Позволь представить тебе лейтенанта Эрве Ле-Коза, моего ближайшего помощника и заместителя. Мы с ним сегодня одни на дежурстве. Состав группы утвердим через час.

\* \* \*

Под жилетом на Ле-Козе было черное кашемировое пальто. В обильно смоченных гелем волосах, тоже черных, поблескивали дождевые капли. Из рта с чувственными губами вырывались облачка пара. От всего его облика веяло таким неотразимым обаянием, что Вероника Руа чуть заметно напряглась, словно переходя в глухую защиту. Анаис улыбнулась. Скорее всего,

зампрокурора живет одна – как и она сама. Больному легко обнаружить признаки собственной болезни у другого человека.

Она изложила Ле-Козу краткую версию событий и тут же перешла на командный тон. Но на сей раз она не шутила:

– Первое. Надо установить личность жертвы. Затем изучить круг его общения.

– Ты думаешь, убийца и жертва знали друг друга? – вмешалась Вероника Руа.

– Я ничего не думаю. Сначала надо выяснить, кто убит. Затем начнем разматывать его связи, от самых близких до самых отдаленных. Закадычные дружки. И шапочные знакомые.

Анаис снова повернулась к лейтенанту:

– Позвони остальным. Просмотрите все записи с видеокамер вокзала. И не только за последние сутки.

Затем махнула рукой в сторону автомобильной стоянки:

– Маловероятно, чтобы наш клиент шел через залы вокзала. Он явно вышел на пути со служебной стоянки. Займись видеозаписями. Выпиши номерные знаки всех машин, которые стояли здесь в последние дни. Установи владельцев и допроси каждого. Начальников, охранников, технический персонал. И пусть напрягут извилины, но вспомнят, если видели хоть что-то подозрительное.

– Когда начинать?

– Уже начали.

– Три часа ночи...

– Поднимай всех с постели. Обыщите старые ремонтные мастерские. Там всегда ночуют какие-нибудь бомжи. Может, они что-нибудь видели. Да, кстати, насчет машиниста...

– Какого машиниста?

– Который нашел тело. Протокол его допроса должен лежать у меня на столе завтра утром. Кроме того, мне понадобятся все без исключения здесь, на вокзале. Прямо сейчас. Прочешем территорию по периметру. Опросим местных.

– Так воскресенье же!

– А ты что, хочешь ждать понедельника? Привлеки ребят из антикриминальной бригады и служащих муниципалитета.

Ле-Коз молча записывал инструкции в отсыревший блокнот.

– Еще мне нужен кто-нибудь, кто разбирается в крупном рогатом скоте.

Помощник поднял на нее непонимающие глаза.

– Ну, эта бычья голова откуда-то взялась, да или нет? Свяжись с жандармерией Аквитании, Ланд и Страны Басков.

– Зачем так далеко-то?

– Затем, что это бойцовый бык. Toro bravo.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю. Ближайшие фермы находятся вблизи Мон-де-Марсана. Дальше надо ехать в Дакс.

Ле-Коз продолжал писать, сквозь зубы ругаясь на дождь, капавший на страницу блокнота.

– Разумеется, я не имею никакого желания прямо сейчас встречаться с журналистами.

– Как, интересно, ты сможешь от них отделаться? – подала голос зампрокурора.

Ей, как должностному лицу, вменялось в обязанность обеспечивать связи с прессой. Наверное, она уже запланировала пресс-конференцию и даже решила, что именно наденет ради такого случая. Анаис просто выбивала у нее почву из-под ног.

– Подождем. Пока никакой огласки. Если нам хоть чуть-чуть повезет, этот парень и в самом деле окажется бомжем.

– Не въезжаю.

– Его никто не станет искать. И можно потянуть с объявлением о его гибели. Скажем, сутки. Но даже и после этого о бычьей голове – ни гу-гу. Просто бездомный бродяга, умерший от переохлаждения. Все. Тема закрыта.

– А если это не бродяга?

– Нам по-любому необходимо время. Чтобы начать расследование без лишней шумихи.

Ле-Коз кивком попрощался с женщинами и исчез в тумане. В другое время и при других обстоятельствах он непременно испытал бы свое обаяние на обеих, но сейчас уже понял, что дело действительно не терпит отлагательства. Так что в ближайшие часы придется забыть о сне, о еде, о семье и вообще обо всем, что не имеет отношения к расследованию.

Анаис повернулась к офицеру из антикриминальной бригады, который все это время держался в отдалении, но из их разговора не пропустил ни слова.

– Найдите мне координатора бригады криминалистов.

– Думаешь, это начало серии? – тихим голосом спросила зампрокурора.

В ее тоне еще прорывались двоякие чувства. Страстное желание и отвращение. Анаис улыбнулась:

– Пока рано делать выводы, моя дорогая. Подождем отчета судмедэксперта. Модус операнди кое-что подскажет о профиле преступника. А я пока проверю, не выпускали ли на днях из «Кадиллака» очередного психа.

Это название хорошо знали в городе. Оно принадлежало от делению психиатрической клиники, где содержались особо опасные пациенты. Приют буйных сумасшедших с криминальными наклонностями. Почти местная достопримечательность, не хуже выдержанных бордоских вин и Пилатовой дюны.

– Кроме того, я прочешу базу данных по стране, – продолжила Анаис. – Надо выяснить, не совершалось ли уже преступлений со сходным почерком в Аквитании или в других регионах.

Анаис болтала что в голову взбредет, лишь бы произвести впечатление на соперницу. Единственной общенациональной базой данных, содержащей сведения о преступлениях, совершенных на территории Франции, была программа, которую обновляли сами полицейские или жандармы, отвечая на специальный вопросник, но делали это спустя рукава.

Внезапно пелена тумана перед ними разошлась. В прорехе стоял сотрудник криминалистической службы, похожий в своем скафандре на космонавта.

– Абдулатиф Димун, – поднимая с лица капюшон, представился он. – Координатор криминалистической службы.

– Вы из Тулузы?

– Ну да. Тридцать первая лаборатория.

– Как это вам удалось так быстро до нас добраться?

– Повезло, если можно так выразиться.

Мужчина широко улыбнулся. У него были белоснежные зубы, особенно заметно выделявшиеся на фоне матовой кожи. Воз раст – лет тридцать. Выглядел он диковато и до ужаса сексуально.

– Нас прислали в Бордо по совсем другому поводу. Загрязнение на промышленном предприятии Лормона.

Анаис кое-что слышала об этом деле. Подозревали бывшего сотрудника этой лавочки – в действительности крупного химического объединения, – который якобы из мести нарочно допустил нарушения некоторых технологических процессов. Капитан и зампрокурора представились. Криминалист сдернул перчатки и пожал обеим женщинам руки.

– Как улов? – спросила Анаис, стараясь, чтобы голос звучал бесстрастно.

– Почти нулевой. Мокро очень. Тело почти десять часов мариновалось в воде. В таких условиях надежды на папиллярные метки почти никакой.

– На что, простите?

Анаис повернулась к зампрокурора, гордая, что может продемонстрировать собственную подкованность:

– На отпечатки пальцев.

Вероника Руа надула губы.

– Фрагментов органики тоже не нашли. Равно как и биологических жидкостей, – отчитывался Димун. – Ни крови, ни спермы, ничего. Дождь, будь он проклят. Пока мы уверены только в

одном: преступление совершено не здесь. Убийца просто бросил сюда тело. Убил он его в *другом месте*.

– Сможете прислать мне отчет и результаты анализов побыстрее?

– Конечно. Мы прямо здесь все сделаем, в какой-нибудь частной лаборатории.

– Если у меня возникнут вопросы, я вам позвоню.

– Никаких проблем.

Мужчина записал номер своего мобильного на обороте визитки.

– А я вам свой дам, – сказала Анаис, вырывая страничку из блокнота. – Звонить можно в любое время дня и ночи. Я одна живу.

Криминалист слегка приподнял брови, удивленный таким неожиданным признанием. Анаис покраснела. Вероника Руа смотрела на нее, не скрывая насмешки. Анаис спас вернувшийся офицер из антикриминальной бригады.

– Можно вас на секунду? К нашему шефу. Там кое-что важное узнали...

– Что именно?

– Я точно не знаю. Вроде бы вчера тут отловили странного типа. С потерей памяти. Меня на месте не было.

– Где конкретно его нашли?

– На путях. Не так уж далеко от ремонтной ямы.

Она кивнула Руа и Димуну и сунула в руку последнему листок со своими координатами. И вслед за офицером полезла через рельсы. Вдали, меж заброшенных строений, мелькнули три фигуры в белых халатах, двигавшиеся со стороны автостоянки. Перевозка из морга. За ними с тихим урчанием полз автопогрузчик. Очевидно, пригнали, чтобы поднять со дна ямы тело и огромную голову.

Топая за своим провожатым, она на миг обернулась и бросила взгляд через плечо. Зампрокурора о чем-то дружелюбно болтала с криминалистом. Они отошли подальше от ленты ограждения и закурили. Вероника Руа кудахтала курицей. Анаис со злобой запахла на груди арабскую куфию, которую носила вместо шарфа. Что ж, она только что получила лишнее подтверждение своим



всегдашним мыслям. С трупом или без трупа, в сотрудничестве или в противоборстве, но правило не меняется: *пусть победит сильнейший*.

\* \* \*

В центре города туман загустел и уплотнился. От асфальта, от стен, от сточных решеток причудливыми спиралями поднимались белые клубы. В пяти метрах не было видно ничего. Впрочем, для Анаис это не представляло никакой проблемы. До полицейского участка она могла добраться с закрытыми глазами. Выслушав довольно путаные объяснения начальника охраны – он поведал, что прошлой ночью неподалеку от места обнаружения трупа подобрали странного вида мужчину, одетого как ковбой, с полной потерей памяти, – она отдала еще несколько распоряжений и села в машину.

Свернув с набережной на бульвар Виктора Гюго, она покатила в сторону собора Андрея Первозванного. Возбуждение спало, и теперь на нее навалилась усталость. Справится ли она с этим делом? Если вообще его у нее не отберут. Не пройдет и пары часов, как новость распространится в высших городских сферах. Префект, мэр, депутаты – все начнут названивать старшему комиссару Жан-Пьеру Деверса. Труп с бычьей головой в столице вина – это вам не шуточки. Все придут к единому мнению: дело должно быть раскрыто как можно раньше. И первый же вопрос, который возникнет у каждого: а кому оно поручено? Сколько лет руководителю следственной группы? Какой у него опыт? Ах, у нее? И как же ее зовут? И тогда неизбежно всплывет скандал, связанный с ее отцом. Эта история прилипла к ней намертво, не хуже родимого пятна.

Станет ли Деверса ее защищать? Нет, не станет. Они едва знакомы. Он знает о ней то же, что и все: молодая сотрудница судебной полиции с блестящим образованием и ярко выраженными способностями, рассорившаяся с собственным отцом. Ну и что? Для

успеха следствия все это не имеет никакого значения. Здесь нужен опыт старой полицейской ищейки. Она попробовала успокоиться, внушая себе, что имеет право попытаться раскрыть дело по горячим следам. Труп нашли именно в ее дежурство, и именно ее вызвали на место происшествия. Ее, и ни кого другого.

Она понимала, что у нее есть примерно неделя. Неделя до прямого вмешательства следственного судьи, выписывающего постановления. На протяжении этого времени она может допрашивать кого угодно. Рыть землю там, где ей нравится. Привлекать к сотрудничеству любых партнеров и использовать любые материальные ресурсы без ограничения. Если честно, от подобной перспективы у нее отчетливо тряслись поджилки. Способна ли она правильно распорядиться такой властью?

Она переключилась на более низкую передачу и свернула направо, к бульвару Пастера. Внезапно в мозгу всплыл облик координатора из экспертно-криминалистической службы. Того самого араба с обольстительной улыбкой. Как же она облажалась, торопясь всучить ему номер своего телефона... Ну не дура? Сама себя выставила на посмешище. Ей как наяву послышался ехидный смех Вероники Руа у нее за спиной.

Она притормозила на красный сигнал светофора, огненным шаром светивший в переливчатой мари, затем, не дожидаясь, пока желтый переключится на зеленый, рванула с места. На крышу машины она заранее установила мигалку, но сирену включать не стала. Синий маячок в мутной сумеречной мгле...

Анаис попыталась мысленно сосредоточиться на расследовании, но у нее ничего не получилось. Ее душил гнев. Гнев на саму себя. Ну почему она, как ненормальная, кидается на каждого мужика? Вечная неудовлетворенность, вечное желание понравиться... Как можно быть такой одержимой? Наверное, одиночество перешло у нее в патологию. Отсюда сверхчувствительность ко всему, что касается любви...

При виде влюбленных парочек на улице у нее сжималось горло. Если в кино герои целовались, у нее из глаз текли слезы. Известие о том, что кто-нибудь из знакомых девиц выходит замуж, заставляло ее вскрывать упаковку лексомила. Ей было невыносимо смотреть на чужую любовь. Сердце превратилось в сплошной нарыв, реагирующий острой болью на малейшее прикосновение. Она знала, как называется эта болезнь. Невроз. Знала также, кто ей нужен, чтобы исцелиться. Психолог. Беда лишь в том, что с ранней юности она уже посетила легион психологов. С нулевым результатом.

Анаис припарковала свой «гольф» возле собора и, не снимая рук с руля, разрыдалась. На несколько долгих минут она дала выход скопившимся обильным слезам. Это принесло ей облегчение. Она вытерла глаза, высморкалась и постаралась собраться с мыслями. О том, чтобы показаться в полицейском участке в подобном состоянии, не могло идти и речи. Там ждут руководителя. А не сопливаю пигалицу.

Выключив радио, она проглотила таблетку лексомила. Достала айпод, надела наушники. Пока подействует транквилизатор, немного музыки не повредит. Полились звуки «Rise»<sup>[3]</sup> Габриэль. Грустная песенка начала двухтысячных, написанная под влиянием сэмпла Боба Дилана. В памяти одно за другим всплывали воспоминания. Чудо-препарат меж тем вел бой со страхом и одерживал победу.

Она не всегда была такой. Нервной. Неуравновешенной. Склонной к депрессии. Когда-то она являла собой образец решительной и чрезвычайно привлекательной девушки. Уверенной в своем положении, в своем обаянии, в своем будущем. Отец – крупный специалист по виноделию, за которым гонялись производители самых знаменитых марок бордоских вин. Особняк в Медоке. Отличная учеба в лицее Тиволи. Аттестат зрелости в семнадцать лет. В восемнадцать – студентка юридического факультета. Жизненная программа: получить магистерскую степень по юриспруденции, затем, следуя примеру отца, – второе высшее по специальности

научное виноделие, после чего сделать карьеру в области правовой защиты виноделов. Не программа, а конфетка.

До двадцати лет Анаис ни на йоту не отступила от задуманного плана. Даже если давала себе кое-какие послабления. *Это молодость, и каждый должен перебеситься...* Она была желанной гостьей не только на чопорных балах, устраиваемых лучшими бордоскими семействами для своих сынков и дочек, но и на менее формальных вечеринках, проходивших, впрочем, в той же компании, участники которой накачивались самыми изысканными винами, благо далеко ходить за ними не приходилось – достаточно спуститься в родительский погреб. Она нередко возвращалась домой под утро после посещения очередного ночного клуба – VIP-зал, пожалуйста, – и водила знакомство со всеми звездами футбола из сборной департамента Жиронды.

Не сказать, чтобы ровесники вызывали в ней восхищение. Тот, кто не пил по-черному, сидел на коксе, и наоборот. Их жизненные установки были не выше плинтусов танцпола. Ни один из этих папенькиных сынков не рвался даже заработать побольше денег, потому что их и так у каждого было завались. Иногда ей приходило в голову, что она предпочла бы родиться бедной и стать какой-нибудь шлюхой, продажной тварью, чтобы без малейших угрызений совести выманить бабки у этих богатеньких придурков. Но ничего не попишешь, она была такой же, как они. И неукоснительно следовала предначертаниям своей судьбы – или предначертаниям своего отца.

Мать Анаис, чистокровная чилийка, через несколько месяцев после родов лишилась разума. Они тогда жили в Сантьяго, где Жан-Клод Шатле трудился над селекцией виноградного сорта карменер – во Франции он почти вывелся, зато пышно про израстал в предгорьях Анд. Озабоченный здоровьем супруги, Жан-Клод решил вернуться в родную Жиронду, уверенный, что не останется здесь без работы.

Так что гармонию их безоблачного существования отныне портила слетевшая с катушек мать, которую они раз в неделю навещали в психушке в соседнем Торьяке. У Анаис от этих посещений сохранились лишь самые смутные воспоминания: она собирает лютики, а папа прогуливается под руку с молчаливой женщиной, так его и не признавшей. Она умерла, когда девочке исполнилось восемь лет. Рассудок к ней так и не вернулся.

После этого картина идеальной семьи полностью восстановилась. Отец много работал и параллельно занимался воспитанием обожаемой дочери, которая платила ему безусловным послушанием. Они представляли собой нечто вроде супружеской пары, хотя, насколько она помнила, в их отношениях не было абсолютно ничего обидного или ущемляющего ее свободу, тем более – ничего нездорового. Папочка хотел одного – чтобы она была счастлива, а счастье он понимал как соответствие общепринятой норме. Иначе говоря, дочь должна быть отличницей и чемпионкой по верховой езде.

Скандал разразился в 2002 году.

Ей был двадцать один год, когда мир вокруг нее перевернулся. Газеты. Слухи. Взгляды. Люди пялились на нее. Засыпали ее вопросами. Она не могла ответить ни на один. Это было *физически* невозможно. Она потеряла голос. На протяжении почти трех месяцев оказалась лишена способности произнести хотя бы один звук. Психосоматика, поставили диагноз врачи.

Первым делом она съехала из отцовского особняка. Сожгла все свои наряды, распрощалась со своей лошадью, когда-то подаренной папой, – будь это в ее силах, она бы прикончила конягу одним ружейным выстрелом. Она оборвала связи с прежними друзьями. Показала всей этой золотой молодежи кукиш. Ни о каком соблюдении приличий речи уже не шло. Тем более о каких бы то ни было контактах с отцом.

Настал 2003 год.

Она закончила магистратуру по правоведению. Увлечлась боевыми искусствами, освоила крав-магу<sup>[4]</sup> и кикбоксинг. Занялась спортивной стрельбой. Она уже твердо решила, что пойдет работать в полицию. Посвятит себя защите правды. И отмоется от долгих лет лжи, с рождения марававшей ее жизнь, душу и кровь.

2004 год.

Она поступила в Высшую государственную школу офицеров полиции в Канн-Эклизе. Полтора года учебы. Процедурные тонкости. Методы расследования. Общественные отношения. Анаис окончила школу первой в выпуске и получила право самостоятельного выбора будущего места работы. Поначалу она решила поступить в обычный полицейский участок, прощупать, так сказать, почву. Но по прошествии короткого времени обратилась к руководству с просьбой перевести ее в Бордо – тот самый город, где и разразилась скандальная история, так сильно изменившая ее жизнь. Город, в котором ее имя было облито грязью. Знакомые недоумевали – зачем ей это нужно?

А ответ был прост.

Она хотела показать им, что нисколько их не боится.

А главное, показать ему, что отныне она – на стороне правосудия и справедливости.

Анаис даже внешне мало напоминала себя прежнюю. Волосы она остригла. Носила джинсы или камуфляжные штаны и кожаные куртки. Обувалась в рейнджеры. Выше ростом она не стала, зато накачала мышцы и отточила реакцию. В манере говорить, в словах, которые она теперь употребляла, и в тоне, каким их произносила, появилась жесткость. Однако, несмотря на все свои усилия, она так и осталась хорошенькой тоненькой девушкой с очень белой кожей и огромными удивленными глазами, словно бы сошедшей со страниц книжки волшебных сказок.

Вот и прекрасно.

Кто примет всерьез офицера судебной полиции с кукольной внешностью?

Что касается отношений с мужчинами, то со дня возвращения в Бордо Анаис пребывала в постоянном и пока безрезультатном поиске. Ее подчеркнuto лихой вид мог обмануть кого угодно, только не ее саму, – а ей так хотелось опереться о надежное мужское плечо. Прижаться к большому и сильному человеку, почувствовать на себе тепло его рук. Прошло два года, но она так никого и не нашла. Холодная обольстительница времен шикарных вечеринок, недоступная «снежная королева» больше не привлекала мужчин. А если ей и удавалось завлечь в свои сети хоть одного, удержать его возле себя она все равно не могла.

Что было тому виной? Ее новая повадка? Ее неврозы, прорывающиеся в рубленой речи, слишком бурной жестикуляции и взглядах исподлобья? Или ее пугающая профессия? Задавая самой себе все эти вопросы, вместо ответа она просто пожимала плечами. Какая разница? Так или иначе, но уже ничего не изменишь – слишком поздно. Она утратила женственность, как теряют девственность, – безвозвратно.

Время шло, а она так и не продвинулась дальше сайта знакомств.

Три месяца дерьмовых встреч и бесплодных разговоров с явными козлами. В результате – ноль, если не считать унижения. Из каждой очередной истории она выбиралась чуть более уставшей, чуть более подавленной мужской жестокостью. Она искала товарищей, а находила врагов. Она мечтала о «Никогда не говори никогда», а ей подсовывали «Грязную дюжину».

Она подняла глаза. Слезы высохли. Теперь она слушала «Right where it belongs»<sup>[5]</sup> группы «Nine Inch Nails». Сквозь туман на нее пялились горгульи с крыши собора. Эти каменные монстры напомнили ей всех мужчин, с которыми она имела дело, всех беззастенчивых врунов, которые пытались ее подцепить. Студент-медик, на деле оказавшийся разносчиком пиццы. Основатель собственного предприятия, перебивавшийся на минимальную зарплату. Холостяк в поисках родственной души, чья жена ждала третьего ребенка.

Горгульи.

Бесы.

Предатели.

Она повернула ключ зажигания. Лексомил сделал свое дело. Но главное, к ней вернулся гнев, а вместе с ним – ненависть. Эти стимуляторы сильнее любого наркотика.

Трогаясь с места, она размышляла о главном событии этой ночи. В ее городе неизвестный убил невинного человека и нацепил ему на голову бычью башку. На этом фоне тускнели все ее девические страдания. Ну не глупость – переживать из-за такой ерунды, когда по улицам Бордо шастает маньяк-убийца?

Сжав зубы, она вела машину в сторону улицы Франсуа-де-Сурди. В кои-то веки ночь не пропала зря.

У нее есть труп.

А это куда лучше, чем живой козел.

\* \* \*

– Вчера ты говорил, что тебя зовут Мишель.

– Угу. Паскаль Мишель.

Фрер записал имя. Истинное или ложное, не важно. В любом случае это дополнительная информация. Погрузить ковбоя в гипнотический сон оказалось проще простого. Амнезия словно подталкивала его отключиться от внешнего мира. Сыграл свою роль и фактор доверия, которым он проникся к психиатру. Нет доверия – нет расслабления. Нет расслабления – нет гипноза.

– Ты знаешь, где ты живешь?

– Нет.

– Подумай.

Великан сидел на стуле, выпрямив спину, положив руки на колени. Шляпу он так и не снял. Фрер проводил сеанс у себя в кабинете, там, где обычно принимал пациентов. Идеальное для воскресного дня



место, где никто их не потревожит. Он опустил шторы и запер дверь на ключ. В комнате царили полумрак и тишина.

Было 9 часов утра.

– Мне кажется... Да, точно. Город называется Оданж.

– А где это?

– Неподалеку от Аркашона.

Фрер записал.

– Кем ты работаешь?

Мишель ответил не сразу. Лоб под полями стетсоновской шляпы наморщился, выдавая глубокое раздумье.

– Вижу кирпичи.

– Строительные?

– Да. Я их беру в руки. И укладываю.

Пациент, не открывая глаз, как слепой, принялся показывать руками, как он укладывает кирпичи. Фрер вспомнил, что на руках и под ногтями у него обнаружили мелкие частицы какого-то вещества.

*Кирпичная пыль?*

– Ты строитель?

– Я каменщик.

– Где ты работаешь?

– Я... По-моему... Сейчас я работаю на стройке в Кап-Ферра.

Фрер продолжал делать заметки. Он не собирался принимать эти признания за чистую монету. Память Мишеля вполне могла исказить правду, создать вымышленные воспоминания. Полученные сведения служили психиатру скорее индикаторами, указывая направление поиска. *Все это нуждается в проверке.*

Он отложил ручку и немного посидел молча. *Не следует задавать слишком много вопросов. Пусть действует обстановка кабинета.* На него самого напала сонливость. Великан не произносил ни слова.

– Ты помнишь, как зовут начальника стройки? – снова заговорил Матиас.

– Тибодье.

– Можешь продиктовать по буквам?

Мишель с готовностью исполнил его просьбу.

– Больше ничего не помнишь?

После паузы ковбой промолвил:

– Дюна... Со стройки видна Пилатова дюна...

Каждый ответ был равнозначен новому штриху на карандашном наброске, над которым трудился врач.

– Ты женат?

Снова пауза.

– Нет, не женат. Но у меня есть подруга.

– Как ее зовут?

– Элен. Элен Офер.

Это имя Фрер тоже попросил его продиктовать по буквам, после чего начал задавать вопросы с пулеметной скоростью:

– Кем она работает?

– В мэрии.

– В деревенской мэрии? Или в мэрии Оданжа?

Мишель прикрыл лицо рукой. Рука тряслась.

– Я не... Я больше ничего не знаю.

Фрер предпочел прервать сеанс. Следующий проведет завтра. Необходимо бережно относиться к способности памяти пробивать себе дорогу сквозь мрак.

Он произнес несколько слов, выводя пациента из состояния гипнотического внушения, и отдернул шторы. Его ослепил яркий свет. Левый глаз мгновенно отозвался на это острой болью. От тумана не осталось и следа. Над Бордо сияло зимнее солнце. Белое, холодное, как снежный ком. Фрер счел это добрым предзнаменованием для работы с потерявшим память пациентом.

– Как ты себя чувствуешь?

Ковбой не шелохнулся. На нем была полотняная куртка того же цвета, что и брюки, – и то и другое ему выдали в больнице. Не то пижама, не то арестантская роба. Фрер потряс головой. Он был ярим противником больничной одежды.

– Хорошо, – ответил Мишель.

- Помнишь, о чем мы говорили?
- Смутно. Я рассказал что-нибудь важное?

Отвечая, психиатр взвешивал каждое слово. Он употреблял принятые во врачебном жаргоне выражения, но не уточнял, какие именно сведения только что получил от пациента. Вначале он должен проверить каждое из них. Фрер через стол смотрел в лицо Мишеллю. Произнеся несколько обнадеживающих фраз, он поинтересовался, снилось ли ему что-нибудь.

- Опять видел тот же сон.
- С солнцем?
- Ага, с солнцем. И с тенью.

*А что снилось ему?* После истории с людьми в черном он камнем ухнул в беспмятство. Заснул на диване, даже не раздевшись. Как последний клошар...

Он поднялся и обошел кругом сидящего великана.

– Ты пытался вспомнить, что с тобой произошло той ночью... На вокзале?

- Конечно. Дохлый номер.

Фрер мерил шагами комнату у него за спиной. Вдруг до него дошло, что это может напугать пациента – в конце концов, он не следователь, вызвавший заключенного на допрос, – и он встал справа от ковбоя:

- Ни одной детали?
- Ничегошеньки.
- А разводной ключ? А телефонный справочник?

Мишель несколько раз мигнул. Лицо дернулось нервным тиком.

- Не-а. Вообще ничего не помню.

Психиатр снова уселся за стол. На сей раз он явно почувствовал сопротивление собеседника. Тот боялся. *Боялся вспомнить.* Фрер дружески улыбнулся ему. Это означало конец сеанса и одновременно желание подбодрить пациента. Пожалуй, Фрер повел себя с ним недостаточно осторожно. Его память походила на

скомканный лист бумаги: начни разворачивать – и, чего доброго, порвешь.

– Ну, на сегодня достаточно.

– Нет. Я хочу рассказать тебе о своем отце.

Итак, механизм заработал – с гипнозом или без гипноза. Фрер снова взялся за блокнот.

– Слушаю.

– Он умер. Два года назад. Он был каменщик. Как и я. Я тебе говорил, что работаю каменщиком?

– Да, говорил.

– Я очень его любил.

– А где он жил?

– В Марсаке. Это деревня близ Аркашона.

– А твоя мать?

Он не ответил и отвернулся. Казалось, он что-то высматривает в струящемся из окна льдистом свете.

– Она держала бар с табачной лавочкой, – наконец выдавил он из себя. – На главной улице Марсака. Она тоже умерла. В прошлом году. Сразу за отцом.

– Ты помнишь, как это произошло?

– Нет.

– У тебя есть братья и сестры?

– Я... – Мишель заколебался. – Не знаю.

Фрер встал. На сей раз он твердо решил закруглиться. Вызвал медбрата и велел сделать Мишелю инъекцию седативного препарата. *Главное – отдых.*

Оставшись в одиночестве, он бросил взгляд на часы. Почти десять. Дежурство в отделении скорой начиналось в час дня. Он вполне успевал съездить домой, только что ему там делать? Пожалуй, лучше навестить своих стационарных больных. Потом можно будет вернуться в кабинет и попытаться проверить те сведения, что сообщил ему Паскаль Мишель.

Уже шагая по коридору, он вдруг осознал одну простую истину.

Сам того не замечая, он стремится большую часть своей жизни проводить здесь, в больнице. Надежно укрытый за ее стенами. В точности как его пациенты.

\* \* \*

– Вот, сделал что мог. Голову, считай, по кусочкам собирал.

– Вижу.

Было 10 часов утра. Анаис Шатле спала всего два часа, прикорнув на диване у себя в кабинете. Прижав к плечу телефонную трубку, она разглядывала на экране монитора то, что осталось от лица жертвы происшествия на вокзале Сен-Жан. Нос смят в лепешку. Надбровные дуги раздроблены. Правый глаз глубоко ввалился и на несколько сантиметров сместился в сторону относительно левого. За распухшими губами видны пеньки выбитых зубов. Не лицо, а сметанная на живую нитку, страшная в своей асимметричности маска.

Судмедэксперт Лонго прислал ей фотографию для опознания – и сразу же позвонил.

– По всей видимости, лицевые травмы вызваны бычьей головой. Убийца действительно выдолбил ее от шеи до мозга, а затем нахлобучил этот жуткий колпак на череп жертвы на манер сплошной маски. Но внутри оставались позвонки животного и часть мышечной ткани. Они-то и изуродовали лицо парнишки.

Парнишки... Лонго употребил правильное слово. Убитому было не больше двадцати лет. Крашенные в черный – воронова крыла – цвет, небрежно подстриженные волосы. Должно быть, гот. Криминалисты уже прогнали отпечатки его пальцев по общенациональной базе данных – впустую. Он никогда не отбывал наказание и даже ни разу не задерживался полицией за мелкие правонарушения. Результатов из Автоматизированной национальной

системы генетической информации еще не поступало – для проведения всех необходимых анализов требовалось время.

– Это его и убило?

– Нет, он был уже мертв.

– Причина смерти?

– Чутье меня не обмануло. Передоз. Сегодня утром пришли результаты токсикологического анализа. В крови клиента обнаружено почти два грамма героина.

– Почему ты думаешь, что он умер от передоза?

– Никто не в состоянии пережить такую сильную интоксикацию. Имей в виду, что я говорю о почти чистом героине. С другой стороны, любые иные повреждения отсутствуют.

Анаис перестала строчить в блокноте.

– Что ты называешь почти чистым героином?

– Концентрацию активного вещества в пределах восьмидесяти процентов.

Анаис хорошо знала мир наркотиков. Успела познакомиться с ним в Орлеане – городе, служившем перекрестком наркоторговли в регионе Иль-де-Франс. И потому ей было известно, что дури такой степени чистоты на рынке не бывает. Нигде. Особенно в Бордо.

– Что еще ты можешь сказать по результатам токсикологического анализа?

– Тебя интересует имя и адрес дилера?

Анаис оставила этот укол без ответа.

– Ясно одно, – продолжил Лонго. – Жертва – нарк со стажем. Я ведь показывал тебе его руку. Так вот, я обнаружил следы уколов даже на кистях. Носовые перегородки исследовать не удалось ввиду плачевного состояния костей и хрящей, но мне никакие подтверждения и не требовались. Клиент сидел на герыче давно и плотно. И ни за что не рискнул бы уколиться, если бы знал, что ему подсунули.

Передозировка наркотика всегда случается по недосмотру. Наркоманы постоянно ходят по красной черте, но инстинкт

самосохранения не позволяет им сознательно пересекать ее. Следовательно, жертве продали – или дали просто так – дозу героина, умолчав о составе вещества.

– Парень задохнулся, – подвел итог судмедэксперт. – Все признаки налицо. Типичный случай ООЛ.

– Случай чего?

– Острого отека легкого. Зрачки сужены под действием героина и из-за мозговой кислородной недостаточности. Кроме того, во рту скопилось немного розоватой пены. Задыхаясь, он плевался плазмой. Сердце еще работало, но на последнем пределе. Долго и оно бы не выдержало.

– Ты можешь установить точное время смерти?

– Он умер не этой ночью, а предыдущей. Но в котором часу именно, не скажу.

– А почему именно ночью?

– А у тебя есть другие соображения?

Анаис подумала о тумане, который навалился на город сутки назад и не рассеивался целый день. Убийца мог действовать в любой момент, хотя, конечно, элементарная осторожность диктовала ему необходимость передвигаться с подобным грузом под прикрытием ночной тьмы. Ночь и туман, мелькнуло у нее. «Nacht und Nebel». Документальный фильм Алена Рене. Самый страшный из виденных ею фильмов о немецких концлагерях. «Оставь надежду всяк сюда входящий». Каждый раз, когда она пересматривала ленту, а делала она это часто, ей на память приходил отец.

– Есть и еще кое-что странное, – добавил Лонго.

– Что же?

– У меня такое впечатление, что он обескровлен. Тело ненормально бледное. Я проверил и другие ткани. Слизистые век, губ, ногти... Везде одна и та же картина.

– Но ты же сказал, что на теле нет ран или других повреждений.

– Вот именно. Мне кажется, что убийца выкачал из него литр или два крови. Следов от недавних уколов так много, что невозможно

определить, куда именно была сделана смертельная инъекция. Но среди них может также быть след от совсем другого укола. Сделанного с целью забора крови.

– Сделанного при жизни?

– Ну разумеется. У трупа кровь не возьмешь.

Анаис сделала пометку: «*Вампир?*»

– Что-нибудь еще?

– Шрамы от старых ран. По большей части незалеченные порезы. Кроме того, рентген показал множественные переломы костей, причем давние, явно детские. Как и я говорил, этот парень – бомж. Мальчишка из неблагополучной семьи. В детстве его колотили, а кончил он совсем плохо.

Анаис вспомнила изможденное тощее тело в татуировках. Да, судмедэксперт прав. Его гипотезу подтверждал и другой факт. Никаких заявлений об исчезновении человека, подходящего под описание жертвы, не поступало. Или парень приехал из других мест, или никто его не хватился...

– Какие-нибудь еще признаки в пользу этого предположения есть?

– Масса. Во-первых, он был грязен до невероятия.

– Это ты мне еще на месте говорил.

– Я имею в виду хроническую, въевшуюся грязь. Чтобы его отмыть, понадобились чистящие средства. Руки в ссадинах. Кожа на лице покрасневшая, что свидетельствует о жизни под открытым небом. Следы укусов блох. Я уже не говорю про вшей, в том числе лобковых. Труп еще и в морге шевелился.

Анаис не оценила юмор Лонго. Ей представилось, как этот пятидесятилетний, всегда невозмутимый седой человек с диктофоном в руке расхаживает вокруг распростертого на столе для вскрытий тела, озаренного беспощадным светом хирургических ламп. Лонго всегда оставался для нее загадкой.

– По поводу внутренних органов, – снова заговорил он. – Та же история. Печень на грани цирроза. Для парня его лет – катастрофа.



– Значит, он еще и пил?

– Лично я думаю, что это скорее следствие гепатита С. Точнее буду знать, когда придут результаты анализов. Но я убежден, что у него отыщется еще целый букет заболеваний. До сорока ему по-любому было не дотянуть.

Анаис уже мысленно прикидывала портрет возможного убийцы. Убийца клошаров. Психопат, возомнивший, что он вправе убирать лишних людей. Она почувствовала, как по спине побежали мурашки. Впрочем, не забегает ли она вперед? Пока нет никаких доказательств того, что перед ними серийный убийца. Но лично у нее не было никаких сомнений. Если Минотавр – первая жертва, вряд ли она будет последней.

– Следы сексуального насилия?

– Отсутствуют. Спермы не обнаружено. Анальное отверстие не травмировано.

– А есть что-нибудь о последних часах его жизни?

– Ну, мы знаем, что он ел. Крабовые палочки. Лапшу с курицей. Что-то из «Макдоналдса». В общем, всякую дрянь. Наверняка питался из помойки. Одно мы установили точно: его последний ужин сопровождался обильными возлияниями. Уровень алкоголя в крови составил две целых четыре десятых промилле. Это значит, что перед тем, как всадить себе смертельный укол, он лыка не вязал.

Анаис попыталась вообразить себе, как двое – убийца и его жертва – сидят и закусывают, запивая еду пивом. После трапезы молодого парня ждало кое-что посерьезнее – доза героина. *Нет, не так.* Ей представилась другая картина. Убийца подобрал паренька уже *после* того, как тот попиrowал. И предложил ему ширнуться «лучшим в мире герычем»...

– А про убийцу что ты можешь мне сказать?

– Немного. Тело он не увечил. Довольствовался тем, что нацепил ему на черепушку эту кошмарную бычью голову. На мой взгляд, он человек хладнокровный. Привыкший действовать методически. Во

всяком случае, он осуществляет свои бредовые замыслы с прилежанием и последовательностью.

– Почему «методически»?

– Я заметил одну деталь. На крыльях носа, в уголках губ, над правой ключицей и с обеих сторон от пупка на теле имеются крошечные дырочки.

– И что же это за дырочки?

– Это следы пирсинга. Убийца извлек все побрякушки. Не знаю, почему он это сделал, но, очевидно, не желал, чтобы на теле жертвы оставались металлические предметы. Говорю же тебе: психопат. Холодный как змея.

– Как, по-твоему, произошло убийство?

– Ты что, забыла правило? «Судмедэксперт не имеет права высказывать гипотезы».

Она вздохнула. Лонго явно не терпелось высказаться.

– Слушай, не изображай примадонну, а?

Врач набрал в грудь побольше воздуха и начал:

– Я бы сказал, что преступление было совершено позавчера. Убийца подцепил паренька ближе к вечеру. Либо знал, где его искать, либо просто приклеился к первому попавшемуся. Может, в забегаловке, может, на попойке, может, в сквоте, а то и вовсе прямо на улице. Но он точно знал, что жертва – наркоман. Поманил его сказочной дозой. Отвел в уголок и наполнил шприц. Сразу перед этим – или сразу после этого – откачал у него сколько-то крови. Скорее всего, до укола, иначе гемоглобин напитался бы героином. Впрочем, мы все равно понятия не имеем, для чего ему понадобилась эта кровь...

Анаис мысленно отметила еще одно обстоятельство дела. Жертва знала убийцу. Ни один нарк, даже в самой страшной ломке, не даст себя колоть незнакомцу. Минотавр доверял своему палачу. *Надо поискать среди дилеров. Или людей, с которыми в последние дни тусовался парень.*

Вторая важная деталь. Денег за дозу с него не взяли. Просто потому, что у жертвы не было возможности платить 150 евро за грамм героина.

– Спасибо, Мишель. Когда я получу отчет?

– Завтра утром.

– Что-о?

– Сегодня воскресенье. Я всю ночь провозился с этим жмуриком. Так что, если ты не против, я хотел бы купить круассанов к завтраку своим мальчишкам.

Анаис смотрела на сшитое из кусочков лицо жертвы. Она проведет воскресенье с этим типом, словно явившимся из фильма ужасов. Будет опрашивать нищих попрошайек и наркоторговцев. К глазам подступили слезы. *Вешай трубку.*

– Пришли мне фотографии трупа.

– А с головой что делать?

– С какой головой?

– С бычьей. Ее куда девать?

– Составь на нее отдельный отчет. Опиши, каким именно способом убийца ее отрезал и выдолбил.

– Животные – не мой профиль, – презрительно отозвался Лонго. – Тебе нужен ветеринар. Или позвони в Париж, в училище, где готовят мясников.

– Вот ветеринара-то как раз искать придется тебе, – резко оборвала его она. – Эта голова – часть твоего трупа. Значит, это твоя работа.

– Да где ж я его найду в воскресенье? Это же не один час потратишь!

Она представила себе воскресный завтрак доктора в кругу семьи и, не сдержавшись, добавила с плохо скрываемым металлом в голосе:

– Как-нибудь выкрутишься. Мы все в одной лодке.

\* \* \*

Анаис вызвала к себе в кабинет Ле-Коза и остальных членов группы. Пока народ подтягивался, она обвела комнату взглядом. Ее относительно просторная берлога располагалась на втором этаже комиссариата. Одно огромное окно выходило на улицу Франсуа-де-Сурди, второе, поменьше, – в коридор. В качестве защиты от любопытных взглядов на этом внутреннем окне имелись жалюзи. Анаис никогда их не опускала – ей нравилось чувствовать свою причастность к творящейся в комиссариате суматохе.

Но сейчас здесь царила непривычная тишина. Это была тишина воскресного утра. Только с первого этажа до слуха Анаис доносился неясный шум. Хлопали двери вытрезвителя, выпуская на свободу своих временных обитателей. В соответствии с распоряжением прокуратуры, утром разгоняли по домам задержанных накануне мелких правонарушителей: шоферов без водительских прав, молодых ребят, пойманных с парой граммов гашиша или кокаина, забияк, учинивших драку на дискотеке. Жатва субботнего вечера...

Анаис проверила электронную почту. Лонго уже прислал обещанные фотографии в формате PDF. Она включила принтер и вышла в коридор за кофе. К возвращению ее уже поджидала стопка кошмарных снимков.

Она внимательно рассмотрела многочисленные татуировки жертвы. Кельтский крест, маорийский узор, змея в венке из роз... Да, похоже, вкусы у парня отличались редкостной эклектикой. Но вот и последняя фотография: голова быка, установленная на столе для вскрытий, словно на прилавке в мясной лавке. Только пучка петрушки в носу не хватает. Возможно, Лонго решил проявить своеобразное чувство юмора, а то и вовсе подразнить ее. Но она на него не обиделась. Этот снимок показался ей крайне полезным, потому что служил доказательством явного безумия убийцы. Она

видела перед собой зримое воплощение его безрассудной, животной злобы.

Широкие ноздри, мощные рога, черная, словно обожженная огнем наследственности шкура. Глаза – два больших лаковых шара – еще не утратили блеска, несмотря на смерть, холод и долгие часы, проведенные на дне ремонтной ямы.

Анаис, все так же стоя, отложила снимки в сторону и отпила немного кофе. В животе немедленно заурчало. Еще бы, она же не ела со вчерашнего дня. Или с позавчерашнего? Остаток ночи она посвятила тому, что обзвонила психиатрические больницы и тюрьмы, чтобы поинтересоваться, не было ли в числе их пациентов и заключенных, недавно вышедших на свободу, кого-нибудь, повернутого на греческой мифологии или калечении животных. Но говорить ей в основном пришлось с заспанными охранниками. Ничего не поделаешь, придется повторить попытку позже.

Позвонила она и в Форт Рони, где располагался Институт криминалистических исследований при национальной жандармерии и хранились данные обо всех преступлениях, совершенных на территории Франции. И снова – облом. В воскресенье, в пять часов утра, говорить ей было *решительно не с кем*.

Затем она подключилась к Интернету и погрузилась в изучение мифа о Минотавре. Как и все, она помнила его в общих чертах, но многие детали стерлись из памяти и нуждались в уточнении.

История начиналась с отца чудовища, которого звали Минос. Сын смертной женщины Европы и верховного божества Зевса, Минос рос при дворе критского царя, а впоследствии и сам стал править островом. Тщась доказать свою причастность к богам, Минос обратился к владыке морей Посейдону с просьбой сотворить для него прекрасного быка. Посейдон согласился, но взял с Миноса клятву, что, получив быка, он принесет его в жертву ему же, Посейдону. Минос клятвы не сдержал. Потрясенный красотой животного, он сохранил ему жизнь и присоединил к своим стадам. Посейдон разгневался и внушил жене Миноса Пасифае безумное

влечение к быку. Та сочеталась с ним, в результате чего на свет появилось чудовище с головой быка и телом человека – Минотавр. Плод запретной страсти надо было куда-то спрятать, и Минос приказал своему зодчему Дедалу соорудить лабиринт, в котором и заточил монстра.

Через некоторое время, выиграв войну с Афинами, критский царь наложил на побежденных страшную дань: они обязались каждый год присылать на остров семь юношей и семь девушек, которые приносились в пищу Минотавру. Афинский царь честно выполнял условия договора, пока в один прекрасный день его сын Тесей не вызвался отправиться на Крит вместе с другими обреченными с тайной целью прикончить чудовище. Благодаря помощи одной из дочерей Миноса Ариадны он убил Минотавра и нашел выход из лабиринта.

Если интуиция не обманывала Анаис, жертва убийства символизировала одновременно и мифического монстра, и убитых им юношей. Ведь парень с изуродованным бычьей головой лицом в каком-то смысле тоже был убит Минотавром.

Она села за стол и потянулась. Мифология – это прекрасно, но это лишь теория. А у нее есть кое-что более конкретное. *Восьмидесятипроцентный героин.* Вот действительно многообещающий след. В памяти снова вспыхнули воспоминания. В Орлеане, едва поступив в региональное отделение судебной полиции, она сразу поняла, что заниматься будет главным образом незаконным оборотом наркотиков, и тогда же решила устроить себе небольшую личную стажировку. Взяла неделю отпуска, заперла в сейф полицейское удостоверение и табельное оружие и отправилась в Нидерланды.

В одном из пригородов Амстердама она свела знакомство с несколькими наркодилерами. Побывала она и в квартирах, которые они снимали, – обычно из мебели в них имелся только журнальный столик со стеклянной столешницей, на которой удобнее всего насыпать дорожку. Разумеется, она заранее побеспокоилась о

соответствующем камуфляже. Явилась к ним якобы вусмерть обдолбанная и потребовала сто граммов плотно спрессованного героина в пластиковом пакете, за который тут же расплатилась. Затем заперлась в сортире и спрятала добычу в анусе, как делали все перед тем, как двинуться домой.

Всю обратную дорогу она ощущала у себя внутри присутствие яда. Вот тогда-то ее и посетило чувство, что она не только душой, но и телом предана своему делу. Она не внедрялась в преступный мир – преступный мир внедрялся в нее. Конечно, она никого не арестовала, поскольку не обладала на чужой территории никакими полномочиями. Она просто немного *пожила их жизнью*. С тех пор она дала себе слово, что всегда будет работать только так и не иначе. Отдаваясь расследованию целиком, от макушки до пяток. И больше ей ничего не нужно.

Раздался стук в дверь.

Через минуту в кабинете уже толкались четверо ее подчиненных. Ле-Коз, в безупречно выглаженном костюме и при галстукке, выглядел так, будто собрался на воскресную мессу в церковь. Амар по прозвищу Джафар являл собой полную ему противоположность – небритый, нечесаный, в измятой одежде, не иначе позаимствованной у какого-нибудь бомжа. Конант – длинная куртка с капюшоном, прикрывающим начинающую лысеть голову, – обладал столь заурядной внешностью, что это само по себе выделяло его из толпы. Закрауи, или попросту Зак, в своей маленькой аккуратной шляпе напоминал бы грустного клоуна, если бы не шрам возле рта – знаменитая тунисская улыбка<sup>[6]</sup>, – придававший лицу пугающее выражение. Четыре мушкетера. *Один за всех, и все за Анаис...*

Она раздала всем размноженную фотографию трупа и спокойно ждала их реакции. Ле-Коз скривился. Джафар улыбнулся. Конант недоуменно покачал головой. Зак недоверчиво потрепал узкие поля своей шляпы. Анаис объяснила стратегию расследования. Если найти убийцу невозможно, надо попытаться установить личность жертвы.

– Вот с этим? – спросил Джафар и потряс листком с фотоснимком. Она пересказала им свой разговор с судмедэкспертом. Смертельная инъекция. Исключительно высокое качество наркотика. Предположение, что потерпевший был бомжем. Все это существенно сужало поле поиска.

– Джафар! Ты займешься бездомными. Знаешь, где они тусуются?

– Много где...

– Судя по прическе и возрасту, наш клиент, скорее всего, родом из какой-нибудь трущобы. Бомж не по призванию, а по жизненным обстоятельствам. Молодой парень, помешанный на неформальной музыке и рейве.

– Тогда бульвар Виктора Гюго, улица Сент-Катрин, площадь Генерала Саррая, площадь Гамбетты, площадь Сен-Проже.

– Про вокзал не забудь. С него и начни.

Джафар кивнул.

– Когда прочеешь эти места, пройди по церквям, бесплатным столовкам и сквотам. Показывай снимок всем уличным попрошайкам, панкам, бездомным, – всем без исключения. Загляни в ночлежки, больницы, в отделения социальной «неотложки». В общем, побывай везде, где оказывают помощь неимущим.

Джафар разглядывал изуродованное лицо погибшего на фото и задумчиво скреб подбородок. В свои сорок лет он и сам, хоть и был полицейским, практически не имел дома. После развода он наотрез отказался выплачивать бывшей жене алименты и теперь скрывался от судебного исполнителя. Ночевал в дешевых гостиницах. Пил. Баловался травой. Играл на скачках и в покер. Поговаривали даже, что он не брезгует брать деньги у одной проститутки с улицы Этабль. Достойная компания, ничего не скажешь. Зато городское дно Джафар знал как свои пять пальцев.

– Ты, – обратилась Анаис к Ле-Козу, – возьмешь на себя дилеров.

– А где я их найду?

– Спроси у Зака. Если на рынке появился белый героин, это не могло пройти незамеченным.



– А разве героин не всегда белый?

Ле-Козу, отлично подкованному в вопросах процедуры расследования, не хватало полевого опыта.

– Героин никогда не бывает белого цвета. Он коричневый. Нарки употребляют так называемый браун, в порошке или в виде комочков. Обычно в нем содержится от десяти до тридцати процентов чистого героина. Наш клиент скончался от дозы, содержащей восемьдесят процентов отравы. Такая дурь на дороге не валяется.

Ле-Коз, как прилежный школьник, строчил в блокноте.

– Позвони в жандармерию межрегиональной группы Бордо-Аквитании. У них есть соответствующая база данных. С именами и адресами.

– Не думаю, что они встретят меня с распростертыми объятиями.

– С войной между полицейскими покончено. Объяснишь им, в чем дело, и они тебе помогут. Свяжись с тюрьмой в Бордо. Опроси каждого заключенного, отбывающего срок за наркоту.

– Так они же за решеткой! Что они могут знать?

– Не волнуйся, они всегда в курсе. И всем показывай фотографию.

Ле-Коз старательно записывал указания своей сверкающей ручкой «Монблан». У него была матовая кожа, длинные, как у женщины, загнутые кверху ресницы, тонкая шея и блестящие от геля волосы. Глядя на него, напомаженного как актер немого кино, Анаис засомневалась: стоит ли посылать его на такое опасное задание?

– Обойди еще и аптеки, – добавила она. – Наркоманы – их лучшая клиентура.

– Так воскресенье же!

– Начни с дежурных. А там узнай домашние адреса остальных аптекарей.

Анаис повернулась к Конанту. Тот поднял на нее покрасневшие глаза – всю ночь просматривал видеосъемку вокзальных камер наблюдения.

– Что-нибудь нашел?

– Черта с два. К тому же ремонтная яма вообще вне поля зрения камер.

– А на парковке?

– Ничего особенного. Поднял с постели двух стажеров, велел переписать номера всех автомобилей, стоявших там в последние двое суток, разыскать владельцев и вызвать для опроса.

– Очевидцы? Сотрудники вокзала? Сквоттеры из близлежащих домов?

– С ними говорили ребята из антикриминальной бригады. Но пока, судя по всему, по нулям. Никто ничего не видел.

Анаис и не рассчитывала на чудо.

– Возвращайся на вокзал. Покажи фотографию охранникам, ребятам из железнодорожной полиции и привокзальным нищим. Может, парень тусовался где-нибудь в том районе.

Конант кивнул из-под капюшона куртки. Анаис обернулась к Заку. Бывший хулиган, наркоман и угонщик, он пришел работать в полицию, как другие вступают в Иностраннный легион. Перечеркнув прежнюю жизнь и начав ее с чистого листа. Ему она поручила исследовать «бычий» след.

Продолжая подпирать стену и не вынимая рук из карманов, Зак монотонным голосом отчитался:

– Я с утра пораньше обзвонил фермы. В районе Больших Ланд, Страны Басков и Гаскони их примерно десяток. Вместе с Камаргом и Альпиями – около сорока. Пока ничего не нарыл.

– С ветеринарами разговаривал?

Закрауи подмигнул ей, но она не обратила на фамиллярность внимания.

– Перебудил всех до одного, шеф.

– Скотобойни? Крупные предприятия по переработке мяса?

– В процессе.

Он отлепился от стены:

– Шеф, можно вопрос? Чисто из любопытства.

– Давай.

– Откуда ты узнала, что эта башка от бойцового быка?

– Мой отец был помешан на корриде. Я все детство провела на аренах. У *toro bravo* рога не такие, как у обычных быков. Есть и другие признаки. Но читать тебе лекцию я сейчас не буду.

Анаис испытала мимолетное чувство удовлетворения. Она вслух сослалась на своего отца, и это несколько ее не взволновало. Даже голос не дрогнул. Впрочем, она не собиралась поддаваться иллюзиям. В это утро сильной ее сделали возбуждение и адреналин.

– Мы вот все про жертву, – заговорил Джафар. – А убийца-то? Кого мы хоть ищем?

– Бездушного, жестокого манипулятора.

– Надеюсь, у моей бывшей твердое алиби, – потрянул он головой.

Остальные засмеялись.

– Кончайте дурака валять, – одернула их Анаис. – Учитывая мизансцену мы исключаем непредумышленное убийство, равно как и убийство в состоянии аффекта. Он все приготовил заранее. Продумал мельчайшие детали. Шансов на то, что это убийство из мести, тоже мало. Остается одно – чистое безумие. Расчетливое, холодное безумие на фоне помешательства на греческой мифологии.

Анаис встала, давая всем понять, что инструктаж окончен. Пора за работу. Офицеры потянулись к дверям.

На пороге Ле-Коз остановился и бросил через плечо:

– Чуть не забыл. Нашли этого мужика с вокзала. Ну, того, с потерей памяти.

– Где?

– Да здесь рядом. Клиника Пьера Жане. Он у них в дурке.

\* \* \*

В полдень, завершив обход больных и отдав нужные распоряжения в отделении скорой, Матиас Фрер снова уселся перед

компьютером. Ему не терпелось проверить сведения, полученные от Паскаля Мишелля.

Вначале он, как и накануне, просмотрел телефонный справочник. В Оданже, район Аркашона, никакого Паскаля Мишелля не значилось. Он зашел на сайт медицинской справочно-информационной системы. Человека с такими именем и фамилией никогда не лечили ни в одном из департаментов Аквитании, как, впрочем, и на остальной территории Франции. Фрер позвонил в секретариат больницы и попросил дежурного администратора проверить информацию по базе данных системы социального обеспечения. Ни следа Паскаля Мишелля.

Фрер повесил трубку. На улице шла баталия – пациенты устроили соревнование по игре в петанк. До Фрера доносился стук шаров и смешки. По звуку голосов он без труда определил, кто именно участвует в турнире.

Психиатр снова потянулся к телефону и позвонил в мэрию Оданжа. На том конце провода трубку никто не снимал. Воскресенье. Он набрал номер местной жандармерии. Объяснил – уверенным голосом, пересыпая речь медицинскими терминами, – что ему требуется, и без труда добился ответа. Оданж был маленьким городом, и всех сотрудников мэрии здесь знали наперечет. Женщина по имени Элен Офер никогда в ней не работала.

Фрер поблагодарил жандарма. Интуиция его не обманула. Подсознание ковбоя извратило его воспоминания или создало на месте провала памяти искусственные. Диагноз понемногу уточнялся.

Матиас снова подключился к Интернету и открыл кадастр Кап-Ферра. Со страницы, посвященной строящимся в городе и его окрестностях объектам, он выписал названия всех фирм, нашел в Сети имена их владельцев и начальников строек. Фамилия Тибодье не мелькнула ни разу.

За окном по-прежнему стучали шары, раздавались крики радости или огорчения, иногда сопровождаемые беспричинным смехом. Для

проформы Фрер проверил последние признания Мишелля. Его отец родился в Марсаке, «деревне близ Аркашона», а мать держала на главной улице бар с табачной лавочкой. Тщательно изучив карту области, он не нашел деревни с таким названием.

Фрер еще раз пробежал глазами по испещренной географическими названиями карте. Аркашонский бассейн, Птичий остров, мыс Ферра, Пилатова дюна... Ковбой солгал, но ключ к его тайне следовало искать где-то здесь.

Зазвонил телефон. Медсестра из приемной отделения скорой помощи.

– Извините, что отрываю, доктор. Я пыталась дозвониться вам на мобильный, но...

Фрер покосился на наручные часы: 12.15.

– Мое дежурство начинается в час дня.

– Да, но к вам тут пришли.

– Где «тут»?

– Сюда. В отделение скорой.

– И кто же?

– Полиция, – после короткого замешательства ответила медсестра.

\* \* \*

Женщина – офицер судебной полиции – мерила шагами холл приемной. Невысокого роста, коротко стриженная, в кожаной куртке, джинсах и мотоциклетных сапогах. Как в песне про девочку, которой следовало родиться мальчиком. При этом ее лицо, несмотря на мокрые пряди, черными водорослями прилипшие к щекам, поражало красотой. «Завлекалочка», пришло ему на ум полузабытое словечко.

Фрер представился. Женщина приветливо отозвалась:

– Здравствуйте. Я капитан Анаис Шатле.

Матиасу стоило немало труда скрыть удивление. Девушка излучала непреодолимую, прямо-таки магнетическую притягательность. В ней чувствовался характер редкостной силы. Такие не подлаживаются под мир, они добиваются, чтобы мир подлаживался под них. Фрер несколько секунд разглядывал ее.

Лицо старинной фарфоровой куклы. Широкое и круглое, с очень белой кожей, словно вырезанное из бумаги, с чертами, нанесенными на нее решительной рукой. Маленький красный рот – словно ягодка в вазочке с мороженым. На ум пришли еще два слова, явно не связанные между собой: «крик» и «молоко».

– Пойдемте ко мне в кабинет, – тоном опытного соблазнителя предложил он. – Это в соседнем здании. Там нам никто не помешает.

Девушка молча шагнула к дверям. Скрипнула кожа ее куртки. Фрер заметил торчащую из кармана квадратную рукоять пистолета. И понял, что ошибся. Он настроился на беседу с хорошенькой женщиной, тогда как ему предстоял разговор с капитаном полиции.

Они направились в отделение Анри Эя. Женщина-полицейский покосилась на игроков в петанк. От психиатра не укрылась ее нервозность, хотя она постаралась ничем не выдать своего волнения. Вряд ли ее напугал вид психически больных людей. Скорее, эта картина пробудила в ней какие-то неприятные воспоминания...

Они вошли в здание, пересекли холл приемного покоя и направились к кабинету. Фрер запер за ними дверь и предложил:

– Может быть, чашку кофе? Или чаю?

– Нет, спасибо.

– Я могу поставить чайник.

– Спасибо, не надо, я же вам сказала.

– Присаживайтесь.

– Лучше вы присаживайтесь. А я постою.

Он улыбнулся. Засунув руки в карманы, она старательно напускала на себя грозный вид, но оставалась тем, кем была, – девчонкой. Выглядело это трогательно. Он обошел вокруг стола и сел. Она не

двигалась с места. Его снова поразила ее молодость: больше двадцати он бы ей не дал. Наверняка она была старше, но всей своей повадкой напоминала студентку, в крайнем случае свежее испеченную выпускницу университета. Крик. Молоко. Эти два слова по-прежнему вертелись у него в голове.

– Чем я могу вам помочь?

– Позавчера, в ночь с двенадцатого на тринадцатое, к вам поступил мужчина с потерей памяти. Его нашли на вокзале Сен-Жан, на железнодорожных путях.

– Совершенно верно.

– Вы с ним разговаривали? К нему вернулась память?

– Не совсем.

Девушка сделала несколько шагов по кабинету.

– Вчера вы звонили лейтенанту Пеласу на мобильный. Сообщили, что намерены провести сеанс гипноза. Вы его провели?

– Да. Сегодня утром.

– Что-нибудь удалось узнать?

– Пациент вспомнил некоторые подробности своего прошлого, но я их проверил и выяснил, что они не соответствуют действительности. Мне... – Он умолк и решительным жестом положил ладони на стол. – Капитан, я вас не вполне понимаю. Почему вы задаете все эти вопросы? Лейтенант Пелас сказал, что начиная с сегодняшнего дня он продолжит расследование этого случая. Вы работаете вместе с ним? Или, может, у вас появилось что-то новое?

Она проигнорировала его вопрос:

– Как по-вашему, у него на самом деле амнезия? Он ее не симулирует?

– Стопроцентной гарантии я вам не дам. Никто не даст. Но у меня впечатление, что он говорит правду.

– А не может его амнезия быть вызвана травмой? Или каким-то заболеванием?

– Он наотрез отказался пройти рентгенологическое обследование и сканирование мозга. Но все говорит за то, что синдром потери памяти возник в результате перенесенного эмоционального шока.

– Какого рода шока?

– Понятия не имею.

– А та информация, что он вам сообщил, о чем она?

– Я же вам уже сказал, она не соответствует действительности.

– У нас есть свои способы проверки.

– Он утверждает, что его зовут Паскаль Мишель. С двумя «л».

Она вытащила блокнот и фломастер. Блокнот в обложке из «чертовой кожи». Точная копия знаменитых блокнотов Хемингуэя и Ван Гога. Жених подарил? Она писала, от усердия слегка высунув кончик розового, как у кошки, языка. Обручального кольца на пальце не было.

– Что еще?

– Он говорит, что он каменщик. Родом из Оданжа. Сейчас якобы работает на стройке в Кап-Ферра. Я, конечно, проверил...

– Дальше, пожалуйста.

– Еще он рассказал, что его родители жили в какой-то захолустной деревне в бассейне Аркашона, но населенного пункта с таким названием не существует.

– С каким названием?

Фрер устало вздохнул:

– Марсак.

– А что он говорит о случившемся с ним?

– Ничего. Он ничего об этом не помнит.

– Почему он ночью оказался на вокзале?

– Та же картина. Он не в состоянии ничего вспомнить.

Она по-прежнему смотрела в свой блокнот, но он чувствовал, что сквозь опущенные ресницы она украдкой разглядывает его.

– Каковы шансы, что в ближайшее время он хоть что-нибудь вспомнит об этой ночи?



– Именно эти воспоминания вернутся к нему последними. Любой шок в первую очередь поражает кратковременную память. Я абсолютно убежден в том, что сейчас он и о более давнем прошлом имеет искаженное представление. Все, что он якобы вспоминает, – сплошная выдумка. Имя, место рождения, профессия. А вы не могли бы сказать, что конкретно вас интересует?

– Извините, не могу.

Матиас Фрер скрестил руки на груди и с явным огорчением произнес:

– Полиция не слишком-то настроена на сотрудничество. Если бы вы сами сообщили мне что-нибудь новое, это очень помогло бы мне в дальнейшей работе, дало бы направление поиска...

Он замолчал, потому что Анаис Шатле, успевшая подойти к окну, громко засмеялась. Но вот она, все еще смеясь, повернулась к нему. Оказывается, ее лицо хранило еще один секрет. У нее были мелкие, покрытые сияющей эмалью зубы дикого зверька.

– Что это вас так развеселило?

– Мужчины, которые там играют. Когда одному из них приходит очередь кидать мяч, остальные прячутся за деревьями.

– Это Стен. Шизофрения. Он путает петанк с боулингом.

Анаис Шатле покачала головой:

– Не представляю, как вам удастся.

– Что удастся?

– Самому не спятить со всеми этими... сумасшедшими.

– Как и вам, наверное. Ко всему привыкаешь.

Офицер полиции опять принялась вышагивать по кабинету, постукивая фломастером по обложке блокнота. Было видно, что она изо всех сил старается казаться бывалым парнем, но все ее усилия производили обратный эффект, лишь подчеркивая ее поразительную женственность.

– Давайте так. Или вы рассказываете мне, что произошло, или я больше не отвечаю на ваши вопросы.

Она резко остановилась и уперлась взглядом в психиатра. У нее были большие карие глаза, в глубине которых светился золотистый огонек.

– Ночью обнаружен труп, – бесстрастным голосом произнесла она. – На вокзале Сен-Жан. В двухстах метрах от смазочной, где железнодорожники нашли вашего беспмятного. Что делает его идеальным подозреваемым.

Фрер поднялся. Если война, то равными силами.

– Прошлой ночью он спокойно спал у меня в отделении. И я могу это засвидетельствовать.

– Жертва была убита предыдущей ночью. Днем стоял туман, и тела никто не видел. То есть в то время, когда ваш пациент еще пользовался полной свободой передвижения. Мало того, он был на месте преступления.

– Где именно нашли тело? На рельсах?

Она улыбнулась ему – то ли сладко, то ли кисло:

– В ремонтной яме. Возле старых ремонтных мастерских.

В комнате повисла тишина. Фрера удивило собственное спокойствие. Сообщение об убийстве несколько его не шокировало. В нем даже не проснулось обычное любопытство. Гораздо больше его занимал цвет лица офицера судебной полиции. Ему представилась перегородка из рисовой бумаги, из-за которой едва пробивается слабый огонек: наверное, за ней мелкими шажками осторожно передвигается японка в белых носках с лампой в руке...

Он потряс головой. Анаис Шатле стояла напротив его стола, словно давая ему негласное позволение разглядывать ее сколько душе угодно. Так женщины подставляют лицо и тело ласковым солнечным лучам.

И вдруг она тоже встрепенулась, сбрасывая наваждение:

– Жертва скончалась от передозировки героина.

– Значит, это не убийство?

– Убийство при помощи героина. У вас есть героин?

– Нет, и никогда не было. Мы используем опиаты. Морфин. Многие синтетические препараты. Но героин – нет, никогда. Героин не обладает лечебным действием. Кроме того, он ведь вне закона, разве не так?

Анаис вяло махнула рукой – при сильном желании этот жест мог сойти за ответ.

– Вы установили личность жертвы? – спросил Фрер.

– Нет.

– Это женщина?

– Мужчина. Вернее сказать, молодой парень.

– А на месте преступления... Ну, я имею в виду, в этой самой яме... Что-нибудь необычное там было?

– Убитый был обнажен. И убийца нахлобучил ему на череп бычью голову.

На сей раз Матиас не остался безучастным. Он вдруг как наяву увидел кошмарную картину. Рельсы. Туман. Голое тело на дне ямы. И черная бычья голова. *Минотавр*. Анаис искоса поглядывала на него, ловя каждое его движение.

Фрер почувствовал себя крайне неудобно. Когда он заговорил, голос его звучал громче обычного:

– Чего конкретно вы хотите от меня?

– Услышать ваше мнение об этом... пациенте.

Он представил себе утратившего память исполина. Ковбойская шляпа. Кожаные сапоги. Манеры мультяшного великана.

– Он абсолютно безобиден. За это я вам ручаюсь.

– Когда его нашли, он нес в руках окровавленные предметы.

– Насколько я понял, жертва была убита вовсе не разводным ключом, не так ли? И не телефонным справочником?

– Кровь на них совпадает с кровью жертвы.

– Первая группа, положительный резус. Это самая распространенная группа крови...

Фрер оборвал себя на полуслове. Он догадался, в какую ловушку заманивает его женщина-полицейский.

– Ладно, – сказал он. – Не надо меня поддавливать. Вы и сами знаете, что он не убийца. Что же тогда вас интересует?

– Я ничего не знаю наверняка. Кроме того, есть еще одна возможность. Он был на месте преступления в то время, когда убийца сбрасывал тело в яму. Он мог что-то видеть. – Она ненадолго замолчала, прежде чем продолжить: – Не исключено, что шок, вызвавший амнезию, наступил в результате того, что в ту ночь он стал свидетелем чего-то страшного.

Матиас осознал – на самом деле он с первой же минуты это предчувствовал, – что перед ним блестящий сыщик. Гораздо выше среднего уровня.

– Можно мне с ним поговорить? – спросила она.

– Нет, пока нельзя. Он еще не совсем пришел в себя.

Она кинула на него взгляд через плечо. Ну и девушка! Совершенно невозможно понять, в каком тоне с ней разговаривать. То грубит тебе, а то ведет себя как шаловливая девчонка!

– А почему бы вам не сказать мне правду?

Фрер нахмурил брови:

– Что вы имеете в виду?

– Вы ведь уже поставили этому человеку точный диагноз.

– Откуда вы знаете?

– Охотничий инстинкт.

Он расхохотался:

– Ваша взяла. Идемте со мной.

\* \* \*

Архив располагался за шесть корпусов от отделения Анри Эя. Они шагали через залитый солнцем больничный двор. На улице подморозило. Серого цвета дорожки. Здания с выпуклыми кровлями. Пальмы. День был воскресный, и, несмотря на холод, им без конца встречались прогуливающиеся группки – несколько человек, тесной

стайкой окружавшие одного, по поведению которого можно было сразу догадаться, что именно его и пришли навестить родственники. Попадались и одиночки. Пожилая женщина, баюкавшая куклу, которой ей служила бутылка из-под минеральной воды. Молодой парень, державший в когтистых пальцах сигарету и что-то громко доказывавший самому себе. Старик, молившийся под деревом, оглаживая ладонями бороду.

– На что только тут у вас не насмотришься...

Капитан не притворялась, что не обращает внимания на чудачества пациентов, и ему это понравилось. Обычно посетители считали своим долгом корчить здесь постную мину. Наверное, чтобы спрятать за ней собственный страх и неловкость. Анаис тоже боялась, но предпочитала встречать опасность лицом к лицу.

– У вас бывают побеги больных?

– Сейчас принято называть их клиентами.

– Как в такси?

– Примерно, – улыбнулся он. – Только отсюда далеко не уедешь.

– Так бывают у вас побеги или нет?

– Никогда. Специализированные клиники действуют по обратному принципу.

– Не врубаюсь.

Фрер указал ей на следующую тропинку, и они пошли дальше. Солнце уже поднялось высоко, заливая все вокруг ярким светом, гнавшим прочь черные мысли.

– На протяжении последних пятидесяти с лишним лет мировая психиатрия работает под лозунгом открытых дверей. Благодаря нейрорептикам большинство пациентов получили возможность стать почти такими же, как все остальные люди. Во всяком случае, они могут вернуться в семью или жить отдельно под присмотром лечащего врача. Но многие из них предпочитают не покидать клиники, потому что здесь они чувствуют себя в безопасности. Они боятся внешнего мира.

– Те, кто остается, неизлечимы?

– Да. Хроники.

– И никакой надежды на исцеление?

– В психиатрии этот термин не в ходу. Иногда, скажем так, в состоянии человека, например шизофреника, наступает некоторое улучшение. Остальным необходимо постоянно принимать лекарства. За ними надо наблюдать, корректировать дозировку, не допуская резких отклонений...

– Короче, накачивать наркотиками.

Они дошли до архива. Кирпичное строение с трубой на крыше, в котором с тем же успехом мог располагаться паровой котел или храниться садовый инвентарь. Фрер поискал ключи. Беседа его развлекала.

– Почти все смотрят на наши методы лечения косо. Вроде как мы надеваем на пациентов химическую смирительную рубашку. Но самим-то пациентам это приносит облегчение. Если вы живете с убеждением, что крысы грызут вам мозг или что с вами днем и ночью говорят какие-то голоса, поверьте мне, некоторая вялость вовсе не так страшна.

Он отпер дверь. Сунул руку внутрь, нащупывая выключатель. Его охватил азарт – воскресенье, стоящий на отшибе домишко, обворожительная сыщица рядом... Он чувствовал себя мальчишкой, с гордостью демонстрирующим подружке свой заветный шалаш в глубине сада.

Анаис Шатле молча озирала убранство помещения. Заведующая архивом на протяжении долгих лет вела подпольную войну против ДСП, ламп дневного света и ковровых покрытий. И постепенно перетасила сюда всю больничную мебель из настоящего дерева – книжные и картотечные шкафы, полки и так далее. Поэтому здесь царил теплая, почти домашняя атмосфера, располагающая к медитации и насыщенная ароматами строгой чистоты.

– Подождите меня здесь.

Они стояли в читальном зале, среди школьных парт и стульев в стиле Жана Пруве. Фрер прошел непосредственно в библиотеку:

длинные ряды полок, плотно заставленных специальной литературой, монографиями, вручную переплетенными томами диссертаций, медицинскими журналами за последнюю сотню лет. Матиас точно знал, где искать нужные ему книги.

Вернувшись в читальню, он застал Анаис сидящей за одним из столов и восхитился открывшейся его взору картиной. Фигурка затянутой в джинсы и кожу мотоциклистки резко контрастировала с мягким уютом комнаты. Фрер подвинул себе стул и устроился напротив Анаис, выложив перед ней отобранную литературу.

– Я думаю, что у Мишелля – или у человека, выдающего себя за Мишелля, – ярко выраженная реакция бегства.

Анаис широко распахнула свои темные глаза.

– Поначалу я решил было, что мы имеем дело с синдромом ретроградной амнезии. Это классический случай потери памяти, то есть личной, персональной памяти пациента. Уже на следующий день после поступления к нему начали возвращаться воспоминания. Прошое вроде бы постепенно всплывало на поверхность. Но на самом деле происходило нечто прямо противоположное.

– Как это?

– Наш ковбой не вспоминает, а выдумывает. Создает себе новую личность. Мы называем это явление психотическим, или диссоциативным, бегством. В психиатрическом жаргоне есть и еще один термин – синдром пассажира без багажа. Это чрезвычайно редкая патология, хотя она известна науке с девятнадцатого века.

– Объясните, пожалуйста.

Фрер взял первую из принесенных книг, перелистал ее – книга была на английском – и открыл на нужной главе. Перевернул том, чтобы Анаис могла прочесть ее название: «The personality labyrinth»<sup>[1]</sup>. Автор – некий Макфилд из Университета Шарлотт, штат Северная Каролина.

– Иногда случается, что человек, перенесший сильнейший стресс или переживший шок, сворачивает за угол улицы и вдруг теряет память. Впоследствии ему начинает казаться, что он что-то такое

вспоминает, но в действительности он создает себе новую личность и сочиняет новое прошлое, лишь бы не возвращаться мыслями к тому, что с ним произошло в реальности. Это своего рода бегство, но как бы бегство внутрь себя.

– А такой человек сознает, что он занимается самообманом?

– Нет, не сознает. Мишель, например, искренне верит, что он вспоминает подробности своей жизни. Хотя он просто-напросто меняет кожу.

Анаис задумчиво листала книгу, не читая. Она *размышляла*. Матиас наблюдал за ней. Что-то подсказывало ему: ей не понаслышке известно, что такое психологические расстройства. Вдруг она подняла на него глаза, и Фрер от неожиданности вздрогнул.

– Как давно наука изучает подобные случаи?

– Первые случаи психогенной реакции бегства были отмечены в девятнадцатом веке в США. Как правило, причиной служили невыносимые условия жизни: долги, семейные раздоры, кошмарная работа. Беглец выходит на минутку в магазин и больше не возвращается домой. По пути он все забывает. А когда вспоминает, выясняется, что он – совершенно другой человек.

Фрер взял другую книгу и снова открыл ее перед сыщицей на нужной странице:

– Самую широкую известность получил случай Ансея Борна, евангелического проповедника, который перебрался в Пенсильванию и под именем А. Дж. Браун открыл писчебумажную лавочку.

– Борна? Как Джейсон Борн?

– Роберт Ладлем взял его имя для своего персонажа, страдающего амнезией. В Америке оно стало своего рода нарицательным.

– А это не то же самое, что так называемый синдром множественной личности?

– Нет. У тех, кто страдает этим синдромом, внутри сосуществует сразу несколько личностей. Но в случае, о котором я говорю,



происходит обратное: человек как бы стирает свою предыдущую личность и превращается в другого. Никакого сосуществования не наблюдается.

Анаис рассеянно проглядывала статьи, посвященные феномену, даже не пытаясь читать текст. Ее больше устраивали живые объяснения доктора.

– И вы полагаете, что именно это и произошло с Мишеллем?

– Я в этом убежден.

– Почему?

– Во-первых, все его воспоминания ложны. Это вы и сами легко проверите. Во-вторых, в них чувствуется искусственность. Они сляпаны на скорую руку, но, разумеется, подсознательно.

– Например?

Матиас поднялся и прошел за массивную дубовую стойку, служившую заведующей штаб-квартирой. В одном из ящиков он нашел то, что искал, и выложил на парту перед Анаис коробку с игрой «Эрудит».

– Наш незнакомец утверждает, что его зовут Мишель.

Он выложил с помощью пластмассовых фишек с буквами имя МИШЕЛЛЬ.

– Довольно часто имя, подсказанное подсознанием, представляет собой анаграмму другого имени.

Он перемешал фишки и сложил из них другое имя: ШЛЕМИЛЬ.

– И что все это значит?

– Вы никогда не слышали о Петере Шлемиле?

– Нет, – буркнула она.

– Это герой романа девятнадцатого века, написанного Адельбертом фон Шамиссо. Человек, потерявший свою тень. Очевидно, наш пациент, создавая себе новую личность, вспомнил об этой книге.

– А как это связано с ним?

– Возможно, под потерей тени подразумевается утрата своей прошлой личности. С тех пор как Мишель поступил к нам, ему

снится один и тот же сон. Он идет под палящим солнцем по безлюдной деревне. Вдруг происходит бесшумный взрыв ослепительно-белого света. Он убегает, но его тень остается на стене дома. Мишель оставляет за собой своего двойника.

Сейчас, когда он излагал свою версию офицеру судебной полиции, она казалась ему еще более обоснованной. Наверняка сон Мишеля представлял собой символический образ его бегства.

– Вернемся к моему делу, – сказала Анаис и поднялась. Она так и не сняла своей кожаной куртки. – Кризис мог быть вызван шоком, верно? Чем-то, что он увидел?

– Убийство или труп? – улыбнулся Фрер. – Вы рассуждаете вполне логично. Да, такая вероятность существует.

Анаис подошла к парте, за которой сидел Матиас. Соотношение сил вернулось к первоначальному раскладу.

– Каковы шансы, что к нему вернется подлинная память?

– В настоящий момент минимальные. Мне необходимо установить, кто он такой на самом деле, после чего я шаг за шагом попытаюсь вернуть его самому себе. Только тогда он что-нибудь вспомнит.

Девушка отступила на шаг и замерла в решительной позе:

– Мы займемся этим вместе. Что конкретно можно извлечь из тех сведений, которые он вам сообщил?

– Немного. Он строит свою новую личность из элементов старой. Но все эти элементы искажены, затемнены, иногда вывернуты наизнанку.

– Я могу получить ваши записи?

– Об этом не может быть и речи.

Фрер тоже встал и слегка поклонился ей, стараясь смягчить категоричность отказа:

– Мне очень жаль, но это правда невозможно. Медицинская тайна.

– У нас на руках убийство, – с неожиданной властью в голосе сказала она. – Я могу вызвать вас для дачи показаний как свидетеля.

Он обошел парту и встал лицом к лицу с Анаис. Фрер был выше ее на голову, но на девушку это, похоже, не произвело ровным счетом никакого впечатления.

– Разумеется, вы можете меня вызвать. Но прежде вам необходимо получить разрешение совета профессиональной медицинской ассоциации. Которая этого разрешения не даст. И вам это известно не хуже, чем мне.

– Зря вы так, – упрекнула она его и снова принялась мерить шагами комнату. – Мы могли бы объединить наши усилия. Ведь оба дела связаны между собой, это несомненно. Разве вы не заинтересованы в том, чтобы узнать всю правду?

– До известного предела. Я хочу вылечить своего пациента, а не законопатить его в каталажку.

– Все равно у вас ничего не выйдет. Не забывайте, что он – мой главный подозреваемый.

– Это что, угроза?

Она приблизилась к нему, ни слова не говоря и не вынимая рук из карманов. Сейчас она вела себя точно так же, как в начале их встречи. Готовая схлестнуться с целым миром. Он тоже сунул руки в карманы. Кожаная куртка против белого халата.

Молчание затягивалось. И тут ему вдруг надоела эта глупая игра.

– Мы закончили?

– Не совсем.

– Что еще?

– Я хочу посмотреть на вашего зверя.

\* \* \*

Часом позже Анаис, вернувшись на парковку возле больницы Пьера Жане, просматривала сообщения на мобильном. Ле-Коз звонил трижды. Она быстро набрала его номер.

– Мы установили личность клиента.

– Имя?

– Дюрюи. Филипп. Двадцать два года. Безработный. Без определенного места жительства. Доходяга.

Она схватила блокнот и быстро записала услышанное.

– Сведения точные?

– Абсолютно. С дилерами у меня вышел облом, но потом я опросил четверых аптекарей и в конце концов вышел на некую Сильви Жантий, адрес: Таланс, улица Камий-Пеллетан, дом семьдесят четыре. У нее аптека на площади Победы.

– Знаю, где это. Давай дальше.

– Отправил ей фотографию на мобильник. И она сразу опознала парня, несмотря на швы и шишки. Последние три месяца он регулярно наведывался к ней за месячным запасом субutexa.

– Браво.

– Это еще не все. Я позвонил Джафару Нищие с бульвара Виктора Гюго тоже его опознали. Правда, они знали его под кличкой Фифи, но это точно тот же самый парень. Гот. То появлялся, то исчезал. Мог по несколько недель пропадать неизвестно где. По их словам, в последнее время он жил в сквоте неподалеку от улицы Виноградников.

Она отперла дверцу автомобиля и скользнула в салон.

– Когда его видели в последний раз?

– Аптекарьша – три недели назад. Нищие – пару-тройку дней. И никто не знает, чем он занимался накануне того дня, когда его убили.

– А дружки у него были? Кто-нибудь, кто мог бы рассказать о нем побольше?

– Нет. Дюрюи был одиночкой. Если он не показывался на глаза, никто не знал, где он и что делает.

– Собаки у него не было?

– Была. Здоровенная псина. Она тоже пропала. Наверное, убийца и ее прикончил.

– Проверь все-таки в собачьих питомниках.

Анаис подумала о камерах наблюдения. Надо расширить поле обзора. Прочесать мелким гребнем весь город. На одной из пленок обязательно возникнет Филипп Дюрюи. Может, даже в компании с дилером-убийцей? Н-да, мечтать не вредно.

– А его барахло?

– Закопано где-нибудь. Вместе с собакой.

Она еще раз мысленно представила себе сцену убийства. Попыталась в деталях воспроизвести все, что произошло. Убийца не входил в число бомжей, он и знаком-то с Дюрюи не был. Вычислил будущую жертву за несколько дней до преступления. Втерся к нему в доверие. Что-то посулил. Он знал, что гот сидит на героине. Знал и то, что тот ведет одинокий образ жизни – тем легче втихаря его убрать. И про собаку знал – и разработал план, как избавиться от пса.

*Детали.* Пятница 12 февраля. Скажем, восемь вечера. На Бордо опускается вечер. Темень и туман. Возможно, убийца выбрал этот день из-за тумана. Или заранее назначил день для убийства, а ненастная погода явилась для него просто дополнительным бонусом. Он знал, где искать Филиппа Дюрюи. Предложил ему дозу, посулив офигенный приход, и увел в укромное местечко, где все уже было наготове. В том числе инструмент, необходимый для быстрого уничтожения следов. Собаки, рюкзака, одежды. Чрезвычайно организованный преступник. С железными нервами. *Профи в своей области.*

– Ты записал фамилию лечащего врача? – задала она следующий вопрос.

– Блин, забыл! Слишком обрадовался, что удалось...

– Ладно, брось. Вышли мне эсэмэской номер телефона аптеки. Я сама узнаю.

– А мне теперь что делать?

– Теперь, когда тебе известно, кто убитый, ты выяснишь, чем занимался Дюрюи в Бордо. И в других местах.

– Ни фиги себе заданьице! Да эти козлы...

Анаис поняла его с полуслова. Бомжи являют собой последний оплот свободы в современном обществе. У них нет ни кредитных карт, ни чековых книжек. Ни машины, ни мобильного. В мире, где можно проследить за каждым звонком, за каждой покупкой, за каждым движением человека, они – единственные, кто не оставляет следов.

– Но он же наркоман! Попробуй обратиться в НАСУЛН.

В Национальную автоматизированную систему учета лиц, уличенных в употреблении наркотических веществ, стекалась информация обо всех арестах, связанных с наркотиками, произведенных на территории Франции. Аббревиатура не поддавалась корректной расшифровке, но Анаис давно махнула рукой на логику именования полицейских подразделений.

– Отпечатки пальцев ничего не дали, – доложил Ле-Коз.

– Это доказывает только то, что технология и точные науки – разные вещи. Я уверена, что Дюрюи уже задерживали. Проверь еще раз. В том числе по картотеке ассоциаций социальной помощи. Наверняка его хоть раз, да госпитализировали. Из-за наркомании и прочего. Может, он получал социальное пособие? Короче говоря, проведи полное расследование.

– А что насчет дилеров?

Анаис не верила в этот след. Торговцы дурью ничего не скажут. Впрочем, белым героином убийцу снабдили не они. *У него был собственный источник.*

– Забудь о дилерах. Сосредоточься на административных аспектах. Кроме того, мне необходим подробный отчет о физическом состоянии Дюрюи. Позвони Джафару. Пусть потрясет социальные сети. Ночлежки. Ассоциации. Пусть еще раз пройдет по сквотам и местам тусовки бомжей. И еще. Свяжись с Конантом. Пусть продолжает отсматривать видеозаписи. Мы обязаны найти на пленках Дюрюи. И мне нужен поминутный график его передвижений в последние дни перед смертью. Это – самое главное.

Анаис нажала отбой и тронула машину с места. Ей хотелось поскорее покинуть окрестности психушки, пропитанные атмосферой заточения и безумия. За несколько минут она добралась до университетского городка, расположенного неподалеку от квартала Таланс. Опять парковка. Опять остановка. Она проверила эсэмэски. Ле-Коз прислал номер телефона аптекарши. Анаис немедленно его набрала. У Сильви Жантий не оказалось под руками журнала регистрации – в это воскресенье она не работала, – но она вспомнила имя врача, выписывавшего Филиппу Дюрюи рецепты. Давид Тио. Участковый терапевт.

Еще один звонок. Трубку сняла жена доктора. Тио, как и каждое воскресенье, играл в гольф в Леже. Анаис знала, где это. Включив зажигание, она направилась в Кейшак. Именно там располагалось поле для гольфа.

По дороге она размышляла о потерявшем память мужчине, которого Фрер ей показал. Ни к какому определенному мнению на его счет она так и не пришла. Внешне мужчина производил впечатление силача. Но в остальном он явно напоминал юродивого. Из тех, что мухи не обидят. Впрочем, ей как раз за то и платили, чтобы она не доверяла смутным ощущениям. Одно ей было ясно: великан не имеет никакого отношения к группировкам организованной преступности и не является воротилой наркобизнеса.

Половина третьего. Анаис катила по шоссе на Медок. Теперь она вспоминала свою встречу с психиатром. *Вкусное на третье.*

Матиас Фрер представлял собой типичный образец мрачного красавца. Черты лица правильные, но мимика! Мимика выдавала в нем внутреннее беспокойство. Темные до черноты глаза, надежно хранящие все секреты своего обладателя. Еще более черная волнистая шевелюра. Прямо-таки романтический герой, дьявол его побери! Одежда... К одежде очевидно равнодушен. Халат весь мятый, как будто он в нем спал. Но, как ни странно, это только добавляло ему сексапильности...

*Успокойся, Анаис!* Ей уже случалось смешивать в одну кучу работу и чувства, и ни к чему хорошему это не привело. В любом случае позиция, занятая психиатром, ее совершенно не устраивала. Он будет до последнего защищать интересы своего подопечного, наплевав на ее расследование. И уж точно не бросится к телефону, стоит ему узнать что-нибудь новое...

А вот и щит с указателем поля для гольфа в Леже. Если честно, она радовалась возможности работать в воскресенье. По меньшей мере, не придется кинуться на диване, слушая «Wild horses»<sup>[8]</sup> в исполнении «Роллинг стоунз» или «Perfect day»<sup>[9]</sup> Лу Рида. Работа – вот последняя надежда всех потерпевших крушение в личной жизни.

\* \* \*

Поле для гольфа начиналось сразу за рядом длинных деревянных строений пепельного цвета, архитектурой напоминавших постройки Багамских островов, – обшитых вагонкой из лиственницы, с кровлей из виргинского можжевельника. Зеленеющие ложбины обступали их серые стены с обеих сторон неким дополнением к обязательной программе.

Анаис завела машину на парковку, втиснувшись между внедорожниками «порше-кайеннами» и «астон-мартинами». Выбираясь наружу, она больше всего хотела плюнуть на какой-



нибудь сияющий капот, а то и вовсе расколотить парочку зеркал заднего вида. Она ненавидела гольф. Ненавидела буржуазию. Ненавидела Бордо. Ненавидела до такой степени, что возникал закономерный вопрос: зачем она сюда вернулась? Впрочем, ненависть тоже нуждается в подпитке. Ее надо кормить, как кормят хищника. Лично ей эта негативная энергия помогала выстоять в трудные периоды жизни.

Она пешком дошла до «Клаб-хауса». И, уже переступая порог, вдруг представила себе, что вот сейчас столкнется нос к носу с отцом. Она все время боялась, что рано или поздно это случится. Лишняя причина держаться подальше от этого города.

Она окинула быстрым взглядом гостиные, заглянула в бутик, торговавший спортивным инвентарем. Ни одного знакомого лица. Оказываясь в местах, подобных этому, где собирались так называемые сливки общества, она со страхом ждала, что кто-нибудь признает в ней дочь Шатле. Связанный с этим именем скандал, прогремевший в высших кругах Бордо, не забылся до сих пор.

Она прошла в бар. Странно, но пока никто не попросил ее, явившуюся в джинсах и подкованных металлом сапогах, покинуть помещение. Любители гольфа, в основном мужчины, сгрудились вокруг полированной барной стойки. Все, как один, были одеты в приличествующие месту костюмы. Брюки в клетку. Обтягивающие вязаные свитера поло. Ботинки, подбитые гвоздями. Марки напропалую соперничали между собой – «Ральф Лорен», «Гермес», «Луи Вуитон»...

Анаис окликнула бармена, незаметно показала ему удостоверение и объяснила, что ей нужно. Бармен подозвал старшего над мальчиками, подающими клюшки. Если верить прикрепленному на груди беджику, его звали Николая. Да, доктор Давид Тио сейчас на поле. И Николая повел Анаис за собой. Они уже собирались сесть в мини-кар, но тут их остановили: врач только что вошел в раздевалку. Анаис снова последовала за своим провожатым.

– Вот, это здесь, – сказал Николя, когда они добрались до деревянной виллы, выстроенной у подножия холма. – Но женщинам туда вход запрещен.

– Проводите меня.

Они проникли в мужскую цитадель. Их окружили шум воды из-под душа, гомон голосов, запахи пота, перемешанные с ароматами духов. Некоторые мужчины одевались перед своими шкафчиками с деревянными дверцами. Другие выходили из душевой, мокрые и голые. Третьи причесывались или натирали тело увлажняющим кремом.

У Анаис возникло ощущение, что она в буквальном смысле слова вторглась в святая святых мужского всемогущества. Здесь говорили о деньгах, власти, политике и спортивных победах. Ну и, разумеется, о сексе. Каждый отчитывался в своих подвигах в постели и бахвалился любовницами – так же, как горделиво сообщал, сколько очков набрал на зеленом поле. Пока что на Анаис никто не обращал ни малейшего внимания.

– Который тут Тио? – спросила она Николя.

Парень указал на мужчину, застегивавшего ремень. Крупный, высокий, судя по седине на висках – лет пятидесяти. Анаис приблизилась, и ее снова охватило беспокойство. Мужчина отчетливо напоминал ее отца. То же загорелое широкое и величественное лицо. То же выражение на нем – собственника, предпочитающего ступать по *своей* земле.

– Доктор Тио?

Мужчина улыбнулся Анаис. Дискомфорт, который она ощущала, только усилился. На нее смотрели те же льдистые глаза, что у отца. Глаза, прикидывающиеся прозрачными, чтобы утопить тебя в своей глубине.

– Это я.

– Анаис Шатле. Капитан судебной полиции Бордо. Я хотела бы поговорить с вами о Филиппе Дюрюи.

– А, Филипп! Понимаю...

Он поставил ногу на скамейку и принялся завязывать шнурок. Творившаяся вокруг суета его словно не касалась. Анаис выждала несколько секунд.

Доктор перешел ко второму ботинку:

- У него что, неприятности?
- Он умер.
- Передоз?
- Именно.

Тио выпрямился и медленно, с видом фаталиста, покачал головой.

- Кажется, новость вас не слишком удивила.
- Зная, что он вкалывал себе в вены, удивляться не приходится.
- Вы выписывали ему субutex. Он что, пытался соскочить?
- У него были периоды улучшения и ухудшения. Когда он был у меня в последний раз, мы дошли до четырех миллиграммов препарата. Выглядел он совсем неплохо, но особых надежд я не питал. И вот доказательство...

Врач натянул пальто из плотной шерсти.

- Когда вы видели Филиппа в последний раз?
- Мне надо посмотреть свои записи. Примерно две недели назад.
- Что вам о нем известно?
- Не много. Раз в месяц он приходил на прием в диспансер. Собаку оставлял на улице. О себе особо не распространялся.
- Как в диспансер? Разве вы принимали его не у себя в кабинете?

Он застегнул деревянные пуговицы и задернул молнию спортивной сумки.

– Нет. По четвергам я дежурю в квартале Сен-Мишель. В МПЦ. Это медико-психологический центр.

У Анаис и так плохо укладывалось в голове, как этот лощеный буржуа соглашался впустить к себе в кабинет такого грязного побирушку, как Филипп Дюрюи. Но вообразить, что доктор Тио ведет в обшарпанном помещении диспансера прием местных отбросов общества, – нет, это было выше ее сил.

Он как будто прочитал ее мысли:

– Вас удивляет, что такой врач, как я, соглашается на дежурства в диспансере. Можете считать, что я делаю это для очистки совести.

Он произнес это с нескрываемой иронией в голосе. Анаис почувствовала, как в ней поднимается волна раздражения. Царящий в раздевалке гомон мешал ей собраться с мыслями. Звуки, издаваемые этим стадом торжествующих самцов, счастливых, что они вместе, что могут смаковать сознание своей силы и богатства, так и лезли в уши.

Тио меж тем продолжил:

– Для вас, полицейских, да и вообще для всех левых, мы являемся источником всех зол. Что бы мы ни делали, мы всегда не правы. Ибо нами движет исключительно корысть или буржуазное лицемерие.

Он направился к выходу, на прощание помахав рукой кое-кому из спортсменов. Анаис догнала его:

– Филипп Дюрюи когда-нибудь рассказывал вам о своих родных?

– Не думаю, чтобы у него была родня. Мне он, во всяком случае, ничего такого не говорил.

– А друзья?

– И друзей не было. Он же был бродяга. Одиночка. И культивировал этот свой имидж. Молчаливого, замкнутого парня. Колесил по стране. Интересовался двумя вещами – музыкой и наркотой.

Тио вышел за порог. Анаис – за ним следом. В четыре пополудни на улице уже начало смеркаться. Шум мужских голосов остался за спиной, но тут вдруг у нее над ухом оглушительно каркнула ворона. Анаис вздрогнула и поплотнее запахнула куртку.

– Но он все-таки считал своим домом Бордо?

– Дом – это слишком громко сказано. Просто раз в месяц он наносил мне визит. Значит, в это время был в городе.

Врач дошел до стоянки и достал связку ключей. Анаис все было ясно без слов: он не намерен точить с ней лясы до бесконечности.

Она сделала еще одну попытку:

– Он рассказывал вам о своем прошлом? О том, откуда он родом?

– Вы плохо представляете себе, на что похоже общение врача диспансера и наркомана наподобие Дюрюи. Здравствуйте – до свидания, и все. Я осматриваю его, выписываю рецепт, и парень исчезает. Я ведь не психоаналитик.

– Он посещал психоаналитика в МПЦ?

– Не думаю. Филипп никого не просил о помощи. Он вполне сознательно выбрал улицу. И жил так, как ему нравилось.

– Если не считать наркомании, у него были проблемы со здоровьем?

– Несколько лет назад он заразился гепатитом С. Но не принимал никаких лекарств, не соблюдал диеты. Чистое самоубийство.

– Вам известно, каким путем он подсел на героин?

– Полагаю, по классической схеме. Сначала травка. Для тех, ходит на рейвы, это обычное дело. Потом экстази. Но если в воскресенье утром вы вколете себе первую дозу героина, чтобы снять ломку после экстази, то в понедельник проснетесь законченным наркоманом. Все как у всех.

Врач остановился возле черного «мерседеса» класса S. В этот миг – в первый раз – в его облике проступила усталость. Всего на несколько секунд, но он утратил самоконтроль. Застыл перед машиной с ключами в руке. Но уже в следующее мгновение снова расправил плечи и решительно надавил на кнопку брелока.

– Я не понимаю, к чему все эти вопросы. Если Филипп умер от передозировки, почему его смертью интересуется судебная полиция?

– Дюрюи действительно умер от передоза, только это было убийство. Кто-то ввел ему в вену смертельную дозу героина. Чрезвычайно чистого героина. А потом ему раздробили лицо, нахлобучив на шею голову быка.

Тио только что открыл багажник. Анаис увидела, как он побледнел, и испытала удовлетворение. Вся докторская самоуверенность таяла на глазах.

– Что это было? Серийное убийство?

В наши дни это словосочетание у каждого на слуху. Как будто речь идет о хорошо известном социальном феномене. Так сказать, нечто среднее между безработицей и профессиональным самоубийством.

– Если это серия, то она только что началась. Он рассказывал вам про своих дилеров?

Врач забросил сумку в багажник и резким движением захлопнул его.

– Никогда.

– Когда вы видели его в последний раз, не говорил ли он, что у него появился новый дилер? Поставляющий героин высшего качества?

– Нет. Напротив, он казался как никогда полным решимости соскочить с иглы.

– После этого вы с ним виделись? В другой обстановке?

Тио открыл дверцу машины.

– Нет, ни разу.

– Мы проверим, – пообещала она, засовывая руки в карманы.

И сейчас же пожалела о своих словах. Так мог говорить только полицейский. Дерьмовый полицейский. Врача не в чем подозревать. Своей фразой она хотела только припугнуть его. Каждому полицейскому известно это искушение властью.

Врач облокотился о дверцу машины.

– Вы делаете все, мадемуазель, чтобы вызвать во мне антипатию, но, несмотря на это, вы мне симпатичны. Вы – девочка, сердитая на весь мир. Как и все те, кого я раз в неделю принимаю в диспансере.

Анаис скрестила руки на груди. Сострадательный тон доктора понравился ей еще меньше надменного.

– Открою вам один секрет, – продолжил он, наклоняясь к ней. – Знаете, почему я дежурю в диспансере, хотя ко мне в кабинет стоит очередь из самой обеспеченной публики Бордо?

Анаис не двигалась с места, лишь притопывала одной ногой и молча кусала губы. Действительно, маленький злобный зверек.

– Мой сын умер от передоза в семнадцать лет. А я ни о чем даже не подозревал. Если бы мне сказали, что он курит травку я рассмеялся бы тому человеку в лицо. Как по-вашему это достаточное основание? Я не в силах ничего вернуть или исправить. Но я могу помочь нескольким соплякам, когда им очень плохо. И это лучше, чем ничего.

Хлопнула дверца. Анаис смотрела, как «мерседес» скрывается за деревьями и тает в сумерках. Ей вдруг вспомнился скетч Колюша о полицейских. Его голос, произносящий: «Да, я знаю, я немного похож на придурка». Можно подумать, он говорил это лично ей.

\* \* \*

21.00.

Дежурство наконец-то закончилось. Матиас Фрер возвращался домой, размышляя о мужчине в стетсоновской шляпе и о Минотавре. После ухода Анаис Шатле он без конца прокручивал в голове оба этих дела, пытаясь понять, есть ли между ними связь. Весь день, принимая больных, он мысленно задавал себе этот вопрос. Какое отношение имеет Мишель к убийству? Что именно он видел? Фрер уже сожалел, что не принял предложение женщины-полицейского о сотрудничестве. Он совершенно не представлял, что еще предпринять, чтобы пробудить память ковбоя.

Его осенило в тот самый миг, когда он поворачивал ключ в замке своего домика. А что, если сблефовать? Он зажег свет в гостиной и подключился к Интернету. И буквально через минуту – кто бы мог подумать, что это так просто? – нашел координаты ближайшей к Бордо полицейской криминалистической лаборатории № 31, расположенной в Тулузе. Если по делу беспамятного работала группа из этой лаборатории, если именно ее сотрудники брали образцы с рук Мишелля, скорее всего, они же занимались и делом Минотавра.

Оставалось им позвонить.

Трубку снял дежурный. Фрер представился психиатром, привлеченным в качестве эксперта к расследованию убийства на вокзале Сен-Жан. Мужчина на том конце провода про него уже слышал – еще утром они получили дополнительные материалы для проведения анализов.

Догадка Фрера подтвердилась. И с незнакомцем, обнаруженным на путях в ночь на 13 февраля, и с трупом, найденным сутки спустя, работали одни и те же специалисты. Помогло простое совпадение: группа уже находилась в Бордо, вызванная в город по совсем другому поводу.

– Вы не могли бы дать мне номер мобильного руководителя группы?

– В смысле, координатора?

– Да-да, именно координатора.

– Вообще-то это нарушение всех правил. Запрос должен исходить от офицера судебной полиции, возглавляющего расследование.

– Вы имеете в виду Анаис Шатле? Но как раз она-то и попросила меня вам позвонить.

Имя капитана сработало как пароль. Продиктовав номер, мужчина добавил:

– Координатора зовут Абдулатиф Димун. Он еще у вас, в Бордо. Привлек к сотрудничеству частную лабораторию и хочет дожидаться результатов.

Фрер поблагодарил дежурного, повесил трубку и тут же набрал новые восемь цифр.

– Алло?

Психиатр повторил свою байку насчет эксперта-психиатра. Но человек по имени Абдулатиф Димун на свет появился явно не вчера.

– Я сообщу результаты лично капитану, возглавляющему расследование. Копию отправлю следственному судье, как только он будет назначен.



– Мой пациент страдает амнезией, – попытался переубедить его Фрер. – Я стараюсь вернуть ему память. Любая деталь, любой намек могут оказать мне неоценимую помощь.

– Понимаю вас. Но вам следует обратиться к Анаис Шатле.

Фрер притворился глухим:

– В отчете сказано, что вы обнаружили у него на руках следы пыли...

– Старина, не будьте таким упертым. Завтра утром Шатле получит мой отчет. Свяжитесь с ней.

– Мне хотелось выиграть время. Завтра утром я провожу с пациентом сеанс гипноза. Дайте мне хотя бы намек! Иначе я потеряю целый день.

Димун молчал. Колебался. Бумажная волокита всех достала. Фрер поспешил развить успех:

– Скажите хотя бы основное. По словам моего пациента, к которому начинают возвращаться кое-какие воспоминания, частицы под ногтями могут быть кирпичной пылью.

– Ничего подобного.

– А что же это?

– Разновидность фитопланктона.

– Как вы сказали?

– Морской планктон. Микроорганизм, обитающий в прибрежных водах Атлантического океана на юге Франции. Главным образом в Стране Басков.

Фрер подумал о выдумках Мишелля по поводу Оданжа, Кап-Ферра и несуществующей деревни Марсак близ Птичьего острова. Искажения и деформации, за которыми скрывается подлинное место его рождения – *Страна Басков*.

– Вы определили, что это за планктон?

– Пришлось обратиться в Институт океанологических исследований и Отдел по защите экологии побережья. Планктон входит в семейство *Mesodinium haum*, то есть диножгутиконосцев. Если верить людям, с которыми мы разговаривали, это редкий вид

фитопланктона, принадлежащий подводной флоре Баскского карниза.

Матиас быстро записал услышанное в блокнот и тут же – куй железо, пока горячо! – спросил:

– А еще что-нибудь нашли?

Его собеседник еще немного поколебался, но затем все-таки сказал:

– Полицию наверняка заинтересует тот факт, что тот же самый вид планктона обнаружили в еще одном месте.

– Где?

– На месте преступления. На дне ремонтной ямы. Мы установили соответствие между образцами, взятыми с рук вашего пациента, и образцами из ямы.

Фрер молчал, пытаясь переварить новость. Анаис Шатле была права: ковбой видел труп. А может, и кое-что еще...

– Спасибо, – поблагодарил он. – Я пока воздержусь от использования этих сведений при проведении сеанса гипноза. Уголовное расследование – дело полиции.

– Разумеется, – одобрительно отозвался Димун. – Удачи вам.

Матиас повесил трубку. Чуть дрожащей рукой записал последние полученные от специалиста данные. Морской планктон указывал на Страну Басков. Возможно, на профессию, связанную с морем. Он до сих пор хранил убежденность, что Мишель занят ручным трудом и работает на открытом воздухе. Рыбак? Он несколько раз подчеркнул это слово.

Но одновременно планктон напрямую связывал Мишеля с трупом. Фрер отложил ручку. Его охватило предчувствие, что эта связь станет веревкой, затянутой на шее его пациента...

Вместе с тем весь его врачебный опыт, вся его интуиция убеждали в обратном: ковбой невиновен. Возможно, он застал убийцу на месте преступления. Возможно, даже вступил с ним в схватку, вооруженный разводным ключом и телефонным справочником. И кровь на этих предметах вполне могла оказаться кровью убийцы...

Эта мысль подтолкнула его к другой, и Фрер двинулся на кухню. Не зажигая света, он подошел к окну и взгляделся в пустынную улицу. Людей в черном видно не было.

\* \* \*

– Шато-лезаж – одна из шести зарегистрированных в Медоке марок вина высшего качества, производимого в Листрак-Медоке...

Анаис замерзла. В хранилище, уставленном высокими хромированными резервуарами, похожими на саркофаги, гуляли сквозняки. Хорошо, что она не сняла куртку. Еще она тихо порадовалась, что внешне ничем не выделяется на фоне остальных членов клуба – всякой собравшейся здесь мрази.

– У нашей винодельни давняя история. Сорты винограда, которые мы используем, известны с пятнадцатого века...

Группа медленно двигалась по залу, слушая речь владельца и ловя свои отражения в серебристых боках винных резервуаров. Каждое воскресенье, под вечер, Анаис отправлялась на экскурсию в новую винодельню – она состояла членом клуба дегустаторов, организовавшего посещение различных шато, расположенных в области Бордо.

И каждый раз она задавалась одним и тем же вопросом. Зачем ей это? Что она забыла на этих унылых мероприятиях? Не лучше ли было провести вечер перед телевизором, с тарелкой на коленях, наслаждаясь очередным сериалом? Не говоря уж о том, что она могла бы посвятить это время изучению символики мифа о Минотавре. Или исследованию путей распространения наркоторговли в Европе.

Все эти вопросы остались без ответа. Ровно в восемь вечера, как и каждое воскресенье, она поехала к винограднику. В плане расследования конец дня не принес ничего нового. Джафар частым гребнем прошелся по всем городским бомжатникам –

безрезультатно. Ле-Коз трудился над подробной биографией Филиппа Дюрюи, но надеяться на прорыв на этом направлении в воскресенье нечего было и мечтать. Конант закончил просмотр видеозаписей с камер наблюдения на вокзале – потерпевший не мелькнул ни на одной из них – и приступил к изучению записей, сделанных в кварталах, где обитали бездомные. От Зака вообще не было никаких вестей. Он отправился расследовать «бычий» след и сгинул.

Анаис, в свою очередь, позвонила в Форт Рони. Ей удалось поговорить с сотрудником архива – настоящей ходячей энциклопедией преступного мира. Как он ни старался, но вспомнить об убийстве с мифологической подоплекой не смог. На его памяти ни одна сцена преступления не обставлялась в подобной макабрической эстетике. Ни во Франции, ни в Европе. Анаис коротко переговорила по телефону со своими помощниками и отпустила всех по домам, велев завтра с утра собраться в комиссариате.

На выходе ее перехватил старший комиссар Деверса и задержал на пару слов. Содержание его речи было *claro*<sup>[10]</sup>. Средствам массовой информации – ни гу-гу. Прокуратура назначит следственного судью не раньше чем через шесть дней. До тех пор у Анаис полностью развязаны руки и она может вести расследование по своему усмотрению. Только пусть не теряет бдительности: политические круги Жиронды, депутатский корпус и вообще все, кто имеет в обществе вес, будут следить за каждым ее шагом. Анаис поблагодарила его за доверие и с невозмутимым видом попрощалась, хотя на самом деле из-за стресса желудок у нее уже начинал скручиваться узлом.

– В ноябре мы разливаем вино по бочкам, в которых начинается процесс малолактозной ферментации. В среднем вино выдерживается в бочках от двенадцати до тринадцати месяцев...

На Анаис снова напал озноб. Ей представились ее руки, покрытые шрамами. Ощущение, что они постоянно оголены, выставлены

напоказ, ничем не защищены, не покидало ее никогда. И не существовало на свете такой ткани и такой одежды, которая могла бы победить этот холод. Потому что он шел *изнутри*.

– Мы не стремимся затягивать созревание вин в деревянных бочках. Наша цель – производство гармоничных вин, сочетающих в себе фруктовые ароматы, кислоту и крепость. Это круглые, приятные на вкус вина, дарящие ощущение свежести...

Анаис его больше не слушала. Она ушла в себя. Погрузилась на дно собственной души. Собственной боли. Помимо воли она крепко сжимала руки, а в мозгу назойливо билась одна и та же мысль. *Мне не справиться...* Теперь дрожь передалась и ногам. Она стояла и сотрясалась всем телом. В то же время она чувствовала себя словно окаменевшей. Когда подступал очередной приступ паники, она могла упасть на землю или на ближайшую скамейку и не двигаться несколько часов. На нее накатывало нечто вроде паралича. Ужас обдавал ее своим ледяным дыханием и держал в тесном футляре, не давая вырваться.

– Сегодня мы продегустируем вино две тысячи пятого года, который в Медоке выдался чрезвычайно удачным. В настоящее время можно лишь предполагать, какой ценности достигнут вина урожая этого года в будущем. Откровенно говоря, дегустировать это вино пока преждевременно. Но мы взяли несколько образцов из бочек и...

Группа потянулась к лестнице, ведущей в погреб. Анаис засомневалась, но все-таки решила последовать за остальными. С великим трудом ей удалось спуститься по ступенькам. В подвале пахло плесенью. Ферменты медленно, но верно делали свою работу. Анаис любила вино. К сожалению, вино всегда навевало ей мысли об отце. Именно он научил ее всему, что она знала о виноделии. Научил пробовать и дегустировать вино. Научил его коллекционировать. Когда пелена спала с ее глаз, ей пришлось отречься от всего, что так или иначе касалось ее наставника. Но

вино... Он и так украл у нее все, чем она дорожила. Она не позволит ему украсть еще и любовь к вину.

– Еще раз повторяю, срок дегустации этого вина еще не настал...

Внезапно Анаис развернулась и пошла прочь. Спотыкаясь, поднялась по лестнице. Все так же потирая руки, побежала через зал с резервуарами. На улицу. На воздух. Завыть, чтобы никто не услышал. Она бежала, и ее искаженное, уродливое отражение следовало за ней, перескакивая с одной выпуклой блестящей стенки на другую. Поток нахлынули воспоминания. Неумолимый, как прилив, ужас подступал все ближе, грозя взорвать ее мозг. Как всегда.

Ей срочно надо наружу, под ночное небо.

Площадка перед винодельней пустовала. Замедляя шаг, Анаис миновала винные склады и направилась к виноградникам. Все вокруг казалось синим. Земля и небо окрасились в лунные цвета. Почва под ногами серела, словно посыпанная пеплом, и из нее выступали виноградные лозы.

Вино...

Отец...

Из рта у нее вырывались облачка пара, смешиваясь с поднимавшейся от земли серебристой моросью испарений. Холм полого спускался к эстуарию Жиронда, и Анаис по тропинке пошла вниз. Мелкие камешки скрипели у нее под сапогами. Ветки и подпорки виноградных лоз злобно цеплялись за джинсы, словно не желали ее пропускать.

Вино...

Отец...

Она забрела в самую гущу виноградника и наконец дала волю воспоминаниям. В детстве и юности в ее жизни был всего один человек. Ее отец. Ничего удивительного для девочки, потерявшей мать в восьмилетнем возрасте. Странно было другое – в жизни отца тоже была всего одна женщина. Его дочь. Они образовывали

идеальную платоническую пару. Их отношения строились на взаимопонимании и равноправии.

*Образцовый отец.* Он сам помогал ей делать уроки. Сам встречал ее после занятий в школе верховой езды. Сам возил ее на пляж в Сулак-сюр-Мер. Рассказывал ей о ее матери-чилийке, увядшей в психиатрической клинике, словно цветок в оранжерее. Он всегда был рядом. Она ощущала его присутствие каждую минуту. Он ни разу ее не подвел.

Иногда Анаис испытывала какой-то дискомфорт. Необъяснимый. С ней случались панические атаки. Приступы ужаса накатывали на нее в обществе отца. Как будто ее тело знало нечто такое, что оставалось неведомым ее сознанию. Что именно?

Ответ она получила 22 мая 2002 года.

Он был напечатан на первой странице газеты «Сюд-Уэст».

Статья вышла под заголовком «Палач в наших виноградниках». Автором ее выступил телевизионный журналист, случайно наткнувшийся в Сети на документальный фильм, снятый для канала Арте и посвященный роли французских военных в деятельности южноамериканских диктатур в семидесятых годах. Активисты ультраправых движений, бывшие члены Секретной военной организации, отставные тайные агенты Службы гражданского действия сотрудничали с кровавыми режимами в качестве инструкторов. Нашлись и такие французы, которые принимали непосредственное участие в репрессиях. Так, известный винодел, работавший в Чили, лично командовал эскадронами смерти. Он и не думал прятаться под псевдонимом. Все знали его как уроженца Аквитании Жан-Клода Шатле. Днем – специалист по вину. Ночью – заплечных дел мастер.

После появления статьи телефон в доме звонил не умолкая. Новость распространилась по городу со скоростью пожара. В университете Анаис слышала приглушенный шепот у себя за спиной. На улице прохожие провожали ее глазами. Вскоре документальный фильм показали по каналу Арте. Истина выплеснулась наружу. В

кадрах мелькали фотографии ее отца – он был моложе и выглядел не таким импозантным, каким его знала Анаис. О нем говорили как о «ключевой фигуре в организации пыток в Сантьяго». Свидетели вспоминали его выправку, тронутые сединой волосы и светлые глаза, а главное – хромоту, из-за которой его невозможно было перепутать с кем-то другим. Жан-Клод Шатле с детства припадал на одну ногу – результат неудачного падения с лошади.

Люди, которых он пытал, рассказывали о его мягком голосе и чинимых им зверствах. Он лично рубил им пальцы и вырывал ногти, бил их зарядами электрического тока и делал впрыскивания камфарного масла. В арсенале у Хромого – El Sojo, как его прозвали, – имелся и фирменный прием: списывая в расход очередного заключенного, он запускал ему в горло живую змею. Свидетели противоположной стороны, в основном военные, подтверждали, что Шатле – молодой выученик генерала Осареса, служившего в Аргентине, внес неоценимый вклад в формирование и подготовку отрядов боевиков...

Анаис смотрела фильм в гостях у подруги. От пережитого в тот вечер шока у нее пропал голос. В последующие дни местная пресса опубликовала сразу несколько статей. Отец под их натиском замкнулся в гордом молчании и окропил дом святой водой – он всегда был истово верующим католиком. Анаис в каком-то дурмане сложила свои вещи. Ей исполнился двадцать один год, и от матери, назначившей ее своей единственной наследницей, у нее оставались кое-какие деньги, вырученные от продажи земельной собственности в Чили.

Она сняла двухкомнатную квартиру на центральной торговой улице Фондодеж и больше ни разу не виделась с отцом. Но ее неотступно преследовали слова свидетелей, описывавших Хромого. Его манеру говорить. Его жесты. Его руки.

Те самые руки, которые привычно хватались за *picana*<sup>[11]</sup>. Руки, которые мучили, резали, кололи других людей. Эти руки мыли ее,



когда она была маленькой. Держали ее, провожая в школу. Защищали от всего на свете.

На самом деле она давно предчувствовала нечто подобное. Как будто ее мать, нашедшая спасение в безумии, успела мысленно сообщить ей свою страшную тайну: она вышла замуж за дьявола. И Анаис была дочерью дьявола. Она несла на себе проклятие крови.

Голос к ней постепенно вернулся, как и нормальная жизнь. Учеба на юридическом. Диплом. Высшая государственная школа офицеров полиции. По ее окончании Анаис попросила месяц на раздумье. И уехала в Чили. Она бегло говорила по-испански, не зря в ее венах текла чилийская кровь. Разыскать оставленный отцом след оказалось не так уж сложно. Хромой был в Сантьяго знаменитостью. Месяца ей вполне хватило на полное расследование. Она собрала вещественные доказательства, свидетельства, фотографии. Материала оказалось достаточно, чтобы добиваться экстрадиции отца из Франции в Чили, по меньшей мере – чтобы поддержать иски чилийских беженцев во Франции.

Но она ничего этого не сделала. Не обратилась в суд. Не стала связываться с адвокатами потерпевших. Просто вернулась в Бордо. Арендовала в банке сейф и спрятала в нем собранные документы. Запирая металлическую коробку, она оценила мрачный юмор ситуации: это было ее первое расследование, ее боевое крещение в качестве полицейского. Но она понимала, что проиграла. У нее отняли все. Детство. Корни. Личность. Будущее отныне представлялось ей чистым листом.

Она поднялась на ноги, раздвинув лозы. Приступ миновал. Как всегда, Анаис пришла к тому же выводу, что и раньше. Ей надо найти себе мужика. Причем срочно. Мужчину, в объятиях которого все ее воспоминания, все ее страхи и боль потеряют силу. Она вытерла слезы, отряхнула колени и потащилась вверх по склону. *Мужчина в ее жизни.* Она думала не о координаторе из криминалистической службы, этом чрезвычайно привлекательном арабе, и не о зомбированных придурках, поджидавших ее в Сети.

Она думала о психиатре.

Одержимый интеллектual в библиотеке с полками из полированного дерева.

Ей хотелось дать волю мечтам, но образ Фрера вернул ее мысли к убийству. Она проверила мобильник. Новых сообщений нет. Вот и хорошо. Можно несколько часов поспать. А с утра пораньше снова взяться за расследование. Для нее обратный отсчет уже начался.

Она подошла к своей машине. Холода она больше не чувствовала. Только глаза немного жгло – слишком много плакала. И в горле стоял горько-соленый привкус.

Она открывала дверцу, когда зазвонил телефон.

– Алло!

– Это Зак.

– Где ты пропадал, господи боже мой?

– На Юге. Нашел быка.

\* \* \*

– Вы уверены?

– На сто процентов. Это Патрик. Патрик Бонфис.

Медсестра стояла напротив его стола, уперев руки в боки.

Мириам Феррари. 35 лет. Рост 1 метр 70 сантиметров. Вес 80 килограммов. Фрер хорошо ее знал. Сильная, как мужчина, но при этом доброжелательная к больным – этакая заботливая нянюшка. Она еще не сняла пальто, и с плеча у нее свисала сумка. Она пришла в отделение ранним утром понедельника и потребовала встречи с Матиасом Фрером.

Как выяснилось, в коридоре она столкнулась с потерявшим память пациентом и сейчас же узнала его.

Психиатру с трудом верилось в подобные совпадения.

– Я из басков, доктор. Моя семья живет в Гетари, это деревня на побережье, неподалеку от Биаррица. Я на каждые выходные езжу

домой. У моего зятя продуктовый магазин прямо возле фронтона<sup>[12]</sup>.  
Ну вот и...

– И?..

– Ну вот, сегодня утром прихожу я на работу и вижу его. Я его сразу узнала. Думаю, это же Патрик! Патрик Бонфис. Рыбак. Его у нас каждый знает. У него своя лодка, он ее держит у причала.

– Вы с ним заговорили?

– Конечно. Привет, говорю, Патрик, что это ты здесь делаешь?

– А он? Что-нибудь ответил?

– Ничего. В каком-то смысле это ведь тоже ответ, верно?

Фрер сидел опустив глаза и изучал предметы на своем столе. Блокнот. Ручка. Справочник французских лекарственных препаратов «Видаль». Книга с английским названием «Diagnostic and Statistical Manual» – американское справочное пособие по классификации умственных расстройств. Он смотрел на эти привычные вещи и понимал, что они являют собой немое свидетельство ограниченности его знаний. Свидетельство его беспомощности.

Если бы не помощь случая, разве сумел бы он установить личность пациента?

– Расскажите мне о нем подробней, – попросил он медсестру.

– Да я не знаю, что рассказывать.

– У него есть жена? Дети?

– Жена – да, есть. Ну, не совсем жена. Вроде как подруга. Они не женаты.

– Как ее зовут?

– Сильви. Или нет, Софи. Точно не помню. Она в кафе работает, возле порта. В сезон, конечно. А в остальное время помогает Патрику. Ну там сети починить, еще что-нибудь...

Фрер записывал за ней. Он вспомнил про планктон, обнаруженный под ногтями пациента. Гетари расположен в зоне, где водится этот микроорганизм. *Патрик Бонфис*. Он подчеркнул имя.

– Как давно они живут в Гетари?

– Да я даже и не знаю. Во всяком случае, они там поселились раньше нас. А мы в Гетари уже четыре года.

Зная, кто он такой, Фрер мог постепенно оживить память пациента относительно его подлинной личности. А затем заняться причинами, вызвавшими амнезию. Выяснить, *что именно он видел на вокзале*.

– Спасибо, Мириам, – поблагодарил он, поднимаясь. – Эти новые факты принесут несомненную пользу в лечении... Патрика.

– Вы уж меня извините, доктор, но только... Не слишком давите на него, ладно? Что-то мне его вид не понравился. Какой-то он... расстроенный.

– Не волнуйтесь. Мы будем продвигаться вперед мелкими шажками.

Медсестра вышла.

Фрер, все так же стоя, перечитал свои записи. Он сказал сестре неправду. Ему нельзя терять время. Он запер дверь и придвинул к себе телефон. Звонок в справочную, и вот перед ним уже лежал номер телефона Патрика Бонфиса в Гетари.

После третьего звонка трубку сняла женщина.

Психиатр не стал ходить вокруг да около:

– Это Сильви Бонфис?

– Моя фамилия не Бонфис. Меня зовут Сильви Робен.

– Вам знаком Патрик Бонфис?

– Кто вы?

В голосе слышалась смесь надежды и беспокойства.

– Я доктор Матиас Фрер, психиатр из больницы Пьера Жане в Бордо. Патрик Бонфис сейчас находится у меня в отделении. Он поступил к нам три дня назад.

– Господи...

Голос женщины прервался, и Матиас расслышал нечто вроде легкого свиста. Она плакала. Беззвучно, но пронзительно.

– Мадам...

– Я так волновалась, – сквозь всхлип выдохнула она. – Ведь он пропал, ни слуху ни духу...

- Когда именно он исчез?
- Сегодня шесть дней.
- Вы обращались в полицию с заявлением?

Вместо ответа снова послышался тот же свистящий звук.

Матиас решил не настаивать:

- Вы близкая знакомая Патрика Бонфиса, рыбака из Гетари?
- Да.
- При каких обстоятельствах он пропал?
- Это было в прошлую среду. Он пошел в банк.
- В Гетари?

Она усмехнулась, несмотря на слезы:

- Гетари – деревня. Он поехал в Биарриц, на нашей машине.
- Какой марки машина?
- «Рено». Старая модель.
- Когда вы начали волноваться?
- Так сразу же. Во-первых, я переживала насчет того, что ему скажут в банке. У нас трудности... Большие трудности.
- Долги?
- Кредит. За лодку. Понимаете... В общем... Рыбачить стало тяжело. Налогов куча. Да еще и правила все время меняются. А потом, эти испанцы... Они нас прямо-таки обкрадывают. Вы что, новости по телевизору не смотрите?

Матиас быстро заполнял записями блокнот.

- Так что же все-таки произошло?
- Ничего! В том-то и дело. Он не вернулся домой. Я позвонила в банк. Они сказали, он к ним не приходил. Я пошла в порт. Обшарила все кафе, куда он любил заходить.
- Патрик пил?

Сильви не ответила. Он понял ее молчание. Одновременно он продолжал писать. Получалось, что Патрик Бонфис представлял собой хрестоматийный случай. Под давлением финансовых проблем человек сбросил с себя собственную личность как неудобное пальто. Затем сел в поезд до Бордо. Хорошо, но при чем тут происшествие

на вокзале? На самом ли деле он стал свидетелем чего-то страшного? И откуда у него взялись разводной ключ и телефонный справочник?

– А дальше что было?

– Вечером я пошла в жандармерию. Они объявили его в розыск.

Должно быть, в жандармерии не придали особого значения исчезновению рыбака, известного своим пристрастием к выпивке. Во всяком случае, до Жиронды уведомление о розыске так и не добралось.

– Он в первый раз вот так пропадает?

– Ну... Конечно! Патрик, он, знаете, как сейчас говорят, немножко тормоз. Как будто не от мира сего. Но такой фокус он в первый раз выкинул.

– Вы давно живете вместе?

– Три года.

В разговоре повисла пауза. Потом Сильви тихо спросила:

– Как он там?

– С ним все хорошо. У него небольшие проблемы с памятью. Я думаю, что из-за ваших нынешних затруднений его мозг немного... э-э... переклинило. У Патрика амнезия. Очевидно, его подсознание пытается стереть прошлое, чтобы дать ему возможность начать все с нуля.

– Как это – с нуля? Что это значит?

Сильви растерялась. Действительно, Фрер пер напролом с деликатностью танка.

– Он не хотел от вас убежать, – одернув себя, как можно мягче сказал он. – Но на него слишком много всего навалилось. Долги, трудности с работой. Все это вынудило его бежать от самого себя.

Его собеседница молчала. Фрер тоже не торопился возобновить разговор. В сущности, ведь правды он не знал. Все могло происходить совсем иначе. Патрик уехал в банк. По дороге он где-то выпил. Сел в поезд до Бордо. И здесь, на вокзале, *что-то такое увидел*. И увиденное было настолько страшно, что стерло ему память.

Ковбой спрятался в смазочной, полностью утратив представление о том, кто он такой.

– А мне можно его навестить?

– Конечно. Только дождитесь моего звонка. Я скоро вам перезвоню.

Фрер попрощался с женщиной. На часах было 9.30. Истории болезни новеньких, которые он обычно просматривал по утрам, подождут. Он закрыл кабинет, предупредил секретаря, что на некоторое время отлучится, и отправился в зал художественной терапии. Почему-то он был уверен, что мужчина в стетсоновской шляпе будет там.

Матиас выбрал из связки нужный ключ и отпер дверь. На ходу поздоровался с несколькими коллегами. Как он и предполагал, Бонфис сидел в мастерской. Сегодня он отдал предпочтение ваянию и трудился над чем-то, напоминавшим примитивную глиняную маску.

– Привет.

Лицо пациента осветила широкая улыбка, обнажившая десны.

– Как дела?

– Отлично.

Фрер присел рядом. Он начал издали:

– Ты думал о том, что рассказал мне вчера?

– Ты имеешь в виду мои... воспоминания? Даже не знаю. Сегодня утром ко мне подошла одна женщина, очень приятная. Но она почему-то назвала меня Патрик...

Он замолчал. Сидел он, не поднимая глаз от своей маски. Как заключенный, совершивший неудачный побег из тюрьмы. Фрер слышал, как он шумно сглатывает.

И тогда Матиас решил:

– Я только что говорил с Сильви.

– Сильви?

Великан замер. Зрачки у него расширились – точь-в-точь как у животного, ведущего ночной образ жизни. Очевидно, в крошечной

тьме беспамятства для него забрезжил лучик света. Фрер и так намеревался во время предстоящего сеанса слегка растормошить его разум, дабы указать пациенту правильную дорогу к себе. Но сейчас ему стало очевидно, что механизм восстановления памяти уже пришел в движение – Патрик Бонфис на глазах превращался в самого себя. Врачу оставалось только ускорить этот процесс.

– Я отвезу тебя домой, Патрик.

– Когда?

– Сегодня.

Ковбой медленно покачал головой. Незаконченная маска выпала у него из рук, и он перевел на нее глаза. Ну вот и все. Это билет в один конец, и обратного пути не будет. Что касается Фрера, то он как психиатр все свои надежды связывал с возвращением пациента в Страну Басков. Там, в знакомой обстановке и при поддержке близкой женщины, он обретет свое «я».

Но теперь на Матиаса нахлынули сомнения. Когда к беглецу возвращается память, он чаще всего забывает выдуманную личность. И Фрер боялся, что Патрик заодно забудет и о том, что видел на вокзале. Однако заговаривать с ним о Паскале Мишелле... Нет, на это он не пойдет.

Фрер поднялся и дружески коснулся плеча Патрика:

– Отдыхай. Я зайду за тобой после обеда.

Мужчина в стетсоновской шляпе согласно кивнул. По его виду невозможно было понять, радует его новый поворот событий или, напротив, огорчает. Фрер быстрым шагом шел назад, в свой кабинет. Двери. Ключи. Столы и койки, намертво прикрученные к полу. И непреходящее ощущение, что он – надсмотрщик, стерегущий чужие души.

Он попросил секретаря купить ему свежие газеты и позвонил Сильви, чтобы предупредить об их приезде. Женщина, казалось, все еще не пришла в себя.

Под конец разговора он с некоторым пафосом заявил:

– Для Патрика наикратчайший путь к самому себе – это вы.



Они условились встретиться около трех часов дня в порту Гетари, и Фрер повесил трубку. Он продвигался вперед наугад. Еще никогда ему не приходилось сталкиваться с подобной ситуацией. На миг у него возникло искушение позвонить капитану Шатле и сообщить ей новость. Потом он вспомнил, что они расстались далеко не в самых дружеских отношениях. А главное, он ведь обманул эксперта из криминалистической службы. Интересно, какое наказание ему за это полагается?

Оставалась и еще одна проблема. Утром Анаис должна получить результаты анализов, которые он выведет прошлой ночью. Наличие планктона на руках ковбоя и в яме усилит ее подозрения на его счет. Возможно, она захочет взять его подопечного под стражу. Лучше всего поскорее увезти его подальше. При самом неудачном раскладе они пошлют кого-нибудь за Патриком в Гетари, но у него будет день или два, чтобы в знакомой обстановке вспомнить, кто он такой.

Его мысли прервал стук в дверь. Пришла секретарь с кипой местных газет: «Сюд-Уэст», «Нувель Републик де Пирене», «Депеш», «Журналь дю Медок»... Матиас проглядел заголовки на первой странице. Все, как один, были посвящены одной теме – туману, в минувшие выходные накрывшему плотной завесой всю Жиронду. Перечисление несчастных случаев, произошедших из-за плохой видимости, занимало половину газетной полосы.

В заметке, набранной мелким шрифтом, сообщалось также, что «на вокзале Сен-Жан найдено тело бездомного, погибшего от переохлаждения». Фрер оценил хитроумие сыщиков. Он понятия не имел, как им удалось заморочить голову журналистам, но факт оставался фактом: они умело обезвредили мину, способную вызвать в обществе взрыв паники и насторожить преступника. Разумеется, он понимал, что полиция вовсе не сидит сложа руки, но лишняя шумиха вокруг этого дела следствию совсем ни к чему.

Что касается Бонфиса, то его случай удостоился упоминания лишь где-то в середине номера, на страницах, отведенных под местные

новости. В ночь с 12 на 13 февраля, писала газета, на вокзале обнаружен неизвестный мужчина с признаками психического расстройства, немедленно доставленный в клинику Пьера Жане.

Фрер сложил газеты. Если повезет, журналисты не заинтересуются его новым пациентом. Он посмотрел на часы. 10.00. Затем подвинул к себе стопку историй больных, поступивших в понедельник. За утро ему надо заполнить их, провести обход в своем отделении и принять амбулаторных больных. А потом он поедет в Страну Басков. В компании с Патриком Бонфисом и его тайнами.

\* \* \*

Всю ночь ей снилась бойня.

Темные просторные помещения. Сверху свисают какие-то металлические конструкции. Под ними – дымящиеся туши. Слышен стук топоров, опускающихся на бычьи спины. По желобам струятся потоки черной жидкости. Высятся груды белых черепов. Развешаются развешанные шкуры, похожие на пелерины. Мужчины в кепках трудятся не покладая рук – режут, рубят, пускают кровь. Громко хекают. Это хеканье преследовало ее всю ночь.

Проснувшись, она даже удивилась, что не выпачкалась в крови.

Анаис приняла душ. Сварила кофе. И села за письменный стол, перечитать набросанные ночью заметки.

Обезглавленная туша быка была обнаружена утром 13 февраля на пастбище ganadería Жельды – фермы по разведению быков для корриды, расположенной близ города Вильнев-де-Марсан. Анаис поздравила Закрауи и велела ему отправляться спать. Сказала, что с владельцем побеседует сама. Парень вроде бы огорчился, но спорить не стал: как и остальные члены группы, он уже больше суток был на ногах.

Анаис вернулась домой. Позвонила фермеру и предупредила, что приедет завтра утром. Затем поискала в Интернете ссылки на

упоминание об имевших место в последние годы случаях калечения животных. Самым громким делом на эту тему оказалась серия нападений на лошадей в Германии в девяностых годах. Их находили с отрезанными ушами и половыми органами, некоторых – забитых ножом. В многочисленных статьях, посвященных этой проблеме, говорилось, что полиция арестовала нескольких подозреваемых, но преступления продолжались. Похожие случаи отмечались в Великобритании и Нидерландах не далее как десять лет назад. Анаис ознакомилась с каждым – ничего общего с ее убийством. Ни одной зацепки, способной помочь ей в расследовании.

В восьмидесятых годах в Америке много шуму наделали случаи так называемой подпольной хирургии. На полях стали находить изувеченные трупы крупного рогатого скота, причем наблюдатели отмечали, что «операции» производились неизвестными науке инструментами. Вывод авторы публикаций делали следующий: в актах варварства повинны или пришельцы из космоса, или сами фермеры. Добравшись до этого места, Анаис закрыла сайт. Этот след вел в никуда.

Наступила полночь, но спать ей пока не хотелось. Она погрузилась в чтение материалов о выращивании «торо браво». Узнала, чем их кормят. Как содержат. Как занимаются селекцией. Узнала, как они гибнут на арене. Вся информация, почерпнутая ею из многочисленных статей, лишь подтверждала то, что ей было известно и раньше: коррида – дерьмо. Быков держат в изоляции, кормят до отвала, клеймят раскаленным железом и без всякой подготовки в четырехлетнем возрасте выпускают на арену. Это при том, что в нормальных условиях бык может жить до двадцати лет.

В два часа ночи ее, задремавшую над клавиатурой, разбудил телефонный звонок. Звонивший – он представился ветеринаром Аношем – сказал, что днем к нему обратился Лонго. В 20.00 ему доставили бычью голову, и он немедленно принялся за работу. Его и раньше привлекали к сотрудничеству с правоохранительными органами в качестве эксперта по делам, связанным с отравлениями

и заражением домашнего скота. Говорил он быстро, явно нервничая, но Анаис была ему благодарна – он позволил ей сберечь драгоценное время.

Прежде чем приступать к исследованию головы, эксперт взял пробу крови и отправил ее на анализ в лабораторию токсикологии при инспекции по контролю за качеством мяса. Результаты уже пришли: в кровеносных сосудах мозга быка обнаружены следы кетамина – мощного анестетика, используемого для усыпления животных. Активное вещество кетамин, пояснил ветеринар, содержится во многих препаратах, но лично он склоняется к имальгену как наиболее распространенному из всех. Так что перед тем, как отрубить быку голову, убийца усыпил его огромной дозой снотворного. Анаис это не удивило: бойцовые быки – это вам не комнатные собачки.

По мнению ветеринара, убийца либо подмешал препарат животному в пищу, либо, что более вероятно, воспользовался специальным пистолетом для подкожных инъекций. Найти такой легче легкого – они есть у каждого ветеринара, есть у спасателей и у служителей зоопарков. Зато имальген продают строго по рецепту врача и только в аптеках при ветеринарных клиниках. Это может быть следом. Надо лишь проверить, кто в последние недели покупал имальген на территории Аквитании и по какому рецепту. И конечно, выяснить, не зарегистрированы ли случаи незаконного проникновения в ветеринарные клиники и лаборатории, выпускающие препарат.

Что касается техники обезглавливания, то, по мнению Аноша, они имели дело с настоящим профессионалом. Чувствуется рука мастера, в смысле хирурга или мясника. Вначале он сделал надрезы на шкуре и мягких тканях, затем ввел нож в сочленение между затылком и атлантом, то есть первым шейным позвонком, и отсек спинной мозг и сухожилие, проходящее под вторым шейным позвонком. Ветеринар полагал, что таким образом голову можно без труда отделить от тела с помощью простого скальпеля. Убийца по

неизвестным причинам также вырезал язык. Записывая за экспертом, Анаис подумала, что он сделал это ради красоты мизансцены, не желая, чтобы у его Минотавра язык вывешивался изо рта, как у какой-нибудь страдающей от жажды коровы.

Постепенно перед ней вырисовывались детали картины. Убийца не мог быть ни нищим, ни тем более обыкновенным дилером. Разумеется, это и не мужчина с амнезией с вокзала Сен-Жан. Безумие убийцы носит рациональный, холодный характер. Это человек со стальными нервами, тщательно подготовившийся к акту жертвоприношения. Не мясник, не фермер, не ветеринар – в этом Анаис не сомневалась. Но он обладал опытом, необходимым для постановки страшного спектакля.

Мысль о том, что ей предстоит столкнуться с подобным противником, заставила ее вздрогнуть. От страха или от возбуждения – она и сама не поняла. Наверное, и от того и от другого одновременно. Кроме того, для нее не было тайной, что в большинстве случаев убийцу-психопата ловят либо если он допустит ошибку, либо если полиции просто повезет. Рассчитывать на то, что ошибется этот убийца, не приходилось. А что до везения...

Она поблагодарила ветеринара и попросила прислать ей письменный отчет. Потом легла и несколько часов купалась в бычьей крови. В восемь утра она уже сидела за рулем своей машины, направляясь в Мон-де-Марсан.

На улице шел дождь. Нехотя, словно через силу, наступал тусклый рассвет. Она ехала, и один пейзаж за окном сменялся другим – пихтовые леса и дубовые рощи уступали место пастбищам и виноградникам. Но картины природы не радовали ее. Утром, едва проснувшись, она поняла, что зверски простудилась: голову стянуло тугим обручем боли, в горле драло, нос заложило. Вот что бывает, если на ночь глядя шататься по холмам, обливаясь слезами...

С магистрали A62 (или это была E05?) она свернула на принадлежащее департаменту шоссе D651, ведущее на юг. Хорошо, что ферма далеко, – у нее будет время подумать. «Дворники»

выбивали на стекле мелодию, похожую на похоронный марш. Дорога за пеленой дождя еле просматривалась. Она несколько раз повторила себе, что преступник проделал тот же путь, только в обратном направлении. И увозя с собой трофей. *Голову в мешке.*

Она обогнула Мон-де-Марсан и взяла курс на Вильнев-де-Марсан. По дороге остановилась возле аптеки. Накупила лекарств. Долипран. Юмекс. Фервекс. В соседней булочной прихватила бутылку колы без сахара, чтобы запить таблетки. И завершила экзекуцию над собой, обильно опрыскав горло и за капав нос.

Снова за руль. На выезде из города она заметила справа придорожный щит с надписью «Ganadería de Gelda» и двинулась по мокрой грунтовке. Ни одного быка в пределах видимости не наблюдалось. Анаис этому не удивилась. Она знала, что основной принцип в разведении *toro bravo* заключается в том, чтобы до корриды держать их подальше от людей. Чтобы они были более злобными и агрессивными, а главное – хуже подготовленными к встрече с матадором.

Вообще-то ей следовало предупредить о своем приезде жандармерию. К чему зря обижать местные власти? К тому же они позволили бы ей ознакомиться с материалами дела. Но она сознательно предпочла вести расследование в одиночку – не хотела, чтобы во время беседы с фермером на нее хоть что-то давило. А дипломатией займемся позже, сказала она себе.

Она углубилась в неширокий проезд. Голые ветви окаймлявших его деревьев смыкались над головой, расчерчивая небо в не ровную клетку, похожую на переплетение трещин. В конце дороги, справа, показалось здание с фахверковой стеной. Анаис проехала еще несколько метров и остановилась. Типичная ландская ферма. Просторный земляной двор в окружении вековых дубов. Хозяйский дом – черные балки, белая замазка. Деревянные оштукатуренные пристройки...

Все вместе производило впечатление благородства, но вместе с тем уныния и какой-то шаткости. Обитатели фермы десятилетиями,

если не столетиями, боролись за выживание, далекие от технического прогресса и современных удобств. Анаис представила себе жилые помещения без центрального отопления и водопровода. Она намеренно сгущала в воображении краски, испытывая чувство едкой горечи.

Она вышла из машины и направилась к главному дому, нахлобучив на голову капюшон и стараясь не ступить в лужи. Залаяла невидимая собака. Потянуло навозом. Она постучала в дверь. Тишина.

Анаис еще раз огляделась. Между двумя строениями мелькнула arena de tienta<sup>[13]</sup>. Здесь устраивали пробные бои, но не быков, которых до наступления великого дня вообще не выпускали на арену, а их матерей. Коров загоняли на площадку и кололи пиками. Считалось, что те из них, кто реагирует на уколы особенно нервно, станут лучшими производительницами toro bravo. Как будто в природе существовал ген агрессивности.

– Это вы из полиции? Вы мне вчера звонили?

Анаис обернулась. За спиной у нее стоял худой как жердь мужчина в иссиня-черной куртке. Вес пера, подумалось ей. Не больше пятидесяти килограммов при росте метр семьдесят. Как его еще ветром не сносит? Анаис достала удостоверение:

– Капитан Анаис Шатле, центральный полицейский участок Бордо.

– Бернар Рампаль, – представился мужчина и без всякого воодушевления пожал протянутую ему руку. – Я тут за главного. Mayoral. И conocedor<sup>[14]</sup>.

– Вы специалист?

– По генеалогии животных. По хронологии боев. Разведение быков для корриды – это прежде всего память. – Он ткнул себя указательным пальцем в лоб. – Все тут.

Дождь поливал его серебристую шевелюру, стекая с нее. Как с гуся вода, мелькнуло у Анаис. Выглядел он и в самом деле более чем странно. Узкие плечи. Маленькое, чуть ли не детское землистого цвета личико, хоть и покрытое густой сетью морщин. Под стать

фигуре был и голос – высокий и тонкий. Вообще-то она совсем иначе представляла себе заводчика быков для корриды – таким мужланом весом в полтонны. Но, должно быть, мужество этого человека проявлялось в другом. В глубоком знании своего ремесла. В привычке командовать. В отсутствии склонности к сантиментам.

– Вы найдете ту сволочь, которая убила моего быка?

– Для меня важнее то, что он убил человека.

– Люди спокон веку друг друга убивают. А ваш гаденыш напал на беззащитное животное. Это уж что-то новенькое.

– Разве вы сами не занимаетесь тем же самым круглый год?

Сопоседог нахмурил брови:

– А вы что, из этих фанатиков, которые против корриды?

– Я с детства ходила на корриду.

Анаис не стала уточнять, что всякий раз возвращалась с этого зрелища больной. Лицо фермера немного смягчилось.

– Кому принадлежит ganadería?

– Одному бизнесмену из Бордо. Настоящий знаток корриды.

– Вы ему сообщили?

– Конечно.

– И как он реагировал?

– Как и все тут. Кипел от возмущения.

Анаис записала имя и координаты бизнесмена. Надо будет его опросить. Как и всех работников ganadería. Пока нельзя сбрасывать со счетов версию о том, что преступление совершено кем-то из своих. Хотя жандармы наверняка уже со всеми побеседовали.

– Пойдемте со мной, – предложил мужчина. – Мы убрали тело в хлев. Для страховой компании.

Интересно, по какой статье фермер собирается получить страховку, подумала Анаис. Порча материала, что ли? Они проникли в большой сарай. Внутри было кучами свалено сено. Под ногами чавкала грязь, и стоял прямо-таки полярный холод. Влажный силосный запах перебивала вонь органического разложения. Так воняет протухшее мясо.



Труп быка, прикрытый пленкой, занимал середину помещения.

Мужчина решительно сдернул пленку, выпустив на свободу плотный рой мух. Смерд усилился. Анаис посмотрела на огромную, уже раздувшуюся черную тушу. К ней как будто вернулся ночной кошмар: мужчины без лиц, размахивающие топорами, трупы животных, свисающие с крюков, телята с ободранной шкурой, чья обнаженная плоть переливается матовыми бликами...

– Сегодня ждем эксперта. Потом уж закопаем.

Анаис не отвечала. Рукой она крепко зажимала рот и нос. Огромная обезглавленная туша наводила на мысли об античных жертвоприношениях, призванных высвободить жизнетворные силы природы и увеличить плодородие земли.

– Вот ведь несчастье-то, – вздохнул фермер. – Cuatreno <sup>[15]</sup>. Как раз собирались его выпустить.

– В первый и в последний раз.

– Вы рассуждаете точь-в-точь как все эти горлопаны, которые нам житья не дают.

– Спасибо за комплимент.

– Выходит, я прав. За милую таких чую...

*Сменить тему.* Иначе из него ничего не выжмешь.

– Я полицейский, – твердо сказала она. – Мои личные убеждения никого не касаются. Сколько весил этот бык?

– Примерно пятьсот пятьдесят кило.

– Доступ к нему в загон был открыт?

– Мы держали его на пастбище. Туда доступа нет вообще. Дороги нет, понимаете? Только верхом можно проехать.

Анаис обошла вокруг мертвого тела быка. Ее мысли вернулись к убийце. Не всякий решится напасть на такого бугая. Но убийце для его чудовищной постановки *позарез нужна была бычья голова*, и он не колебался.

– Сколько всего у вас быков?

– Две сотни. На разных пастбищах.

– Сколько животных содержалось вместе с этим быком?

– Примерно пятьдесят голов.

Анаис, все так же прижимая руку ко рту, приблизилась к туше. Черная шкура потускнела и казалась пропитанной влагой. Анаис не могла не почувствовать, как картина бесформенной массой лежавшего на полу мертвого быка перекликалась с тем ужасом, что она своими глазами видела в ремонтной яме. Только там в жертву был принесен Филипп Дюрюи. Но если Дюрюи воплощал собой одновременно и Минотавра, и его жертву, то обезглавленный бык символизировал и высшее божество, и жертвенное животное.

– Как, по-вашему, преступник сумел справиться с быком?

– Выстрелил капсулой со снотворным. Бык свалился, и тот отрезал ему голову.

– Разве он не испугался остальных быков?

– Так они разбежались, наверное. Первая реакция быка на опасность – бежать.

Анаис и раньше был известен этот парадокс. Быки для корриды вовсе не агрессивны. Просто их защитная реакция проявляется в таких беспорядочных метаниях, что это создает впечатление злобности.

– А он не мог подсыпать снотворное ему в корм?

– Нет. Зимой мы даем им сено и pienso<sup>[16]</sup>. Пищевые добавки. Кормушки наполняют только наши пастухи. К тому же все животные едят из одного и того же лотка. Нет, он точно выстрелил в него капсулой. По-другому никак.

– У вас на ферме имеется запас препаратов снотворного действия?

– Нет, зачем? Если надо усыпить быка, мы вызываем ветеринара. А у него свои лекарства. И свой пистолет.

– Не знаете ли вы кого-нибудь, кто бы интересовался быками для корриды?

– Знаю. Тысячи человек. Каждый год съезжаются к нам на праздник.

– Я имею в виду человека, который крутился бы возле вашей фермы. Шнырял тут, что-то вынюхивал?

– Нет, такого не видал.

Анаис вглядывалась в перерубленную шею животного. Мертвые ткани приобрели темно-фиолетовый оттенок. Словно корзина, полная спелой ежевики, подумалось ей. Поверх раны поблескивали какие-то мелкие кристаллики.

– Расскажите мне, как они умирают.

– То есть?

– Как бык погибает на арене?

Фермер пожал плечами:

– Матадор вонзает в затылок быку шпагу по самую гарду.

– Какой длины лезвие шпаги?

– Восемьдесят пять сантиметров. Чтобы могла достичь артерии или легочной вены.

Анаис будто наяву увидела, как остро заточенный клинок проникает сквозь черную кожу, пронзая органы и ткани. А вот и она маленькой испуганной девочкой сидит на каменных ступенях амфитеатра. От ужаса она прижималась к отцу, а он обнимал ее, защищая. И смеялся. *Подонки*.

– Но до этого пикадор перерубает быку затылочное сухожилие пикой, – сказала она.

– Ну да.

– Потом в дело вступают бандерильеро. Они расширяют рану, чтобы потекла кровь.

– Если вы и так все знаете, зачем спрашиваете?

– Я хочу составить четкое представление обо всех этапах умерщвления быка. Это ведь довольно кровавая картина?

– Ничего подобного. Все травмы носят *внутренний* характер. Матадор не должен задевать легкие животного. Публика не любит, когда бык плюется кровью.

– Да ну? Значит, матадор своей шпагой его просто приканчивает? Так сказать, наносит удар милосердия?

– Послушайте, чего вы ко мне привязались? Чего вы от меня-то хотите?

– Я хочу выяснить, не мог ли убийца быть матадором.

– Мясником, а не матадором.

– А разве это не одно и то же?

Mayoral направился к двери, показывая, что разговор окончен. Опять Анаис все испортила. Она нагнала его на пороге. Дождь перестал, сквозь тучи несмело проглянули лучи солнца, заставив лужи сверкать зеркальным блеском.

Вместо того чтобы попытаться расположить к себе фермера, она не удержалась от следующего вопроса:

– А это правда, что быков для корриды никогда не подпускают к самкам? Чтобы были злее?

Бернар Рампаль обернулся к ней и процедил сквозь зубы:

– Тавромахия – это искусство. И, как всякое искусство, имеет свои законы. Вековые законы.

– А мне говорили, что в загонах они пытаются оседлать друг дружку. Как вы думаете, если бы публика узнала, что все ваши быки – гомики, ей бы это понравилось?

– Катитесь отсюда.

\* \* \*

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Сидя за рулем машины, Анаис вслух проклинала себя. Вчера завалила разговор с врачом – любителем гольфа. Сегодня – с фермером, который знал о быках все. Она просто не умеет держать себя в руках. И только все портит своими детскими наскоками и грошовыми провокациями. Ей поручено серьезное уголовное расследование, а она играет в подростковый бунт против буржуазного жизненного уклада.

Кровь стучала в висках. Лицо покрылось холодным потом. Если один из них сообразит позвонить в прокуратуру, ей конец. Дело передадут другому полицейскому. Более опытному. Менее импульсивному.

Добравшись до Вильнев-де-Марсана, она сделала остановку. Высморкалась, еще раз попрыскала лекарством в горло и закапала нос. Следовало заехать в жандармерию, но ее обуревали сомнения. Разговор с коллегами надо вести максимально дипломатично, но она на это просто не способна. Особенно сейчас. А, ладно. Пошлет к ним Ле-Коза. У него к таким вещам талант.

Она завела мотор и нажала на педаль газа. На сей раз она не стала кружить по шоссе департамента, а побыстрее выбралась сначала на магистраль N10, затем – на E05. И взяла курс на Бордо.

Зазвонил мобильник. Не отрывая глаз от дороги – она мчалась со скоростью 180 километров в час, – Анаис плечом прижала к уху телефон.

– Это Ле-Коз. Я всю ночь шерстил Интернет. А утром обзвонил все загсы и службы социальной защиты.

– Давай, только коротко.

– Филипп Дюрюи родился в Каэне в восемьдесят восьмом году. Родители неизвестны.

– Что, даже мать?

– Даже мать. Она от него отказалась, а в этих случаях гарантируется анонимность. Конечно, можно попытаться навести справки, но потребуются официальный запрос и...

– Давай дальше.

– Его взял под опеку детский отдел службы социальной помощи населению. Он сменил несколько интернатов и приемных семей. Вел себя тихо, ну, более или менее. В пятнадцать лет оказался в Лилле. Поступил в профтехучилище, на отделение по подготовке работников общественного питания широкого профиля. Короче, в столовке должен был потом вкалывать. Ну вот, проучился он там несколько месяцев, а потом вдруг все бросил. Заделался панком.

Подобрал где-то псину и в путь. Через два года его видели на фестивале в Орильяке.

– Что за фестиваль?

– Уличного театра. Там его повязали за употребление наркотиков. Но скоро отпустили – он же был несовершеннолетний.

– Какие наркотики он принимал?

– Амфетамины, экстази, кислоту. Потом его еще два раза брали, то есть минимум два раза. И всегда на фестивалях. Рока или рейва. В апреле две тысячи восьмого – в Камбре, а в две тысячи девятом – в Мийо.

– Опять за наркоту?

– Нет, уже за драки. Малец был задиристый. Особенно не любил вышибал в барах.

Анаис не забыла, как выглядело тело убитого парня. Кожа да кости. Но, видимо, он был не робкого десятка. Или просто вечно обдолбанный? Во всяком случае, такой вряд ли позволил бы вколоть себе неизвестную дрянь помимо собственной воли. Значит, убийца сумел запудрить ему мозги.

– Ну хорошо. А что в последнее время?

– Самая свежая информация относится к январю этого года.

– В Бордо?

– В Париже. Еще один концерт. Двадцать четвертого января две тысячи десятого года в зале «Элизе-Монмартр». Дюрюи там опять подрался. При нем нашли два грамма героина. Его забрали в комиссариат Гут-д'Ор. Поместили сначала в вырезвитель, потом в обезьянник. Через восемнадцать часов по решению судьи освободили.

– Дело не завели?

– Два грамма – это личное потребление.

– Что потом?

– Потом ничего. До самой ремонтной ямы. Предположительно он вернулся в Бордо в конце января.

Проследить все перипетии существования Дюрюи в Бордо не имело никакого смысла. Интерес для следствия представляли лишь последние дни его жизни. В один из этих дней он и познакомился с будущим убийцей, который явно не принадлежал к социальному дну.

– От остальных новости есть?

– Джафар всю ночь тусовался с бомжами.

У нее потеплело на сердце. Вопреки ее приказу ни Ле-Коз, ни Джафар не разбежались по домам дрыхнуть. *Один за всех, и все за Анаис...*

– Что-нибудь узнал?

– Мало что. Дюрюи почти ни с кем не общался.

– А что в ночлежках? В бесплатных столовых?

– Он их как раз сейчас обходит.

– Что у Конанта? Все пленки отсмотрел?

– Еще досматривает. Но пока у него по нулям. Дюрюи ни на одной не засветился.

– А Зак?

– Про него ничего не знаю. Вроде бы с утра должен потрясти дилеров. Как я понял, ты его оставила вместо себя.

Ле-Коз говорил сухо, но у Анаис не было времени разбираться с его обидами. Ее осенила новая идея.

– Позвони Джафару. Пусть займется собакой.

– А что там с собакой? Мы же обзвонили все приемники. Никаких следов псины. Тем более мы даже породу не знаем. Скорее всего, убийца ее прикончил и где-нибудь закопал.

– Надо поговорить с мясниками. Обойти рынки. Особое внимание – оптовым торговцам. Сам подумай, ведь Дюрюи должен был как-то выкручиваться, чтобы кормить собаку.

Ле-Коз молчал, судя по всему растерянный.

– Я что-то не пойму, что именно ты хочешь узнать?

– Нам нужен свидетель. Кто-то мог видеть Дюрюи в обществе другого мужчины. Того, который в конце концов и сделал ему смертельный укол.

– Вряд ли мясники нам это расскажут.

– И насчет шмоток. Где Дюрюи покупал себе одежду? Либо на складах, где за гроши отдают нераспроданный товар, либо в «Эммаусе». Проверьте их все. Установите, когда он в последний раз там показывался.

– Мне кажется, он в основном просто просиживал где-нибудь задницу.

– Согласна. Значит, надо найти место, где он обычно попрошайничал. Не забывай, что до нас ту же работу проделал убийца. Он его вычислил. Проследил за ним. Изучил его повадки. Нам придется заняться тем же. Может быть, удастся поймать его тень. Новые снимки Дюрюи уже готовы?

– Да, при задержаниях его фотографировали.

– Показывайте эти фотографии всем, с кем будете разговаривать. А мне вышли их на айфон.

– Хорошо. Так что мне сейчас делать?

Анаис велела ему разрабатывать лекарственный след. Проверить все рецепты на имальген и кетамин, выписанные в Аквитании. Выяснить, не было ли случаев грабежа в клиниках и фармацевтических лабораториях. Ле-Коз ответил, что все выполнит, но особого энтузиазма в его голосе Анаис не услышала.

Перед тем как завершить разговор, она попросила его позвонить в жандармерию Вильнев-де-Марсана и вежливо – она особо подчеркнула это – поинтересоваться, нет ли у них свежей информации.

Она уже подъезжала к Бордо. Ее мысли занимал сейчас лощеный коллега, с которым она только что говорила. лейтенант отличался одной любопытной особенностью – жил явно не по средствам. Объяснить его богатство семейным достатком тоже было нельзя: отец Ле-Коза, простой инженер, уже вышел на пенсию. Рано или поздно этим обстоятельством должен заинтересоваться отдел внутренних расследований, но Анаис не задавала себе вопросов, потому что знала на них ответы.



Волшебная метаморфоза с ее коллегой произошла в 2008 году, после ограбления особняка на авеню Феликса Фора. Нет, Ле-Коз не входил в число налетчиков, но он вел следствие по этому делу. И несколько раз беседовал с хозяйкой особняка, уже не очень молодой баронессой, владевшей одной из лучших марок вина, производимого в районе Медока. После этого знакомства у Ле-Коза появились часы «Ролекс», автомобиль «ауди-ТТ» и черная кредитная карта «Infinite»<sup>[17]</sup>. Грабителей он так и не нашел. Зато нашел свою любовь. Любовь, существенно улучшившую его благосостояние, как шептались в коридорах комиссариата. Но Ле-Козу было плевать на сплетни. Кстати, поменяйся они с баронессой местами, эта история никого не удивила бы, подумалось Анаис.

Снова зазвонил телефон. Джафар.

– Ты где? – спросил он.

– Подъезжаю к Бордо. Что-нибудь нашел?

– Нашел Рауля.

– Кто это?

– Последний, кто разговаривал с Дюрюи до того, как его пришили.

На лбу у Анаис снова выступила испарина. Наверное, у нее температура. Не отпуская руль, она глотнула из аптечного пузырька микстуры.

– Рассказывай.

– Рауль – нищий, живет на набережной, возле Сталинградской площади, на левом берегу. Дюрюи время от времени его навещал.

– Когда они виделись в последний раз?

– В пятницу двенадцатого февраля, ближе к вечеру.

*Предположительно в вечер убийства. Это очень важный свидетель.*

– По его словам, Дюрюи собирался на какую-то встречу. В тот самый вечер.

– С кем?

– С ангелом.

– С кем, с кем?

– Так говорит Рауль. А ему, в свою очередь, так сказал Дюрюи.

Анаис не могла скрыть разочарования. Алкогольный бред. Или бред обколотого торчка.

– Ты привез его в участок?

– Не к нам. В комиссариат на улице Дюко.

– Почему туда?

– Ближе всего. Он сейчас в вырезвители.

– В десять утра?

– Подожди, пока сама его не увидишь.

– Я на минутку заскочу на Франсуа-де-Сурди, а оттуда сразу к ним. Хочу сама его допросить.

Она нажала отбой. К ней возвращалась надежда. В конце концов их кропотливый труд себя оправдает. Они во всех подробностях восстановят передвижения и поступки жертвы и доберутся до его связи с убийцей. Она проверила, пришли ли на айфон фотографии Дюрюи. Пришли, и сразу несколько. Молодой панк выглядел не слишком привлекательно. Черные волосы торчком. Черные глаза в густой обводке. Пирсинг на висках, на крыльях носа, в уголках губ. Станный парень. Наполовину панк, наполовину гот. И стопроцентный фанат неформальной музыки.

Она уже катила по городу, вдоль набережных. Над эспланадой Кенконс светило солнце. С небес, словно промытых ливнем, на еще мокрые крыши домов лилась ослепительная голубизна. Анаис свернула на бульвар Клемансо, миновала шикарный квартал Гранз-Ом и, чтобы не соваться в центр, поехала по улице Жюдаик. Она не раздумывала над маршрутом; рефлекс, служивший ей чем-то вроде навигатора, вел ее сам.

На улице Франсуа-де-Сурди она быстро проскочила к себе в кабинет и проверила почту. Пришел отчет от координатора криминалистов, красавца араба. Они совершили сенсационное открытие: в глубине ямы нашлись частицы особой разновидности планктона, обитающего в прибрежной зоне моря в Стране Басков. Но главное, точно такой же планктон обнаружился под ногтями утратившего память мужчины – ковбоя из клиники Пьера Жане.

Анаис нетерпеливо схватилась за телефон. Ведь это же прямая связь между преступлением и великаном с амнезией! Димун повторил все, что изложил в своем отчете, а потом вдруг спросил:

– Вы знаете психиатра по имени Матиас Фрер?

– Да.

– Он ваш эксперт в этом деле?

– Мы не привлекали экспертов. С какой стати, если у нас пока нет ни одного подозреваемого? А почему вы спрашиваете?

– Он звонил мне вчера вечером.

– И чего он хотел?

– Узнать результаты анализов.

– С места преступления?

– Нет. С образцов, взятых с рук мужчины с амнезией.

– И вы ему все рассказали?

– Он утверждал, что звонит от вашего имени.

– А про планктон в яме вы ему тоже выболтали?

Димун ничего не ответил, но его молчание было красноречивее любых слов. Она не могла злиться ни на психиатра, ни на криминалиста. У каждого в этом деле свой интерес. На войне как на войне.

Она уже собиралась повесить трубку, когда Димун вдруг снова подал голос:

– У меня есть для вас кое-что еще. Новые результаты, которые пришли уже после того, как я отослал вам отчет. Я сначала глазам своим не поверил.

– Что же это?

– Мы обработали стенки ямы методом химической трансмутации. Это новый способ, благодаря которому можно снять папиллярные следы даже с мокрой поверхности.

– Вы нашли отпечатки?

– Несколько штук. И это не отпечатки пальцев жертвы.

– Вы сравнили их с отпечатками беспмятного?

– Только что. Это не его отпечатки. В яме побывал кто-то другой.

У нее по всему телу пробежали мурашки. *Третий. Убийца?*

– Я вам их высылаю? – не дождавшись ответа Анаис, спросил Димун.

– Давно пора.

Даже не попрощавшись, она бросила трубку. Да уж, хороша стратегия соблазнения красивого мужчины. Но ей сейчас было не до того. Значение имело только расследование. Перед тем как ехать в комиссариат на улицу Дюко, она набрала номер Зака – в конторе, как выяснилось, его не было.

– Зак, что у тебя нового?

– Пока ничего. Продолжаю трясти дилеров. Кое-кто знал Дюруи, но никто и слыхом не слыхивал про чистый героин. А что тебе удалось узнать на ферме?

– Потом расскажу. Окажи мне услугу, а? Заскочи в клинику Пьера Жане и проверь, там ли еще беспамятный с вокзала Сен-Жан. И предупреди психиатра – его зовут Матиас Фрер, – что днем я заеду с ним побеседовать.

– С психиатром или с беспамятным?

– С обоими.

\* \* \*

– Странное ощущение – знать, что едешь домой.

Они мчались по магистрали N10 по направлению к Стране Басков. Выехали раньше, чем планировали, еще до полудня. Фрер усадил Бонфиса на заднее сиденье. Великан устроился ровно посередине и обеими руками вцепился в спинки передних кресел. Как дитя малое.

За каких-нибудь несколько часов он совершенно преобразился. К нему на глазах возвращалась его подлинная личность вместе с повадками рыбака. Как будто его психика была соткана из какой-то эластичной, податливой ткани и сейчас постепенно обретала привычную форму.

– А что Сильви? Что она тебе сказала?

– Что рада твоему приезду. Она за тебя волновалась.

Бонфис энергично потряс головой. Широкие поля его шляпы загораживали обзор, и Фреру приходилось следить за дорогой через наружные зеркала.

– Слышь, док, я вот все думаю... Что же это со мной приключилось-то?

Психиатр не ответил. Он смотрел в покрытое изморосью ветровое стекло. По обеим сторонам дороги рядами тянулись сосны. Как же он ненавидел Ланды! Ненавидел этот бескрайний лес, эти деревья – слишком тонкие и прямые, уходящие корнями глубоко в песок. Ненавидел океан, прибрежные дюны и похожие один на другой пляжи. Бесконечная монотонность пейзажа внушала ему смутное чувство тревоги.

Он незаметно включил диктофон.

– Патрик! Расскажи мне о своей семье.

– Да нечего особенно рассказывать-то.

Перед отъездом Фрер немного поговорил с пациентом у себя в кабинете. Ему удалось составить его фрагментарный портрет. Пятьдесят четыре года. Последние шесть лет рыбачит в Гетари. До этого жил на юге Франции, подрабатывал где придется. В том числе на стройке – элемент, использованный подсознанием при сотворении его новой личности. Патрик как-то выкручивался, но постоянно балансировал на грани бродяжничества.

– У тебя есть братья или сестры?

Великан поерзал на сиденье. Фреру казалось, что от каждого его движения автомобиль слегка сотрясается.

– Нас было пятеро, – наконец произнес Патрик. – Два брата и три сестры.

– Ты с ними видишься?

– Не-а. Мы родом из Тулузы. Они все так там и остались.

– А родители?

– Померли. Давно уже.

– Значит, твое детство прошло в Тулузе?

– Под Тулузой. В Герене. Это такой типа пригород. Мы всемером жили в двушке.

Память возвращалась к нему, в мозгу оживали ясные и точные детали. Совсем не те бесформенные обрывки, которые можно извлечь с помощью гипноза или химии.

– А до Сильви у тебя были серьезные отношения с женщинами?

Великан помолчал, потом признался:

– Мне с бабами никогда не везло.

– То есть у тебя никого в жизни не было?

– Была одна. В конце восьмидесятых.

– Где?

– Неподалеку от Монпелье. В Сен-Мартен-де-Лондре.

– Как ее звали?

– Про это что, обязательно рассказывать?

Фрер молча кивнул. Он все так же безотрывно следил за дорогой. Бискарос. Мимизан. Мезос... Сосны, сосны, сосны. И морозящий дождь. Однообразие ландшафта все сильнее давило на нервы.

– Марина, – выдавил из себя Патрик. – Она хотела, чтобы мы поженились.

– А ты?

– Не так чтоб очень. Но мы все-таки поженились.

Матиас удивился. Выходит дело, однажды Бонфис все-таки решился остепениться.

– А дети у вас были?

– Нет. Я был против.

– Почему?

– Не забыл свое собственное детство. Ничего хорошего.

Фрер не стал дальше углубляться в эту тему. Полученных сведений достаточно, чтобы навести справки в архивах социальных служб. Не исключено, что Бонфис рос в нищете, с пьющими родителями, которые, вполне возможно, лупили своих отпрысков почем зря.

Склонность к диссоциативному бегству нередко уходит корнями в несчастливое детство.

– Так что у тебя произошло с Мариной? Вы развелись?

– Ни боже мой. Просто я слинял от нее, вот и все. По-моему, она сейчас в Ниме.

– А почему ты сбежал?

Он не ответил. Значит, в его жизни уже было одно бегство, правда без смены личности. Фрер представил себе человека, категорически не желающего брать на себя ответственность за что бы то ни было. Жизнь, состоящая из уверток, умолчаний и колебаний...

Он не спешил нарушать повисшее в машине молчание. Сквозь тучи проглянуло солнце, окрасив небо в желтовато-ржавые тона. За стеклом мелькали указатели с названиями все новых деревень. Осгор. Капбретон. Еще немного – и ландские леса останутся позади. При мысли об этом Матиас испытал облегчение. Он решил, что Бонфис уснул, когда зеркало заднего вида снова загородила его массивная фигура.

– Док, а со мной это может опять случиться?

– Да нет, с чего бы?

– Я ж ни о чем не помню. Что я тебе наболтал?

– Не бери в голову.

Если честно, Фрер как раз предпочел бы подробнейшим образом обсудить с пациентом каждую деталь его ложных воспоминаний. Расшифровать каждый знак, поданный подсознанием. Свою выдуманную подругу он назвал Элен Офер – откуда взялось это имя? Матиасу очень хотелось бы оставить Бонфиса у себя в отделении, чтобы исследовать каждую тропку в лабиринте его психики.

Очевидно, Патрик думал о том же, потому что он вдруг спросил:

– А ты и дальше будешь мной заниматься?

– Ну конечно. Я буду тебя навещать. Но мы станем работать в сотрудничестве с местными врачами.

– Я других *спихиатров* не хочу. – И вдруг совсем другим тоном: – А как же насчет разводного ключа? И телефонного справочника? Почему на них была кровь?

– Патрик, мне известно не больше твоего. Но, если ты мне доверяешь, обещаю, что все это мы выясним.

Великан скорчился на сиденье. Они проезжали мимо указателя, отмечающего выезд из Биаррица.

– Сверни тут, – сказал Бонфис. – Надо забрать мою машину. Я ее на парковке оставил.

– У тебя была машина? Ты точно помнишь?

– Ну вроде да.

– А ключи где?

– Блин, – проворчал тот, машинально охлопывая карманы. – И то верно. Ни фиги не помню.

– А документы?

Бонфис совсем пал духом:

– Ну ни шиша не помню. Куда я мог их подевать?

Фрер свернул направо и поехал в направлении к Биаррицу. Атмосфера в салоне разительно изменилась. В небесах уже вовсю сияло солнце. Они катили по улочкам, то прихотливо карабкавшимся вверх, то резко спускавшимся вниз. Потянулись дома с красными и голубыми фахверковыми стенами – след иных веков и иной культуры. С вершины каждого холма на них глядели плотно притиснутые одна к другой розовые черепичные крыши, за которыми угадывалось море. Город был красив нетронутой, яркой, почти первобытной красотой.

– Хрен с ней, с тачкой, – глухо произнес Бонфис. – Езжай вдоль побережья. Сейчас будет Бидар. А за ним – Гетари.

Они устремились по дороге, вьющейся меж можжевельных и вересковых зарослей. Курортные домики стояли здесь так плотно, что едва не наползали один на другой. В этих шатких сооружениях уже не прослеживалось ни намек на традицию или хотя бы гармонию. Но, несмотря ни на что, надо всем витал аромат какой-то



баскской древности, перебивавший все остальные запахи – сосен, утесника и тамариска, подступавших чуть ли не к порогу каждого домишки. Над всем побережьем носился соленый ветер с моря, окрашивая все вокруг золотистым румянцем.

Матиас невольно заулыбался. Надо сюда переселиться, сказал он себе. Дорога неожиданно сузилась – двум машинам не разъехаться – и вывела их на тенистую деревенскую площадь. Они прибыли в Гетари. Снова появились дома с фахверками, стоящие плотно, плечо к плечу, словно собравшиеся пошутиться кумушки, с неодобрением поглядывая на расположившиеся внизу террасы кафе. Вдали виднелась стена для игры в пелоту, похожая на приветственно поднятую руку, – добро пожаловать в Страну Басков.

– Прямо, – хриплым от волнения голосом произнес Бонфис. – Почти приехали.

\* \* \*

Матиас Фрер считал себя человеком закаленным, но встреча Патрика и Сильви проняла его едва ли не до слез. Два немолодых уже человека, по-настоящему – это сразу чувствовалось – влюбленных друг в друга. Оба застеснялись постороннего, и их робкие переглядывания, шепот и сдержанные объятия трогали сильнее, чем выражение самых бурных восторгов.

Да и выглядели они, мягко говоря, не слишком презентабельно. Сильви оказалась невысокого роста краснолицей морщинистой теткой. Нечистая, в прожилках сосудов кожа выдавала в ней бывшую пьянчужку. Должно быть, она, как и Патрик, какое-то время жила под открытым небом. Оба они успели на своем веку хлебнуть горя, пока наконец не нашли друг друга.

Декорации, в которых разворачивалась эта сцена, вполне соответствовали ее скромной поэзии. Причал в Гетари на поверку оказался всего-навсего зацементированным склоном, где стояли на

приколе несколько разноцветных лодок. Погода успела испортиться. Небо заволкло тучами, сквозь которые упорно пытались пробиться слабые солнечные лучи, озаряя землю тусклым, словно пропущенным через толстое стекло светом. Как будто и люди, и пейзаж находились на дне бутылки, заняв место миниатюрного кораблика.

– Пряма не знаю, как вас и благодарить, – поворачиваясь к Матиасу, сказала Сильви.

Он молча поклонился. Сильви махнула в сторону деревянного настила, протянувшегося вдоль нависавшей над морем скалы:

– Давайте пройдемся.

Фрер послушно двинулся за ней. Сальные волосы, бесформенный свитер, вытянутые спортивные штаны, стоптанные кроссовки... После всего, что жизнь сотворила с этой женщиной, выжили только ее глаза – живые и блестящие, словно два камешка, отполированные дождем.

Она обошла лежащие на берегу лодки и направилась к мостику. Патрик уже шагал к лодке, покачивавшейся на волнах в нескольких метрах от пирса. По всей видимости, это и была его знаменитая посуда, послужившая причиной случившегося с ним срыва. На корме горделиво сверкала надпись желтыми буквами: «Юпитер».

Фрер нагнал Сильви, цепляясь за бортик ходуном ходящего настила. Она стояла, ни разу не покачнувшись, и одной рукой сворачивала сигарету.

– Вы можете объяснить мне, что произошло?

Фрер рассказал ей всю историю. Вокзал Сен-Жан. Психотическое бегство Патрика. Его подсознательное желание стать кем-то другим. Случайная встреча с медсестрой из Гетари. О следах крови на разводном ключе и телефонном справочнике, равно как и о трупe, обнаруженном на вокзале Сен-Жан, он предпочел не распространяться: пусть с этим разбирается Анаис Шатле, которая конечно же не замедлит сюда явиться.

Сильви слушала его не перебивая. В пальцах у нее откуда ни возьмись возникла большая тяжелая зажигалка. Она закурила самокрутку.

– Прямо не верится, – после паузы хрипло выдавила она.

– В последние дни перед исчезновением в его поведении не было ничего странного?

Она пожала плечами. Спутанные пряди волос прилипли к ее изможденным щекам. Она курила, глубоко затягиваясь и выпуская паровозные клубы дыма, немедленно уносимые морским ветром.

– Патрик не больно-то много рассказывает...

– А раньше он никогда не пропадал? Не страдал потерей памяти?

– Нет.

– Так что у него возникли за проблемы?

Она молча сделала пару шагов вперед. У них под ногами ворчало море. Море шумно, с рокотом, дышало. Отступало назад, чтобы с удвоенной силой обрушиться на берег.

– Деньги, вот и все проблемы. Ничего нового. Патрик взял в банке кредит, чтобы купить лодку. Хотел сам себе быть хозяином. Только сезон выдался дрянной.

– В течение года бывает несколько рыбацких сезонов, верно?

– Я про самый важный. Октябрьский. Когда идет белый тунец. Ну а заработали мы только-только на жизнь и чтобы расплатиться с ребятами, которые нам помогали. А на кредит ничего не осталось...

– Каким образом вам удалось получить кредит в банке? Они ведь, наверное, потребовали первый взнос?

– Взнос я заплатила.

Фрер не смог скрыть удивления, и Сильви улыбнулась:

– Может, по мне и не скажешь, но у меня имеется кое-какая собственность. Вернее сказать, имелась. Домишко в Бидаре. Мы его продали и вложили деньги в лодку. Только не заладилось у нас. Поставщикам задолжали. Проценты банку выплачивали. Вам не понять.

В глазах Сильви Матиас принадлежал к классу миллиардеров. Он на нее не обиделся. Его переполняли эмоции, мешавшие связно мыслить. Волны били в берег, поднимая тучи брызг, серебрившихся на солнце. На губах Матиас ощущал привкус соли, в глазах плясали солнечные зайчики.

Женщина обернулась через плечо посмотреть, чем занят Патрик. Он уже запрыгнул на борт лодки и копался у нее на дне, очевидно, проверял состояние мотора. Она смотрела на него материнским взглядом.

– Он что-нибудь рассказывал вам о своей... о своей прежней жизни?

– Про жену, что ль? Он не любит языком трепать, но я про нее знаю. Это не секрет.

– Он с ней общается?

– Никогда. Они разругались вдрызг.

– Почему он не разведется?

– На какие шиши?

Фрер не стал углубляться в эту тему, о которой имел самое приблизительное представление. Женитьба. Брачный договор. Развод. Все эти понятия оставались для него чистой абстракцией.

– А про свое детство он когда-нибудь с вами говорил?

– Так вы и правда ничего не знаете, – с легким оттенком презрения ответила она.

– Чего я не знаю?

– Он убил своего отца.

Матиас сглотнул ком в горле.

– Его папаша собирал металлолом, – продолжила она. – Патрик ему помогал.

– В Герене?

– Не помню названия. Какой-то пригород. Там жила его семья.

– И что же произошло?

– Они подрались. Папаша пьяный был, на ногах не стоял. И упал в чан с кислотой. Они в нем ржавые железяки держали. Патрик его

вытащил, но старикан уже дал дуба. Патрику тогда всего пятнадцать лет было. Лично я считаю, что это был просто несчастный случай.

– А дело расследовали?

– Без понятия. Во всяком случае, Патрика не посадили.

Это легко проверить. Догадка Матиаса находила свое подтверждение. Тяжелое детство. Семейная трагедия, оставившая трещину в подсознании подростка. И эта дыра все ширилась и ширилась, пока полностью не поглотила его личность.

– А что с ним потом стало? Он не ушел из дома?

– Он в Легион завербовался.

– В Иностраннный легион?

– Он считал себя виновным в смерти отца. А преступникам одна дорога – в Легион.

Они добрались до края мостика. Не сговариваясь, повернули обратно и медленно пошли к причалу. Сильви без конца бросала на Патрика короткие взгляды. Рыбак, увлеченно копавшийся в моторе, казалось, забыл об их существовании.

– У Патрика когда-нибудь были трения с полицией? – снова заговорил психиатр.

– Да что вы такое городите? Если люди бедные, значит, они обязательно бандюги? Ну да, у Патрика бывали трудные времена, но по кривой дорожке он никогда не ходил!

Фрер задумался. Он пытался сопоставить ложные воспоминания Паскаля Мишелля с подлинными фактами биографии Патрика Бонфиса.

– Вы когда-нибудь бывали в районе Аркашона?

– Нет, никогда.

– Вам что-нибудь говорит имя Тибодье?

– Ничего.

– А имя Элен Офер?

– Это еще кто такая?

Фрер улыбнулся, давая собеседнице понять, что с этой стороны ей ничто не грозит. Женщина снова вытащила кiset с табаком и лист

папиросной бумаги. Несмотря на расстроенный вид, она в несколько секунд ловко свернула новую сигарету.

– Он вам рассказывал про сон, который ему часто снится?

– Что за сон?

– Как будто он в солнечный день идет по деревне. Потом раздается взрыв, и на стене остается его тень.

– В первый раз слышу.

Вот и еще одно подтверждение. Сон начал сниться Патрику вследствие перенесенной психической травмы. Что там рассказывал Паскаль Мишель? Он же Петер Шлемиль? Что-то о Хиросиме...

– Патрик любит читать?

– Не оторвешь от книжки. У нас не дом, а муниципальная библиотека.

– А какие книги он читает?

– Все больше по истории.

Фрер решил, что пора задать ключевой вопрос:

– Скажите, а в тот день, когда Патрик поехал в банк, он не упоминал, что у него назначена еще какая-то встреча? Он больше никуда не собирался?

– Послушайте, вы что – легавый? Чего вы меня все спрашиваете?

– Я должен понять, что с ним произошло. Я имею в виду, что произошло у него в голове. Мне необходимо шаг за шагом восстановить события того дня, который для него закончился потерей памяти. Иначе мне его не вылечить.

Она ничего не ответила, только махнула рукой с зажатым в ней окурком, прочертившим во влажном воздухе красную дугу. Курила она жадно, глубоко затягиваясь. Они молча дошли до причала. Бонфис по-прежнему ковырялся в моторе. Время от времени над бортом лодки показывалась его голова. Даже с такого расстояния было видно, что на его лице замерло выражение безмятежного счастья.

– Мне придется еще раз приехать, поговорить с Патриком, – предупредил Фрер.

– Нет, – отрезала Сильви, швыряя в море окурок. – Оставьте его в покое. Вы много для него сделали, спасибо вам большое. Но теперь я сама им займусь. Я, может, не такая ученая, как вы, зато я знаю Патрика. Все, что ему нужно, – это поскорее забыть всю эту историю.

Фрер понял, что торговаться с ней бесполезно, во всяком случае сейчас.

– Ну хорошо, – сдался он. – Но я все-таки оставлю вам координаты кого-нибудь из своих коллег в Байонне или в Сен-Жан-де-Люзе. Вы должны понимать, что случившееся с ним – не шутки. Ему необходима медицинская помощь.

Женщина промолчала. Фрер пожал ей руку и сделал прощальный жест в сторону Патрика, который радостно замахал ему в ответ.

– Завтра я вам позвоню, ладно?

Она снова промолчала – или ее слова отнесло ветром? Фрер медленно поднялся по цементному спуску. Добравшись до своей машины, он еще раз обернулся. Сильви качающейся походкой уже спешила к своему возлюбленному.

Психиатр сел за руль и тронул автомобиль с места.

Он поможет этим двум горемыкам, не спрашивая, хотят они того или нет.

\* \* \*

– Я ищу щель в мироздании.

Черная рука обшаривала потрескавшуюся стену камеры вырезвителя.

– Как найду, только вы меня и видали...

Анаис воздержалась от комментариев. Она уже десять минут выслушивала бред, который нес нищий попрошайка по имени Рауль. И ее терпение иссякло.

– Надо только не сбиться с курса, – поделился с ней клошар, пристально изучая очередную трещину в стене.

Анаис перешла к решительным действиям. Достала из пластиковой сумки картонный пакет с вином, купленный по дороге. Глаза Рауля мгновенно загорелись жадным огнем. Схватив пакет, он быстро отвинтил пробку и в два глотка осушил его.

– Так что насчет Филиппа Дюрюи?

Нищий вытер рот рукавом и громко рыгнул. Его красная рожа наводила на мысли о дохлом животном, запутавшемся в колючей проволоке. Щетина на подбородке, волосы, брови стояли торчком, словно стальные прутья, воткнутые в окровавленную плоть.

– Фифи-то? Фифи я знаю! Он всегда говорит, что сердце у него работает в режиме сто двадцать, а мозг – в режиме восемь и шесть.

Анаис поняла, о чем он. 120 ударов в минуту – в таком ритме исполняется музыка техно. А 8,6 градуса – это крепость пива «Бавария». «Пива чемпионов» – панков, рокеров и прочих маргиналов. Рауль говорил о Фифи в настоящем времени. Следовательно, не знал о смерти парня.

– Если честно, он псих. Натуральный псих.

– Я думала, вы с ним друзья.

– Дружба не мешает объективности оценок.

Анаис чуть не расхохоталась. Меж тем доморощенный философ продолжал:

– Фифи – он такой. У него семь пятниц на неделе. То сидит на герыче, то уходит в глухую завязку. То слушает металл, то тащится от техно. Сегодня он гот, а завтра, глянь, – уже панк...

Анаис попыталась представить себе образ жизни погибшего мальчишки. Бродяжничество, наркотики, драки. Героиновое блаженство, глюки от экстази, ночи под забором, пробуждение в неизвестных местах. Без понятия, как он сюда попал и что делал накануне. И так день за днем. А в глубине души – вечная надежда, что не сегодня завтра он соскочит с иглы.



Рауль пустился в рассуждения о музыкальных пристрастиях Дюрюи:

– Я ему говорю: музыка твоя – это все говно. Они же ничего своего не придумывают, только копируют. Мэрилин Мэнсон – это Элис Купер. Техно – тот же Крафтверк. А «Ар-энд-Би»...

– Айзек Хейз.

– Точно! Тырят чужие песни и выдают за свои!

– А на что Фифи жил?

– На то, что подадут. Как и я.

– В Бордо?

– И в Бордо, и в других местах. Слышь, а у тебя еще выпить нету?

Анаис достала из сумки вторую картонку. Рауль высосал ее за долю секунды. На сей раз он не рыгал, но Анаис испугалась, как бы он не напрудил в штаны. На нем было пальто из ломаной саржи, но до того замызганное, что рисунок ткани уже не просматривался. Штаны от спортивного костюма от грязи стояли колом. Из-под стертых до корда сандалий выглядывали черные голые ноги. Анаис старалась не дышать носом, хотя на всякий случай смазала ноздри пахучей мазью «Vicks VapoRub».

Рауль размахнулся и запустил опустевшим пакетом в стену камеры. Анаис поняла, что надо ковать железо, пока горячо.

– Пару дней назад Фифи говорил тебе про ангела...

Рауль забился в угол, сел на пол и, дергая плечами, принялся чесать спину – точь-в-точь животное.

– Ха, ангел! – хмыкнул он. – Мужик пообещал дать ему ангельской пыли.

*Убийца.* Наконец-то разговор подошел к сути дела.

Анаис наклонилась к Раулю и, отчетливо произнося каждый слог, спросила:

– Он хорошо его знал?

– Не-а. Только познакомились.

– Что именно он тебе о нем рассказал?

– Что тот отправит его на небеса. И почему-то все время болтал про какого-то святого Юлиана...

– Святого Юлиана Странноприимца?

– Ага, про него самого.

– А почему?

На Рауля снизошло озарение.

– Фифи в школе мало учился, но эту легенду он хорошо запомнил. Один принц по ошибке убил своих родителей. Убежал из дому и стал на реке перевозчиком. И вот однажды приходит к нему прокаженный и просит перевезти через реку. Юлиан его принял, накормил и согрел своим телом. И тогда прокаженный взял его с собой на небеса. Потому что это был Иисус Христос. Так вот, Фифи болтал, что этот ангел и к нему пришел. И что он отправит его напрямиком на седьмое небо...

– Почему он вспомнил именно эту легенду?

– Потому что его ангел тоже был прокаженный.

– Прокаженный?

– Ну, у мужика вся рожа была замотана тряпками.

Анаис попыталась воочию представить себе, как все это происходило. Человек с закутанным лицом знакомится с Филиппом Дюрюи. Предлагает ему небывалый кайф. Парень начинает размышлять над личностью доброхота, и его воображение подсказывает ему разные версии, в том числе совершенно фантастические. Любопытно, попала ли их беседа хоть на одну из камер наблюдения?

– Когда ты виделся с Фифи в последний раз, что точно он тебе сказал?

– Что вечером у него встреча с прокаженным. И что они вместе переправятся через реку. Хрень полная.

– А где они должны были встретиться?

– Не знаю.

– А ты где с ним виделся?

– На набережной. В районе Сталинградской площади. Фифи чуть из штанов не выпрыгивал, до того ему не терпелось бежать к этому типу.

– В котором часу это было?

– Не помню. Ближе к вечеру.

Анаис не собиралась упустить ни одной детали:

– У Фифи есть собака?

– А как же! Как у каждого бомжа! Слышь, а у тебя еще бухло есть?

– Нет. Как зовут собаку?

– Мирван. В честь грузинского святого. Говорю же, Фифи – малый с приветом.

– Собака в тот вечер была с ним?

– А то!

– А после этого ты где-нибудь видел его собаку?

– Не-а. Ни псину, ни самого Фифи.

Он говорил все тише. Заряда энергии хватило ненадолго. Глаза у Рауля погасли. Возможно, новая доза горючего оживила бы его, но запасы Анаис иссякли. Она выпрямилась, стараясь не коснуться невзначай осевшей перед ней груды грязи.

– Сейчас тебя выпустят.

Она постучала в застекленный дверной проем камеры. Тут же появился охранник.

За спиной у нее раздался голос Рауля:

– А чего там с Фифи-то случилось?

– Пока неизвестно.

Рауль громко расхохотался:

– Вы, легавые, всех держите за дураков, но главные придурки – вы сами. Ты что, думаешь, я не просек, что Фифи откинул копыта?

Она молча вышла из камеры. Не вышла, а выскочила, как косточка из гнилого персика. Рукавом вытерла под носом мазь. Бросила взгляд на часы: полдень. Она явственно слышала, как с тиканьем убегают секунды, напоминая ей, что обратный отсчет давно идет. Как она надеялась на этот разговор! Но он почти ничего не дал.

Уже садясь в машину, она позвонила Ле-Козу. За два часа ее коллега превратился в эксперта по производству и продаже имальгена. Он составил полный список тех, кто в последние четыре недели выписывал рецепт на препарат. Теперь оставалось только обзвонить всех ветеринаров и все учреждения, специализирующиеся на лечении животных. Затем следовало проверить склады, заказы и отчеты о продажах. Работа на целый день.

В рамках версии об ограблении удалось установить, что в январе нападению подверглись две ветеринарные клиники – одна близ Бордо, вторая – в окрестностях Либурна. Но и от этого следа отчетливо пахло пустышкой. Ле-Коз навел справки и выяснил, что на человека кетамин оказывает галлюциногенное воздействие. Существует даже нечто вроде подпольной сети торговли препаратом. По мнению полицейских, занимавшихся расследованием обоих случаев ограбления, подозрение скорее падало на наркоторговцев...

Анаис поинтересовалась, как дела у Джафара. Тот не узнал ничего существенного ни о собаке Дюрюи, ни о том, где он добывал себе одежду. От Зака и Конанта новостей тоже пока не было.

– Ты в конторе? – завершая разговор, спросила она.

– Ну да.

– Отпечатки от криминалистов пришли?

– Час назад.

– И?

– По базе данных еще не прогнали. У нас тут вирус.

Полицейские комиссариаты снабжаются самыми дешевыми компьютерами и самыми примитивными программами. Поломки и сбои в работе – штатное явление на каждом участке.

– А что наш эксперт говорит?

Экспертом они между собой называли лейтенанта полиции, аж целую неделю проучившегося на курсах информатики. Ле-Коз красноречиво молчал.

– Блин, – сквозь зубы выругалась Анаис. – Вызови компьютерщика. Настоящего.

– Уже вызвал.

– Кого?

– Своего соседа по лестничной площадке. Он программист. Игрушки мастерит.

У Анаис вырвался нервный смешок. Все это было уже слишком. Она представила себе помешанного на компьютерах чудака, протягивающего руку помощи полиции. Контркультура в союзе со стражами порядка.

– И что он сказал?

– Он уже все починил.

– Так ты подключился к центральной картотеке?

– Нет.

– Почему?

– Мы тетрадь потеряли.

Проклятье! По настоянию начальства для работы с каждой программой требовалось ввести пароль – сочетание букв и цифр, не поддающихся запоминанию. Всю эту чертовщину записывали в особую тетрадь – одну на всех.

Нет тетради – нет пароля.

Нет пароля – нет доступа к базе данных.

Анаис включила зажигание. Эксперты! Тиканье часов все больше действовало ей на нервы. Она отбросила телефон и снова вспомнила о Заке. Он получил задание съездить в клинику и проверить, как там мужчина с потерей памяти. Подозреваемый номер один. Но почему Зак ей не звонит? Рука опять потянулась за телефоном.

\* \* \*

– Это что еще за шуточки? Что вы себе позволяете?

Анаис не говорила, а рычала. Фрер попытался ее образумить:

- Как врач, я взял на себя смелость перевезти пациента...
- Свидетеля преступления?
- Пациента с потерей памяти.
- Вы обязаны были сообщать нам о каждом его слове и поступке.
- Неужели?

Фрер катил по магистрали N10. Ну вот, Анаис Шатле уже узнала о том, что он лично увез из клиники Бонфиса. Кроме того, она успела переговорить с координатором экспертно-криминалистической службы, который поведал ей о его вчерашнем обмане, а главное, рассказал, что на руках Бонфиса и в ремонтной яме обнаружены следы планктона. Вообще-то она имела полное право возмущаться.

– Меня от вас уже тошнит! За кого вы себя принимаете? – негодовала Анаис.

– В каком смысле – за кого я себя принимаю?

– Вот именно! Строите из себя знатока человеческих душ! Лепите убийственные диагнозы! Тоже мне, спаситель человечества! Мы расследуем убийство, черт бы вас побрал! Кто вам разрешил вмешиваться в дела полиции?

– Повторяю, мой пациент...

– Ваш пациент – подозреваемый номер один.

– Вы мне об этом не говорили.

– А вы со вчерашнего дня в курсе, что он наследил в яме. Вам этого мало?

– Нет никаких доказательств того, что он...

– Соучастие в побеге – раз. Незаконное получение информации по делу о расследовании уголовного преступления – два. Знаете, на сколько это тянет?

Перед Фрером снова тянулись бесконечные ландские леса. Корабельные сосны упирались вершинами в самые небеса. Опять начал накрапывать дождь.

– Послушайте. – Он говорил тем же внушительным тоном, каким привык обращаться к самым буйным из своих пациентов. – У меня

есть для вас новости. Мы установили личность этого человека.

– Что?!

Матиас коротко изложил события первой половины дня. Анаис слушала его не перебивая. Он уже решил было, что заработал очко в свою пользу, когда она обрушила на него весь свой гнев:

– Вы утверждаете, что к мужчине вернулась память, после чего вы как ни в чем не бывало отвезли его домой?

– К нему вернулась *не вся* память. Он не помнит, что произошло на вокзале Сен-Жан. Ему...

– Завтра утром я отправлю за ним сотрудника. Мы арестуем вашего ковбоя!

– Не делайте этого! Дайте ему хотя бы несколько дней. Он должен успокоиться, прийти в себя.

– О чем вы? Опомнитесь! Мы с вами не в санатории работаем!

Фрер призвал на помощь всю свою выдержку:

– Мы с вами в равной мере заинтересованы в том, чтобы Патрик Бонфис полностью восстановил свою прежнюю личность. Только при этом условии он сможет вспомнить о том, что случилось в последние часы перед тем, как он утратил память и...

– Я не его, а вас первым арестую!

Она резко нажала отбой.

Фрер еще некоторое время держал трубку возле уха. По обеим сторонам дороги все бежали и бежали сосны. Он только что миновал Липосте и подъезжал к повороту на магистраль А63. И в ту же секунду поймал в зеркале заднего вида отблеск фар. За ним следовал черный внедорожник. Фрер готов был поклясться, что полчаса назад видел эту машину.

Он постарался внушить себе, что ничего страшного не происходит. В наше время вождение превратилось в чисто механическое занятие. Автомобили катят друг за другом, на каждом стоит ограничитель скорости, а люди, сидящие за рулем, думают только о том, как бы не нарваться на радар или дорожную полицию. Но белый свет фар продолжал неотступно преследовать его...

Ему почти удалось успокоить самого себя, когда до него дошло, что в машине сидят двое мужчин в черном. Те самые, что околачивались возле его дома. Только тогда он обратил внимание на марку автомобиля. Внедорожник «ауди». Модель Q7.

Матиас резко сбросил скорость до 30 километров в час. Несмотря на пелену дождя, он увидел, что «ауди» в точности повторила его маневр. В глубине глаза вспыхнула боль, словно в черепной коробке, пульсируя, включился красный сигнал тревоги.

Он надавил на акселератор. Внедорожник тоже ускорил ход, не отпуская его от себя ни на метр. Боль за глазницей, многократно усилившись, собралась в одной точке. Матиасу казалось, что у него в голове загорелся фонарь. Руки покрылись липким потом, так что стало трудно удерживать руль. Дождь хлестал уже вовсю, слепящий, яростный, словно задался целью смыть с земной поверхности все, что ее загромождает.

Справа от дороги отходило боковое ответвление. Фрер, не рассуждая, крутанул руль. Он даже не успел прочитать на указателе название населенного пункта. Сейчас он находился в самом сердце Ланд. Дорога вывела его на департаментское шоссе, он еще раз свернул направо и прибавил скорость. Километр. Два километра. Вокруг стеной стояли сосны. Ни деревеньки, ни какой-нибудь хижины, ни автозаправки. Ничего. Идеальное место для нападения. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида: Q7 следовала за ним по пятам. С зажженными фарами.

Фрер порылся в кармане и извлек мобильник. Сбросил скорость до 70 километров в час. Выбрал в меню опцию «Фото» и направил объектив аппарата на машину. Потом увеличил масштаб и попытался поймать в кадр радиаторную решетку. Его интересовали номера автомобиля. Он сделал несколько снимков, меняя ракурс, после чего снова надавил на педаль газа. Впереди не было видно ничего, кроме отвесных струй дождя и выстроившихся шеренгами деревьев. У него было ощущение, что он продирается сквозь решетчатый забор.

И тут справа показалась грунтовая дорога.



Словно открытая рана, прорезавшая зеленое тело леса.

Фрер свернул, и машина тут же увязла колесами в грязи. Он дал задний ход, потом рванул вперед. Мотор натужно урчал, но автомобиль буксовал на месте. Ветровое стекло залепило красновато-коричневыми брызгами. Да, здесь нужна машина с четырьмя ведущими колесами, подумал он и тут же перевел взгляд на зеркало заднего вида. Внедорожник исчез.

Он снова надавил на акселератор. Машина взвизгнула, кашлянула, но выбралась из ямы. Снова сосны. Папоротники. Можжевельники. Фрер с трудом продвигался вперед. В окна колотили ветки, из-под колес летели комья грязи, со всех сторон слышался треск ломаемых сучьев. Машина еле ползла, продираясь сквозь кустарник, проваливаясь в колдобины и подпрыгивая на ухабах. Фрер сидел, вцепившись в руль, не спуская глаз с дороги. Подсознательно он все время ждал чего-то вроде засады у себя на пути. Огромной лужи. Канавы. Завала.

В свете фар мелькнул лежащий поперек дороги древесный ствол. Фрер ударил по тормозам и одновременно крутанул руль. Пара секунд – это много или мало, чтобы понять, что сейчас ты умрешь? Машина вильнула в сторону, ее занесло, и она грузно шлепнулась в болотце. Мотор заглох. Колеса заклинило.

Фрер перестал дышать. Руль упирался ему в ребра. Лбом он разбил ветровое стекло. У него болело все тело. Лицо кровоточило. Впрочем, он понимал, что еще легко отделался. Некоторое время он просидел скрючившись, чувствуя, как с каждой секундой кровь возобновляет свой бег по жилам.

Дождь барабанил по крыше и окнам машины, хлестал по ветвям деревьев. Матиас с трудом растегнул ремень безопасности. Подсунул два пальца под дверную ручку и сильнее надавил плечом. Инерция движения вытолкнула его наружу, и он со всего размаху сел в лужу. Приподнялся на колене. Вокруг лило как из ведра. И – никаких признаков внедорожника. Все-таки он сбросил их с хвоста.

Постанывая, он поднялся на ноги. Опершись спиной об автомобиль, осмотрел свои руки. Они тряслись мелкой дрожью. В том же сумасшедшем ритме билось сердце. Он простоял несколько минут не двигаясь. К шуму дождя примешивалось завывание ветра в кронах деревьев. Матиас прикрыл глаза. Его охватило ощущение, что он погружен в воду. Он действительно промок насквозь, но вода словно смывала с него только что перенесенный страх. Он вдыхал запахи смолы, мха и палой листвы. Пока не понял, что закоченел.

Благодаря холоду сердцебиение вернулось в норму, и он снова сел в машину. Закрыв дверцу. Врубил печку на максимальную мощность. И задумался. Кто эти двое мужчин? Почему они его преследуют? Поджидают ли они его на дороге? Ответов на эти вопросы у него не было.

Фрер включил зажигание и пустил машину задним ходом. Он ведь даже не проверил, насколько глубоко она увязла. Колеса какое-то время вращались вхолостую, но вот наконец коснулись твердой земли. Поднимая вокруг фонтаны грязи, машина медленно сдвигалась с места, как корабль, который перетаскивают посуху. Матиас все продолжал пятиться задним ходом, высунув в окно голову. Метров через сто он сумел развернуться.

Уже выбравшись на шоссе, ведущее в Бордо, он попытался более спокойно проанализировать то, что с ним случилось. Тело ломило – не исключено, что пара ребер у него все же треснула, – зато боль не давала расслабиться и начать клевать носом. Он стал вспоминать, когда именно в первый раз засек мужчин из черной «ауди».

В ночь с пятницы на субботу. В тот вечер он дежурил.

В ту ночь в его отделении появился Патрик Бонфис.

Фрер прилаживал друг к другу фрагменты головоломки. Потерявший память Бонфис. Вечерние соглядатаи. Убийство на вокзале Сен-Жан. Существует ли связь между этими фактами? Возможно, Патрик Бонфис видел, как убийца затаскивал в яму тело Минотавра. Возможно, он видел *и что-то еще*. Что-то, что

чрезвычайно интересуется парочку в похоронных костюмах. Или что-то, чего они до крайности боятся.

– Может, они боятся, что Бонфис заговорит?

– А с кем он заговорит? Со своим «спихиатром».

\* \* \*

– Что это?

Анаис стояла в дверях с бутылкой красного вина в руках.

– Белый флаг. Предлагаю перемирие.

– Входите, – с улыбкой пригласил ее Матиас Фрер.

Для нее не составило никакого труда найти домашний адрес психиатра. На часах было восемь вечера – идеальное время для неожиданного визита. Ради такого случая Анаис переоделась в платье из индонезийского батика, расписанное золотистыми узорами, – такие были в моде в семидесятых годах. Правда, в последний момент испугалась собственной дерзости и натянула под платье джинсы. Результат ее не особенно удовлетворил, хотя под платье она надела бюстгальтер, зрительно увеличивающий грудь, который приберегала для особых случаев. Немного блесков на щеки, заколки в прическу, таблетка долипрана, – и она сочла, что готова к штурму.

– Так вы меня впустите?

– О, простите!

Он посторонился, пропуская ее в дом. Выглядел он, как обычно, каким-то помятым. Свитер без горла, рубашка с криво застегнутым воротником, вытертые джинсы, волосы торчком. Этаким университетский профессор, обаятельный неряха, которому не в силах противостоять ни одна студентка, хотя сам он об этом даже не догадывается.

– Как вы узнали мой адрес?

– Всю команду заставила носом землю рыть.

Она вошла в гостиную. Белые стены. Скрипучий паркет. Фанерованные двери. Почти никакой мебели, кроме древнего дивана. И множество выстроившихся вдоль стен картонных коробок, в каких пакуют вещи при переезде.

– Вы недавно переехали или собираетесь переезжать?

– Тот же самый вопрос я задаю себе каждое утро.

Она сунула ему в руку вино:

– Это медок. Я состою членом клуба дегустаторов. Вчера купила несколько бутылок. Прекрасное вино, вот увидите. Букет у него тонкий, но плотный. Вкус ярко выраженный, не без терпкости. Его...

Психиатр явно растерялся, и Анаис оборвала себя на полуслове:

– Что-то не так?

– Извините меня, ради бога. Но дело в том, что я не пью вина.

Анаис так и застыла с разинутым ртом. Сколько она жила в Бордо, но подобное слышала впервые.

– А что же вы пьете?

– Колу без сахара.

Она невольно хихикнула:

– Ну тогда и меня угостите.

– Сейчас принесу бокалы, – сказал он и развернулся в сторону кухни. – А вы пока присаживайтесь.

Анаис окинула комнату цепким взглядом. У стены напротив дивана стояла плазма. Возле остекленной стены на козлах лежала доска, служившая хозяину письменным столом. От стоящей на полу лампы падал неровный свет. Судя по всему, психиатр превратил обычный семейный дом в подобие безликого сквота.

Она невольно улыбнулась. Похоже, Фрер живет один. Ни одной фотографии, ни намека на присутствие женщины. У него нет ни друзей, ни любовницы – только работа. Она навела справки: он поступил на работу в клинику в начале января. Перевелся из Парижа. Ни с кем не общается. Интересуется только своими пациентами. Закоренелый холостяк – из тех, что горячее едят только

в столовой в обеденный перерыв, да если вдруг коллега пригласит к себе домой на ужин.

Она подошла к письменному столу. Заметки. Книги по психиатрии, многие на английском языке. Распечатки текстов, скачанных из Интернета. Клочки бумаги с нацарапанными на них номерами телефонов. Все свидетельствовало о том, что психиатр ведет собственное расследование. Вот только о ком он собирает сведения? Неужели о потерявшем память пациенте?

Рядом с принтером лежало несколько только что распечатанных фотографий. Номерные знаки автомобиля. Снимали под дождем. За кем следил врач? Она наклонилась, чтобы рассмотреть снимки получше, но в это время у нее за спиной раздался звук шагов. Матиас нес из кухни бокалы и банки с кока-колой.

– Симпатично у вас, – сказала она, снова подходя к дивану.

– Смеетесь, что ли?

Он поставил банки прямо на пол. Они были черного цвета, в каплях влаги.

– Извините, у меня даже журнального столика нет.

– Подумаешь!

Фрер по-турецки уселся на пол.

– А вы устраивайтесь на диване, – предложил он ей.

Анаис так и сделала. Она возвышалась над ним, словно королева над подданным. Они взяли себе по банке. Бокалы оба проигнорировали. Чокнулись, глядя друг другу в глаза.

– Я не знаю, который час, – пробормотал он. – Может, вы есть хотите? У меня, правда, ничего особенного нет, но...

– Да бросьте вы. Я пришла к вам отпраздновать хорошие новости.

– По поводу?

– По поводу расследования.

– Значит, вы меня не арестуете?

Она улыбнулась:

– Я погорячилась.

– На самом деле это я повел себя как идиот. Надо было вас предупредить. Но я в тот момент думал только о своем пациенте. О том, что будет лучше для него, понимаете? – Он отпил глоток колы. – Так что у вас за новости?

– Во-первых, мы опознали жертву. Бездомный парень. Таскался по фестивалям рок-музыки. Сидел на героине. Регулярно навещался в Бордо. Убийца всадил ему дозу наркотика невероятной концентрации. И парень умер. Затем убийца занялся мизансценой. Бычья голова и все прочее...

Фрер слушал ее с напряженным вниманием. До этой минуты правильные черты его лица выражали некоторую растерянность, но, стоило ей заговорить о деле, застыли, превратившись в маску сосредоточенности.

И тут Анаис взорвала запасенную бомбу:

– Мы также установили личность преступника.

– Что-о?

Она слегка подняла руки, умеряя его изумление:

– Ну, скажем так: криминалистам удалось найти в яме отпечатки пальцев, не принадлежащие ни жертве, ни вашему ковбою. Мы прогнали их через общенациональную базу данных и получили имя. Виктор Януш, бомж из Марселя. Несколько месяцев назад его задерживали за драку.

– Вы знаете, где он сейчас?

– Пока нет. Мы объявили его в розыск. Следовательно, найдем. На этот счет я не беспокоюсь. Коллеги из Марселя перевернут все ночлежки, все пункты оказания социальной помощи, все благотворительные центры «Эммаус» и все бесплатные столовые. Мы выясним, как и когда он прибыл в Бордо, и сцапаем его. В свое время точно так же поймали так называемого дорожного убийцу Франсиса Ольма.

Фрер, кажется, огорчился. Он все крутил в руках банку с колой, как будто ловил в металле свое отражение.

– Что вам о нем известно? – после затянувшейся паузы поинтересовался он.

– Пока ничего. Я жду материалы из Марсея. У нас сегодня весь день компы глючили. Главный враг современной полиции – это компьютерный вирус.

Психиатр не отреагировал на шутку. Подняв глаза к Анаис, он самым серьезным тоном спросил:

– Вы полагаете, что сцена убийства соответствует профилю бомжа?

– Ни в малейшей степени. Но мы всему найдем объяснение. Возможно, Януш – всего лишь соучастник.

– Или свидетель.

– Свидетель, который спускался в яму? И наследил там повсюду? Знаете, у нас это называется «вещественные доказательства».

– Это снимает подозрения с Патрика Бонфиса?

– Не так быстро. Остается эта история с планктоном. Но в настоящее время мы разрабатываем след Януша. Как только смогу, я сама съезжу в Гетари побеседовать с вашим протеже. В любом случае за кончик ниточки мы ухватились.

Фрер тихонько засмеялся:

– Да уж, вот что такое хорошие новости, рассказанные сотрудником полиции.

Она уловила в его интонации легкое ехидство, но не стала на нем заикливаться.

– А вы?

– Что я?

– Ну, с вашим рыбаком?

– Он понемногу обретает свою прежнюю личность. И уже не помнит о том, за кого себя выдавал.

– Как и о том, что видел на вокзале Сен-Жан?

Фрер устало потряс головой:

– Я ведь вам уже говорил. Об этом он вспомнит в последнюю очередь. Если вообще когда-нибудь вспомнит...

- И все-таки я должна его допросить.
- Надеюсь, вы не собираетесь его арестовывать?
- Да нет, конечно. Это я так сказала, чтобы вас припугнуть.
- Полицейские любят пугать народ. Иначе жизнь теряет для них смысл.

Нет, Анаис не послышалось: в его голосе звучала самая настоящая враждебность. С ним все ясно. Один из этих психиатров-леваков, вскормленных на всякой хренотени, изобретенной Мишелем Фуко. Трудно обольщать мужчину, если в поясной кобуре у тебя лежит «глок». Два фаллических символа на одну пару – это чересчур...

Она поставила банку на паркет. Надежды очаровать врача растаяли как дым. Слишком уж они разные...

Она уже собралась встать, когда Фрер вдруг тихо сказал:

- Я сам поеду в Гетари.
- Зачем?
- Расспросить Патрика. Выяснить, кто он такой на самом деле. Узнать правду о том, что произошло на вокзале Сен-Жан. – Он поднял к ней свою банку с колой: – В конце концов, мы с вами ведем одно и то же расследование.

Она улыбнулась. От снова вспыхнувшей надежды на сердце сразу потеплело. Никогда бы не подумала, что благодаря работе познакомится с таким обворожительным мужчиной.

- Вы уверены, что не хотите открыть мою бутылку?

\* \* \*

Два часа спустя Фрер принялся за работу.

Анаис Шатле как пришла, так и ушла – правда, пришла трезвая, а ушла навеселе. Они пили вино, смеялись и болтали. Фрер, привыкший к одиночеству вечеров, и мечтать не мог ни о чем подобном. Тем более – в разгар всей этой истории с убийством и амнезией.



Он не позволил себе ничего лишнего. Ни одного смелого жеста, ни одного провокационного намека. Хотя чувствовал, что путь открыт. Пусть он не был специалистом по женской психологии, но сложить вместе два и два умел. Визит на ночь глядя. Бутылка вина. Нарядная одежда – правда, он не понял, зачем под платье она надела джинсы: мода, что ли, такая? Одним словом, признаков того, что молодая сотрудница судебной полиции открыта для более тесного диалога, хватало.

Но он и пальцем не шевельнул. По двум причинам. Во-первых, он дал себе страшную клятву, что больше никогда не будет смешивать работу и личную жизнь. А Анаис Шатле, как ни крути, была связана с его работой, хоть и не напрямую. Второй причиной, более глубокой и отчасти интуитивной, был страх. Жуткий страх. А вдруг она откажется? А вдруг он ударит в грязь лицом? Когда он в последний раз был с женщиной? Он уже и сам не помнил. Он боялся, что у него ничего не получится...

На пороге его дома они простились как хорошие друзья. Договорились, что будут обмениваться информацией. В последний момент, поддавшись порыву, Фрер рассказал ей о двух странных типах в «ауди» модели Q7. Объяснил, что уже несколько дней они следят за ним. И даже дал ей пару снимков с номерными знаками черного внедорожника. Анаис эта история не очень-то убедила, но она пообещала ему проверить номер машины по своим каналам.

И вот наступила полночь, и он опять остался один. Дико трещала голова. Из-за вина. Он не выносил спиртного. Опять вспыхнула боль в глубине глаза. Но спать не хотелось. Он сварил себе кофе, включил диктофон и уселся за письменный стол.

Даже в этот поздний час он вполне мог проверить и уточнить сведения, полученные от Патрика Бонфиса. Прежде чем приступить к исследованию его психики, он хотел составить четкое представление о его подлинной личности.

Он приготовился делать записи и нажал кнопку «Воспроизведение». Ковбой родился в деревне Герен,

расположенной неподалеку от Тулузы. Фрер быстро вбил в поисковик слово «Герен».

Первый сюрприз.

Ни одного населенного пункта под таким названием в департаменте Верхняя Гаронна не значилось. Он расширил поиск до всего региона Юг-Пиренеи. Ни одного соответствия не найдено, выдала ответ программа.

Матиас вбил имя «Патрик Бонфис» и начал методично проверять информацию по разным учреждениям, действовавшим в области в те годы, – загсам, школам, отделениям госслужбы по трудоустройству. Ничего.

Он промотал кусок записи до того места, где рыбак рассказывал о своей жене. По его словам, Марина Бонфис сегодня жила в Ниме или где-то в его окрестностях. Фрер снова запустил поиск. И снова – с нулевым результатом.

Он весь покрылся мурашками. Шея взмокла от пота. Глухо пульсировала боль в глубине левого глаза, как будто там кто-то бил в маленький барабан: бум-бум-бум...

Он выключил диктофон и занялся проверкой данных, полученных от Сильви. В том числе истории про отца, погибшего в результате падения в чан с кислотой. Довольно скоро ему стало ясно, что поиск через Интернет ничего не даст. Чем он располагал? Названием несуществующей деревни и вымышленной фамилией?

Что касалось вступления Бонфиса в Иностранный легион, то на проверку этого факта он даже не стал тратить время – армейское командование гарантировало каждому солдату полную анонимность.

В любом случае он узнал много. Патрика Бонфиса не существовало. Как и Паскаля Мишелля.

Личность Бонфиса тоже возникла в результате диссоциативного бегства.

Фрер еще раз перечитал свои записи. Сильви Робен жила с Бонфисом три года. Судя по всему, она познакомилась с ним в тот

период, когда он пребывал в состоянии бегства от самого себя, о чем она, естественно, не подозревала. И с тех пор он постоянно лгал ей, *не отдавая в том себе отчета.*

Кем он был прежде?

Как много личностей он успел создать, сочинить и приспособить под себя?

Фрер попытался представить себе, как действует психика этого человека. В глубине его сознания множатся разные персонажи, преследующие одну и ту же цель: вытеснить того, кто кажется им опасным. Иными словами, его настоящего. Патрик Бонфис бежит от своих корней и от своей судьбы. По всей вероятности, это бегство обусловлено имевшей место психической травмой.

Ответом на этот вопрос отчасти служило присвоенное им имя. Как он сразу не догадался? Бонфис<sup>[18]</sup> – говорящая фамилия. Он всеми силами стремился стать «хорошим сыном». Значит ли это, что на самом деле он был сыном недостойным? В этом контексте история про убийство отца приобретала совсем иное звучание. Это – улика, пусть и замаскированная, извращенная, деформированная загадочными шестеренками подсознания.

Фрер встал из-за стола и, сунув руки в карманы, принялся мерить шагами гостиную. Мысли громоздились одна на другую. Чтобы вылечить великана, ему придется одну за другой разоблачить все его фальшивые личности, пока он не доберется до исходной. Подлинной личности.

Но пока он не знал даже, каким по счету психотическим бегством – вторым, третьим или десятым – было вызвано появление на свет ковбоя по имени Паскаль Мишелль. Зато он не испытывал ни малейших сомнений в том, что психика этого человека хранит в себе следы каждого выдуманного имени и характера. Они таятся в закоулках его души. Так ледник хранит следы ежегодных дождей. Значит, надо копать. Зондировать почву. Анализировать каждую деталь. Чтобы пробиться сквозь наслаения подсознательной памяти,

он использует все имеющиеся в его распоряжении средства. Гипноз. Амобарбитал. Психотерапию...

Фрер пошел на кухню выпить холодной воды. Машинально выглянул в окно. Никого. Никаких людей в черном. Может, они ему приснились? Он выпил второй стакан воды. И, уже ставя его в раковину, вдруг понял нечто очень важное для себя. Почему он с таким упорством добивается поставленной цели – расшифровать историю Бонфиса? Потому что это позволяет ему зачеркнуть собственные воспоминания о смерти Анны Марии Штрауб. Об ответственности психиатра, нарушившего профессиональную этику.

*Сосредоточиться на чужой боли, чтобы отвлечься от своей...*

\* \* \*

На следующее утро всю дорогу до Гетари Матиас Фрер думал об Анаис Шатле. Он и проснулся с мыслями о ней. Вспоминал ее лицо и ее голос.

– Вы замужем? У вас есть дети?

– Неужели я похожа на замужнюю женщину? Тем более мать семейства? Нет, для этого я еще не созрела.

– А для чего созрели?

– Для знакомств через Интернет. Всякие социальные сети.

– И как, удачно?

– Ну, скажем так, для сыщика у меня довольно тонкое чутье...

Чуть позже уже она задавала ему вопросы:

– Почему вы стали психиатром?

– По призванию.

– Неужели вам нравится копаться в чужих мозгах?

– Я не копаюсь в чужих мозгах. Я лечу людей. Стараюсь облегчить их страдания. Если честно, мне кажется, что ничего интереснее в мире нет.

Девушка прикусила нижнюю губу. Как и при первой встрече, он вдруг интуитивно почувствовал, что Анаис Шатле когда-то была пациенткой психиатрического отделения. Или, во всяком случае, имела серьезные психологические проблемы.

Подтверждение своей догадки он получил несколько минут спустя. Она наливала ему в бокал вино, и он обратил внимание на ее запястья, исчерченные кривыми и узловатыми полосами шрамов. Ему хватило даже беглого взгляда, чтобы определить их природу. Это не были следы попытки самоубийства. Напротив. Шрамы свидетельствовали о стремлении к выживанию.

Матиас в своей практике нередко сталкивался с подобным психическим расстройством. Подростки сами себе наносят раны, надеясь избавиться от ощущения безысходной тоски. Они чувствуют потребность выпустить из души наружу то, что не дает им дышать. Они не боятся вида крови. Физическая боль вытесняет моральные страдания и приносит облегчение. А зияющая рана дарит иллюзию того, что яд, отравлявший душу, вытек вместе с кровью...

Когда Анаис впервые появилась у него в кабинете, Фрер инстинктивно понял, что перед ним – сильная женщина. Из тех, кто оставляет свой след в мире. Она была сильной, потому что пережила страдание. Но одновременно она была хрупкой и уязвимой. И по той же самой причине. Конец XX века до полного износа затрепал банальную истину, суть которой лучше всех сформулировал Ницше в «Сумерках идолов»: «Что не убивает меня, то делает меня сильнее». Но это полная чушь. Во всяком случае, в примитивном современном толковании. Каждодневное страдание никого не закаляет. Оно изматывает человека. Делает его слабым. Раннимым. Кому, как не Фреру, это знать! Человеческая душа – не шкура животного, которая от дублирования становится качественнее. Человеческая душа – это сверхчувствительная, трепещущая, хрупкая мембрана. От ударов она мертвеет и покрывается шрамами. И начинает бояться мира.

Вот тогда страдание оборачивается болезнью. Обретает нечто вроде собственной жизни. Со своими ритмами и колебаниями. Эта

болезнь пробуждается без предупреждения, но, что самое ужасное, она подпитывает сама себя. Множатся приступы, и уже невозможно установить их связь с настоящим окружающего мира. Но даже если эта связь существует, она загнана так глубоко и так надежно спрятана, что никто, даже самый опытный психиатр, не в состоянии вытащить ее наружу.

Над Анаис Шатле висела подобная угроза. И кризис мог грянуть в любую минуту. Без всякой видимой причины. Без какого бы то ни было мотива. Просто потому, что боль станет невыносимой и душа захочет освободиться от яда. Пусть с кровью. Страдание приходит не извне, оно рождается внутри. Можно назвать его неврозом. Дисфункцией. Тревожным синдромом. Слов десятки, и Фрер знал их все. Для него они служили рабочим инструментом.

Но тайна оставалась тайной. Согласно легенде – потому что это не более чем легенда, – истоки нервных срывов следует искать в детстве человека. Зло прокладывает себе русло в первые годы формирования психики. Сексуальные извращения. Недостаток любви. Заброшенность. С этим Фрер не спорил. Он разделял убеждения фрейдистов. Но никто еще не дал ответа на самый главный вопрос: почему у одних мозг реагирует на детские травмы и фрустрации болезненнее, чем у других?

Ему приходилось встречать девочек-подростков, переживших групповое изнасилование, инцест, голод, грязь и побои, но он чувствовал, что, несмотря ни на что, они выкарабкаются. Встречал он и других, выросших в благополучных семьях, которые слетали с катушек из-за какой-нибудь ерунды, намек или подозрения на намеки. Некоторые дети, которых в детстве бьют, сходят с ума. Другие – нет. И никто не в состоянии объяснить почему. Может быть, души людей отличаются разной проницаемостью? И в одни из них боль, страх и зло просачиваются легче, чем в другие?

Что же случилось с Анаис Шатле? Действительно трагическое событие? Или что-то малозначительное, из-за повышенной чувствительности воспринятое ею как трагедия?

Мелькнувшее на указателе название «Биарриц» вырвало его из этих размышлений. Он уже ехал вдоль побережья. Миновал Бидар и приближался к Гетари. Пересек небольшую площадь, увидел стену для игры в пелоту и свернул к причалу. Припарковался в нескольких метрах от пристани и пешком пошел вниз по цементному спуску.

Был прилив. Океан обрушивал на темный песчаный берег вал за валом. Пенное кипение волн наводило на мысли о серой слюне смертельно больного существа. Вода переливалась всеми оттенками черного и коричневатого-зеленого цвета. Ее поверхность напоминала вздувшуюся, лакированную, складчатую кожу земноводного.

Лодка стояла на приколе, но великана в стетсоновской шляпе видно не было. Фрер бросил взгляд на часы. Десять утра. Рыбачьи суденышки с наклоненными к причалу мачтами и свернутыми сетями были на месте, но вокруг царило полное безлюдье. Работала только лавчонка, торговавшая рыбацкими снастями. Фрер расспросил продавца, и тот посоветовал ему поискать Бонфиса дома. Он жил в хибарке за пляжем, примерно в километре отсюда.

Матиас снова сел за руль. Его охватило смутное беспокойство. Вспомнились вчерашние преследователи. Они появились в его жизни одновременно с Патриком Бонфисом. И явно интересовались тем, что мог ему рассказать ковбой. Из этого он вывел, что ему грозит опасность. Но упустил из виду главное: если опасность грозила ему, то в ничуть не меньшей степени она грозила и Патрику. Зачем только он отпустил его из больницы? В клинике Пьера Жане, в своей палате, пассажир тумана ничем не рисковал.

Впереди показался белый домишко. Сооружение из бетонных плит, на котором владельцы укрепили деревянную вывеску в форме тунца. Фрер оставил машину возле кустарника и двинулся к дому, подняв воротник и сунув руки в карманы. Начал накрапывать дождь. Слева протянулась железная дорога, отделявшая остальные дома от океанского побережья. Справа к морю сбегали небольшие рощицы. Корабельные сосны, по крытый желтенькими цветочками утесник,

ярко-лиловые заросли вереска – все это стонало и качалось под ветром.

Он постучал в дверь. В ответ – тишина. Он еще раз постучал. Снова ничего. Беспокойство переросло в тревогу. Он обошел вокруг домишки и посмотрел в сторону моря. И сейчас же его лицо осветилось улыбкой. Парочка сидела внизу откоса. Патрик Бонфис, устроившийся на скале по-турецки, чинил сеть. Сильви, все в той же куртке, вышагивала своей расхлябанной походкой туда-сюда вдоль берега.

Через пару минут Фрер окликнул Сильви.

– Чего вам надо?

Его здесь не ждали. Внезапно ему открылась истина. Женщина все знала. Знала давно. Бегство, случившееся 13 февраля, было всего лишь одним из многих.

– Почему вчера вы не сказали мне правду?

– Какую правду?

– Патрик – никакой не Патрик. Это выдуманный персонаж. Первая жена, отец, упавший в кислоту, Иностраннный легион – все это чушь собачья. И вам это прекрасно известно.

– Ну и что? – Сильви набычилась. – Вам-то какое дело? Нам с ним хорошо, и нечего лезть в нашу жизнь.

Фрер понимал, что не имеет права давить на Сильви. Без ее поддержки он ничего не добьется. И правда никогда не выплывет наружу, если эта маленькая, но упрямая тетка откажется ему помогать.

– Все это не так просто, – спокойно начал он. – Патрик болен. Вы же не станете это отрицать. И он никогда не выздоровеет, если мы позволим ему и дальше жить фальшивой жизнью.

– Не понимаю, о чем вы.

Матиас читал на лице Сильви страх. Она боялась правды. Боялась узнать, кем на самом деле был ее Патрик. Почему? Может, у ковбоя были дети, жены, долги? Или преступное прошлое?

– Пройдемся немного?



Сильви молча обошла его и двинулась вдоль извилистой линии прибоя. Фрер глянул на Патрика, который, чуть приподняв капюшон куртки, только что заметил его. Рыбак дружески помахал ему рукой, но сеть не бросил. Нет, не может он быть преступником.

Фрер догнал Сильви. Ноги его проваливались в темный песок. Несмотря на дождь, над ними носились птицы. Чайки, поморники, бакланы... Во всяком случае, ему на ум пришли именно эти имена морских птиц. Их хриплые крики сливались с рокотом океана.

– Я не желаю, чтобы вы лезли к Патрику.

– Я должен его расспросить. Исследовать его память. Он не обретет покоя, пока не восстановит свою подлинную личность. Подсознание обманывает его. Он живет в плену иллюзий, во власти лжи, и эта ложь разъедает его разум и лишает его жизненной опоры. Вам нечего бояться. Вспомнив себя, он не изменит своего отношения к вам. Напротив, сможет наконец оценить вас по достоинству.

– Да что вы говорите! А если он вспомнит, что у него есть другая? Что у него...

Сильви не договорила. Она вдруг резко дернула головой, словно что-то ее оглушило. Фрер удивился: он не слышал никакого шума. Она покачнулась сначала в одну сторону, потом в другую. Фрер по-прежнему ничего не понимал:

– Сильви?

Женщина упала на колени. Матиас вгляделся и с ужасом обнаружил, что ей снесло половину черепа. От обнажившегося мозга в холодный воздух поднимался пар. В следующий миг из ее груди обильно хлынула кровь. Фрер рефлекторно обернулся к скале, на которой сидел Патрик. Великан скорчился, словно защищаясь от укусов невидимого зверя. Голова у него была разбита, дождевик заляпан красными пятнами. Тут же на глазах у Фрера от тела ковбоя вверх поднялся фонтан брызг, на фоне ненастного неба казавшихся черными.

В долю секунды, не разумом, а скорее подсознанием Фрер понял, что ему напоминает вся эта сцена – убийство президента Кеннеди. И лишь затем пришла мысль: в них стреляют. Из бесшумного оружия.

Опустив глаза, он увидел, что песок возле его ног вздымается фонтанчиками, каких не могут поднимать дождевые капли. Это пули. А стреляют с глушителем. Сквозь ливень и туман на него падал металлический дождь – свистящий, безжалостный, смертоносный.

Фрер больше не задавал себе вопросов.

Он уже бежал по тропинке к своей машине.

\* \* \*

Убийца был не один. Второй, судя по всему, поджидал его на насыпи, там, где Фрер оставил свой «вольво». Продираясь между кустами, Матиас поднял глаза. Никого. Он быстро оглянулся через плечо. С противоположного холма, метрах в трехстах с лишним, по песчаной тропе спускался вниз мужчина, раздвигая телом густые заросли. В руках он держал что-то черное. По всей видимости, автоматический пистолет. Снайпер? Или его подручный? В тот же миг с кустарника рядом с Фрером посыпались листья и ветки. Это был ответ на его вопрос.

Стрелок засек его и взял на мушку.

Фрер упал на землю и на четвереньках пополз между соснами, можжевельником и колючими кустами ежевики. Надо отползти подальше от тропинки и попытаться подняться выше, понимал он. У него горели ободранные руки, но пока он продвигался вперед. В голове царил полный сумбур. Перед глазами стояли только что виденные картины. Развороченный череп Сильви. Расстрелянное в упор тело великана.

Фрер выбрался из зарослей напротив дома Бонфисов. От «вольво» его отделяло примерно пятьдесят метров. Он побежал к машине вдоль железнодорожного полотна, спотыкаясь и

подворачивая ноги на насыпи. Мужчины с пистолетом он больше не видел, как не видел и второго – снайпера. Ему оставалось проделать всего несколько метров, когда ветровое стекло его автомобиля вдруг пошло мелкими трещинами, словно посыпанное сахарным песком. Со стоном лопнула крышка. Вылетело боковое стекло.

Фрер бросился под укрытие нескольких стоящих рядом сосен. Ему казалось, что легкие его сейчас разорвутся. Он не соображал, что делает. Пули свистели – он явственно слышал их свист – вокруг машины. До руля ему не добраться. Может, перебежать через пути? За ними идет асфальтовая дорога. Нет, он станет отличной мишенью для стрелка. Вернуться на пляж? Еще хуже. Выхода не было. У него не было никакого выхода. Только дождь, с силой колотивший по земле, листве и его измученному мозгу.

Повинуясь рефлексу, он повернул голову. Мужчина с пистолетом только что вынырнул из кустарника и бежал вдоль рельсов в его направлении, не обращая внимания на хлеставшие потоки дождя. Да, это точно он. Один из людей в черном. Чиновник с густыми бровями и плешивой головой. Он держал пистолет перед собой и беспрестанно озирался по сторонам. Фрер догадался, что пока он его не засек.

Он присел на корточки. Что же делать? Вода струилась по его лицу. Вокруг трепетала листва. В воздухе пахло мокрой землей. Если б только он мог раствориться в пейзаже. Слиться с раскисшей почвой, спрятаться между древесных корней...

Вдалеке послышался гул. Земля под ногами задрожала. На миг ему подумалось, что сейчас его пронзит молнией. Или что мир разверзнется бездной, чтобы поглотить его. Он насторожился, как чуткое животное, и прислушался. Это приближался поезд. Он шел, и его движение сопровождалось металлическим лязгом и вибрацией. Региональный экспресс, понял он.

Состав проходил справа от него на малой скорости. Желто-красный локомотив тянул за собой выводок вагонов, как заключенный таскает за собой свои цепи. Фрер быстро глянул

налево: убийца сократил разделявшее их расстояние, но его по-прежнему не замечал. Если бы каким-нибудь чудом ему удалось оказаться по ту сторону путей, он был бы спасен. Пока поезд будет ползти, он сумеет убежать. Грохот сделался оглушительным. Состав был уже в нескольких метрах и еще немного замедлил ход. Фрер отступил за сосновый ствол, но успел увидеть, как убийца пятится назад.

На ту сторону пути.

Теперь, когда между ними катился поезд, Фрер резко поднялся на ноги. Вагон... Второй... Секунды тянулись бесконечно, словно отлитые из свинца. Всего несколько метров... Третий вагон... Четвертый... Колеса громыхали по рельсам, высекая снопы искр. Когда пятый – последний – вагон поравнялся с Фрером, он выскочил из своего укрытия.



## Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

# ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

## ПАССАЖИР

ГРАНЖЕ ДЕРЖИТ ЧИТАТЕЛЕЙ В НАПРЯЖЕНИИ НА ВСЕМ ПРОТЯЖЕНИИ  
ДИСТАНЦИИ, КОТОРУЮ ЕГО НЕВЕРОЯТНО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ГЕРОИ  
ПРЕОДОЛЕВАЮТ НАПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ.

**L'Express**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

# Примечания

## 1

*Камилла Клодель* (1864–1943) – известный скульптор, сестра писателя Поля Клоделя, ученица и подруга Огюста Родена, умерла в сумасшедшем доме, утверждая, что Роден присвоил ее идеи.

[Вернуться](#)

## 2

*Пелота* – баскская игра в мяч.

[Вернуться](#)

## 3

«Подняться» (*англ.*).

[Вернуться](#)

## 4

*Крав-мага* – израильская военная система рукопашного боя.

[Вернуться](#)

## 5

«Всё на своем месте» (*англ.*).

[Вернуться](#)

## 6



Тунисская улыбка – разрез от уголка рта до уха (пытка или способ убийства).

[Вернуться](#)

**7**

«Лабиринт личности» (англ.).

[Вернуться](#)

**8**

«Дикие лошади» (англ.).

[Вернуться](#)

**9**

«Идеальный день» (англ.).

[Вернуться](#)

**10**

Здесь: недвусмысленный (исп.).

[Вернуться](#)

**11**

Электрострекало для скота, использовавшееся как орудие пытки (исп.).

[Вернуться](#)

**12**

*Фронтон* – стена и поле для игры в пелоту.

[Вернуться](#)

## 13

Площадка для испытания и отбора животных для корриды (*исп.*).

[Вернуться](#)

## 14

*Mayoral, conosedor* – старший пастух (*исп.*).

[Вернуться](#)

## 15

*Здесь*: четырехлетка (*исп.*).

[Вернуться](#)

## 16

Сухой корм (*исп.*).

[Вернуться](#)

## 17

Банковская карта с открытым кредитом.

[Вернуться](#)

## 18

*Vonfils (фр.)* – *bon* (хороший) и *fils* (сын).

[Вернуться](#)